

ИТАЛЬЯНСКАЯ МАФИЯ

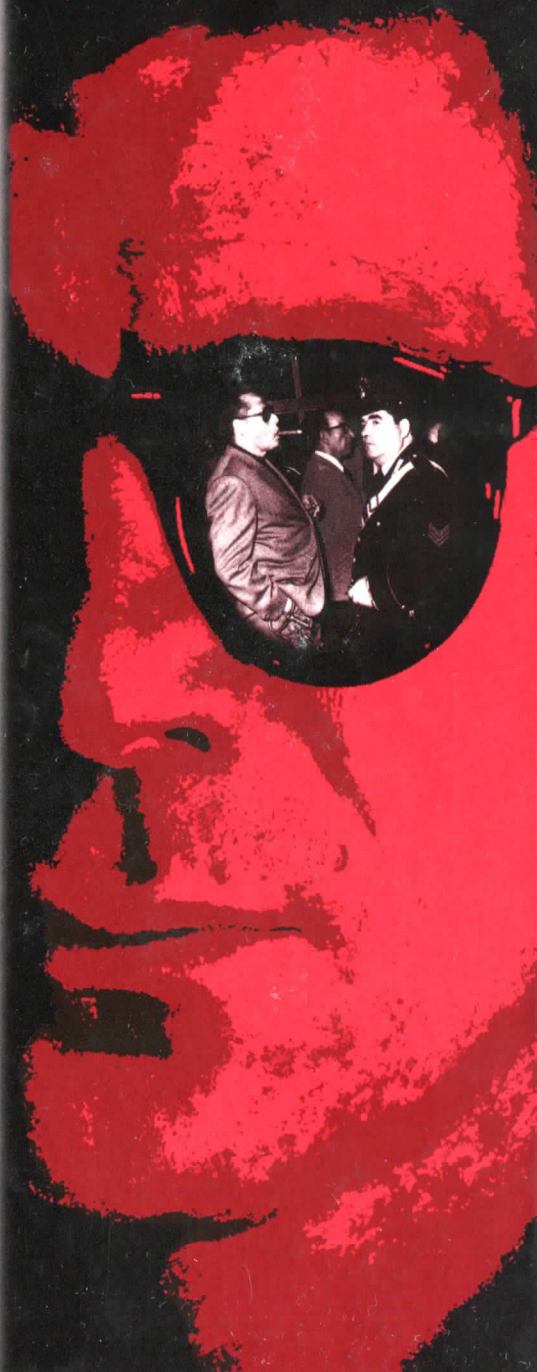

Фабрицио Кальви

ПОВЕДЕННАЯ ЖИЗНЬ

ИТАЛЬЯНСКОЙ МАФИИ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

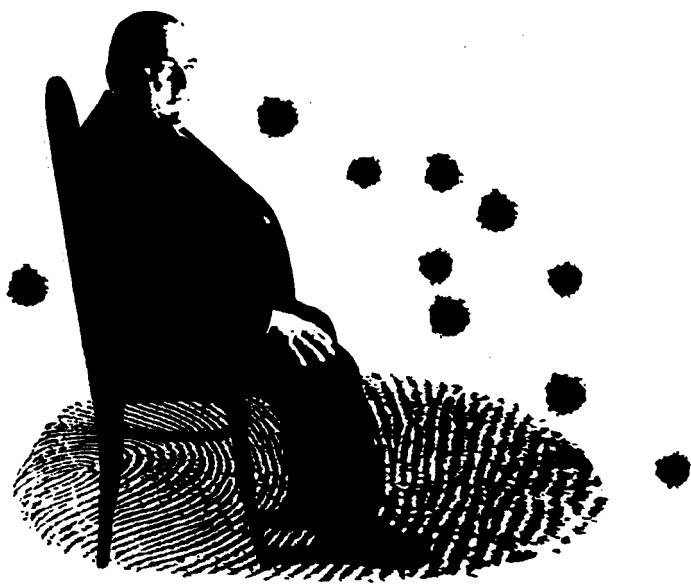

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Фабрицио Кальви

Fabrizio Calvi

LA VIE QUOTIDIENNE
DE LA MAFIA
DE 1950 À NOS JOURS

HACHETTE

ЖИЗНЬ ИТАЛЬЯНСКОЙ МАФИИ

УДК 323(450)

ББК 66.3(4Ит)

К 17

Перевод с французского
О. ИВАНОВОЙ

Вступительная статья
Т. БАСКАКОВОЙ

Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА

Перевод осуществлен по изданию:
Fabrizio Calvi.
La vie quotidienne de la mafia. De 1950 a nos jours.
Paris, Hachette, 1986.

Scan by Greego

- © Hachette, 1986.
- © Иванова О. И., перевод, 2000 г.
- Баскакова Т.А., вступительная статья, 2000 г.
- © Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2000 г.
«Палимпсест», 2000 г.

ISBN 5-235-02370-6

6 июня 1997 года сицилийская полиция арестовала Пьетро Альери, второе по значению лицо в местной мафии. Тридцативосьмилетний Альери, на протяжении последних восьми лет скрывавшийся от правосудия, был захвачен в своем загородном доме, в нескольких километрах от Палермо. В подполе дома обнаружили церковь — с алтарем, мраморной балюстрадой, дарохранительницей, изображениями Тайной Вечери, Святого Августина, Мадонны, почитаемой в близлежащем городке Миличия. В ларцах хранились сотни фигурок святых, в том числе десять — Святого Михаила Архангела, покровителя полицейских. В доме нашли также множество духовных книг; две из них — «Жизнь пилигрима» (перевод двух анонимных произведений, написанных в одном из русских монастырей в середине прошлого века) и «Исповедь» Святого Августина — лежали на ночном столике хозяина.

Полиция арестовала также падре Марио Фриттитту — священника прихода Калса в Палермо, который «по совместительству» отправлял службу в той подпольной церкви.

Сообщение об обстоятельствах двойного ареста вызвало в Италии дискуссию о взаимоотношениях церкви и мафии. Ведь «Синьорино» («молодой синьор» — так называли Альери за особое щегольство в одежде), окончивший гимназию при архиепископской семинарии в Палермо и

лицей при семинарии в Монреале, начал свою мафиозную карьеру как киллер, затем весьма успешно занимался наркобизнесом и наконец сменил Тото Рину на посту главы «Капитула» (высшего арбитражного органа в случае конфликта или при необходимости согласования действий между различными мафиозными «семьями»). Как уживались в его душе Евангелие и насилие? Был ли прав ли падре Фритти-та, утверждая, что всего-навсего пытался наставить Альери на путь истинный и ни в коей мере не являлся пособником его преступлений?

Чтобы читатель мог составить собственное мнение об этих проблемах, попытаемся напомнить ему — в самых общих чертах — историю сицилийской мафии, рассмотреть внутреннюю структуру и ритуалы этой организации (а также родственной ей калабрийской «ндрангиты») и, наконец, проследить изменение позиции церкви по отношению к «людям чести», как именуют себя сами мафиози.

Мафия — взгляд извне

«Одна курица решила стать членом мафии. Она пошла к министру мафии, чтобы получить у него письменную рекомендацию, но он сказал ей, что мафии не существует. Она пошла к судье мафии, но и он сказал, что мафии не существует. Наконец, она пошла к градоначальнику мафии, но он также сказал, что мафии не существует. Тогда курица вернулась в курятник и на вопросы своих товарок отвечала, что мафии не существует. И тут все куры подумали, что она вступила-таки в мафию, и стали ее бояться».

В процитированном отрывке из книги Луиджи Малербы «Башковитые куры» обыгрываются два реальных факта. Во-первых, о внутренней структуре мафии люди, посторонние ей, до самого последнего времени почти ничего не знали. Можно по пальцам пересчитать случаи, когда в руки властей попадали какие-то документы о внутренних делах мафии (члены этой организации записей принципиально не ведут). Случаев же, когда арестованный мафиози выда-

вал своих сообщников, практически не было. А это значит, что мафия — не просто преступная организация, но общество, спаянное железной дисциплиной и имеющее свою, достаточно сильную идеологию (как иначе объяснить, что у них отсутствует феномен «предательства», известный во все века, во всех враждующих армиях?). Во-вторых, молчало и население — побуждаемое к тому, конечно, страхом, но также и необходимостью (в экономически отсталой Сицилии, бедствиями которой остаются крайняя нищета и безработица, люди предпочитают не восставать против «хозяев жизни», но искать их покровительства), и тем, что отчасти разделяет (или до недавнего времени разделяло) идеологию мафиози. Понятие *амертэ*, которое приблизительно можно перевести как «поведение, достойное мужчины» и которое подразумевает прежде всего неразглашение секретов своей «семьи» (клана, нации) чужакам, было впитано с молоком матери не только «людьми чести», но и большинством их соотечественников — ведь Сицилия на протяжении веков оставалась окраиной иноземных империй и ощущает себя «падчерицей» даже в сегодняшней Итальянской республике.

Мафия родилась на западе Сицилии (в треугольнике, вершинами которого можно считать города Палермо, Трапани, Агридженто) в самом начале XIX века, в эпоху владычества Бурбонов. Тогда сицилианские аристократы не имели других источников доходов, кроме своих земель — их не приглашали ко двору, а в армии французы предпочитали использовать швейцарских наемников. Работать же на земле не позволяла дворянская честь. Земли стали сдавать в аренду. Арендаторы (по-итальянски они назывались *габеллотти*) обзаводились собственными вооруженными отрядами, выколачивали из крестьян подати, обеспечивали их послушание и вскоре сделались первыми предпринимателями в здешних местах — владельцами мельниц, прессов для оливок и винограда, ростовщиками и, одновременно, реальной военной силой.

После объединения Италии (многие габеллотти присоединились к Гарибальди) их влияние только усилилось. В апреле 1865 года префект Палермо маркиз Филиппо Гвалтерио впервые употребил в официальном донесении слово «мафия», а уже в мае 1875 года заместитель префекта Палермо кавалер Сораньи писал министру иностранных дел: «Мафия (... эта огромная организация... которая распространилась на весь социальный организм и, действуя противоположными методами запугивания и покровительства, пытается подменить собою публичную власть...) имеет ныне бо́льшую силу, нежели правительство и закон».

С конца XIX века представители мафии начинают занимать важные должности в местных органах власти — коммунальных и провинциальных.

Примерно тогда же окончательно формируется «стиль жизни» мафиози. Они завоевывают огромный авторитет в обществе. Так, дон Витторио Галэ, глава мафиозной «семьи» Монреале, человек, на счету которого было 39 убийств, ежедневно отправлялся по своим делам в обыкновенной конке и каждый спешил уступить ему место — подобного уважения не оказывали даже пользовавшемуся той же конкой монреальскому архиепископу.

У мафиози вошло в обычай оставлять на месте преступления особые следы: они вкладывали в рот убитого камень, рассыпали на его груди плоды кактуса. Начались кровавые «вендетты», войны между «семьями», в ходе которых не щадили даже двенадцатилетних подростков.

В начале XX века, вместе с волной итальянских эмигрантов, сицилийские мафиози попали в Америку (первые сведения об этом относятся к 1915 году), где основали «дочернюю» мафиозную структуру, «Коза ностру», не порывая, однако, связей с «семьями» на родине.

Фашистское государство не желало терпеть рядом с собой столь мощную организацию, и в октябре 1925 года Муссолини назначил префектом Палермо

Чезаре Примо Мори, дав ему четкие указания искоренить мафию. За три года, пока Мори оставался в должности префекта (в 1929 году он вынужден был уйти в отставку по возрастному цензу), мафии был нанесен страшный урон. Тысячи мафиози предстали перед судом и были осуждены; среди них — синдики и другие представители коммунальных органов власти, священники и адвокаты, запятнавшие себя связью с преступной организацией. Впервые государство стало осуществлять целенаправленную политику борьбы с мафией. Однако после отставки Мори такая политика быстро сошла на нет.

10 июля 1943 года на Сицилии высадился англо-американский десант. Во время проведения этой операции большую помощь союзникам оказали местные мафиози, а также их итало-американские соратники — прежде всего Счастличик Лучиано и Вито Геновезе (прототип дона Вито Корлеоне, героя знаменитого романа Марио Пьюзо «Крестный отец» и одноименного фильма Фрэнсиса Форда Копполы). Многие факты свидетельствуют о том, что на всем протяжении Второй мировой войны сицилийская мафия активно занималась шпионажем в пользу англо-американцев. Как бы то ни было, летом 1943 года союзники назначили синдиком Муссомели мафиози Генко Руссо, а синдиком Виллальбы — мафиози Калоджеро Виццино*. Мафиози устанавливали личные связи с представителями местных органов власти, их дети становились адвокатами, врачами, священниками и, занимаясь профессиональной деятельностью, оказывали многочисленные услуги своим сородичам.

Типичной фигурой послевоенного периода был глава мафиозной семьи Корлеоне врач Микеле На-

* Когда последний, в 1954 г., был убит, в его родном городе о его смерти сообщалось так: «КАЛОДЖЕРО ВИЦЦИНО, наделенный способностями гения, возвеличил славу своего благородного рода; человек острого ума, динамичный, неутомимый, он давал земли батракам, работу и хлеб — тем, кто занимается добычей серы; он делал добро и создал себе имя, которое ценилось как внутри Италии, так и за ее пределами. Он всегда улыбался, и сегодня, когда покоится в мире Христовом, друзья и враги дают о нем самое лучшее свидетельство: ОН БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ ЧЕСТИ».

варра (убит в 1958 году). Он совмещал должности директора госпиталя в Корлеоне, главного врача сицилианских железных дорог, директора туберкулезного санатория, президента Конфедерации сельхозпроизводителей и другие. Этот врач, собственной рукой сделавший смертельную инъекцию тринадцатилетнему подростку, который случайно стал соучастником его преступления, был другом многих политических деятелей, в том числе Марио Шелбы, могущественного министра иностранных дел Италии во всех христианско-демократических правительствах с 1948 по 1953 год. Жители Корлеоне называли Наварру так, как обычно именуют Господа, — *u patri nostru*, «отец наш».

Примерно до 1950 года Сицилия оставалась исключительно аграрной страной. Начиная с этого времени мафиози стали заниматься контрабандой сигарет, доставкой в США героина (который производился на подпольных сицилийских фабриках из сырья, поступавшего из Турции и Ливана), жилищным строительством в Палермо. Возникли первые крупные состояния, нажитые на наркобизнесе. С 12 по 16 октября 1957 года в Палермо проходила историческая встреча представителей сицилийских поставщиков героина (Генко Руссо и Гаспаре Магадино), «посредников» (Санто Сорджи и Счастливчик Лучиано) и «американцев» (Джо Бонанно и Фрэнк Гарофало). В 50 — 60-е годы сицилийцы полностью обеспечивали потребности американского наркорынка.

В 70-е годы деятельность сицилийской мафии распространилась на всю страну (прежде всего на крупные города Севера, переживавшие экономический «бум» — Милан, Турин, Геную и Рим), а героин начали продавать и в самой Италии. В конце 70-х годов были заключены соглашения между представителями мафии и 'ндрангиты о сотрудничестве в некоторых сферах международной торговли героином.

Специалисты, которые занимаются сицилийской мафией, говорят о ее перерождении, о феномене

«новой мафии», существующем приблизительно с 1970 года. Выйдя на международный уровень, мафия, с одной стороны, оказалась сильнее других преступных организаций (именно благодаря своим традициям, четкой структуре, идеологии) и начала влиять на них, а с другой — заимствовала методы борьбы «обыкновенных» преступников и террористов (вместо традиционной самодельной бомбы, лупары или веревки для удушения мафия теперь использует автомат Калашникова и другое современное оружие), по необходимости стала привлекать в свои ряды не очень проверенных людей. К 1970 году число мафиози на Сицилии не превышало 1000 человек — количество, явно недостаточное для крупных международных операций в условиях приобретших ожесточенный характер мафиозных войн за передел сфер влияния; в это же время мафия впервые вступила в открытый конфликт с государством.

В 1971 году в Палермо был убит прокурор республики Пьетро Скальоне. В 1977 — 1982 годах произошла целая серия убийств крупных государственных деятелей, военных, журналистов, которые вели бескомпромиссную борьбу с мафией. Политические преступления противоречили старым традициям мафии и вызвали острый кризис в ее рядах, о котором и повествуется в книге Фабрицио Кальви.

Мафия — взгляд изнутри

Слово «мафия», происхождение которого не вполне ясно («мафиозо» по-итальянски значит «франт»), сами члены этой организации не употребляют. Они называют себя «Обществом чести» или «Коза ностра» («Наше дело» — выражение, впервые возникшее в среде американских мафиози). Слово «ндрангита» (название родственной преступной организации в провинции Реджо-ди-Калабрия) произошло от греческого *andragáthos* («человек мужественный, честный, достойный») — то есть в основе названий того и другого сообщества лежат однотипные представления об избранных, достойных людях, своего рода элите.

Члены сицилийской мафии возводят свое происхождение к средневековой секте последователей Святого Франциска ди Паоло, будто бы основанной в 1185 году. В XVIII веке члены этой секты, или тайного общества, обитали в Палермо, в подземных пещерах, днем молились, а ночью, как рассказывали в народе, совершали вылазки, чтобы защищать угнетенных бедняков.

Вступая в организацию, каждый член мафии проходит торжественный обряд инициации, в ходе которого клянется защищать вдов, сирот, вообще семью, не красть, не желать жены ближнего своего, беспрекословно выполнять распоряжения вышестоящих. Мафиози не терпят в своих рядах воров и нарушителей супружеских прав. Развод в их среде запрещен. Однако, с другой стороны, вступить в организацию может лишь тот, кто зарекомендовал себя как хладнокровный убийца (поэтому молодые претенденты зачастую совершают по видимости бессмысленные, ничем не мотивированные преступления).

Мафиозная организация строится по территориальному принципу. Так, территорию провинции Палермо контролируют около двадцати семей, территорию Нью-Йорка — пять. Всего в Италии (на конец 1997 года) насчитывалось 463 «семьи». Каждая «семья» обладает полной автономией на своей территории: чтобы совершить преступление на чужом участке или даже просто купить там дом, мафиози должен обратиться за разрешением к контролирующей этот участок «семье». Управляет делами «семьи» избираемый «людьми чести» «глава» (*капо*, *капофамилья*) или «заместитель», которого он назначает сам (вице-капо). В зависимости от величины семьи, у «главы» может быть от одного до трех «советников» (*консильери*). Среднее звено организации представляют «начальники десятков» (*капидечина*), которые командуют «бойцами». Число «бойцов» «семьи» относительно невелико (от двадцати до семидесяти), но с ней сотрудничает большое число людей, которые «людьми чести» не являются, хотя и оказывают мафии, по мере необходимости, разовые услуги.

В принципе, любой «боец» может достичь высших должностей в мафии, пройдя по порядку всю ее иерархию. Его успех будет зависеть от личных качеств, а также родственных и дружеских связей с видными деятелями мафиозных групп. Пример такой «блестящей» карьеры — история Лучано Лиджио, выходца из крестьянской семьи, убийцы, полукалеки (он был болен костным туберкулезом), одного из самых страшных киллеров семьи Корлеоне, который, убив Микеле Наварру, возглавил эту семью и стал инициатором кровавой войны между мафиозными кланами в начале 80-х годов.

Высший орган мафии, регулирующий отношения между семьями одной провинции, называется «Комиссией», или «Капитулом». Комиссия состоит из «секретарей», каждый из которых избирается на три года и представляет интересы трех семей. В 70-е годы была создана «межпровинциальная комиссия», в которой представлены семьи всей Сицилии. Глава Комиссии (то есть глава сицилийской мафии) избирается демократическим путем из всех ее членов. 'Ндрангита имеет ту же внутреннюю структуру, но, в отличие от мафии, в ней нет единого координирующего органа, который соответствовал бы сицилийской Комиссии.

Итак, еще в недавнем прошлом человек, вступавший в мафию, сколь бы бедным он ни был, во-первых, сразу же повышал свой статус в глазах окружающих (мафиози легко можно было узнать по развязному поведению, ярким шейным платкам и т.д.); во-вторых, мог рассчитывать на карьеру внутри организации, помощь главы «семьи», «семейных» адвокатов и пр., «пенсию» для себя и ближайших родственников в случае тюремного заключения. К этому прибавлялся еще один удивительный феномен: мафиози ощущал себя человеком глубоко религиозным, ибо все обряды организации были как бы санкционированы Богом и святыми. Правда, религиозность эта — весьма странного свойства. Так, прино-

ся клятву во время обряда инициации, каждый вступающий в мафию человек должен уколоть свой палец колючкой, подождать, пока несколько капель крови прольются на бумажную иконку с изображением святого, потом поджечь иконку и, перекладывая ее из руки в руку, пока бумага не сгорит, произнести следующие слова: «Моя плоть пусть сгорит, как эта святая икона, если я не сохраню верность своей клятве». Как тут не вспомнить рассказ Хорхе Луиса Борхеса «Евангелие от Марка»? Герой этого рассказа, аргентинский студент, оказавшись летом в поместье друга, в обществе неграмотного управляющего с примесью индейских кровей и его сына и дочери, стал по вечерам читать им Евангелие. Они слушали его с интересом, задавали вопросы, старались во всем угодить, а потом... соорудив из досок крест, распяли, чтобы через его смерть обрести Спасение. Так они поняли библейский текст.

Хочется процитировать несколько отрывков из ритуальных диалогов членов 'ндрангиты. Ознакомившись с ними, трудно не почувствовать, что эта организация обладает собственной, достаточно цельной религиозной идеологией, в которой перемешаны христианство, фольклорные мотивы, заимствованный менталитет феодальных сеньоров.

« Я приказываю Вам, мудрый товарищ, именем нашего строжайшего Святого Михаила Архангела посмотреть под Вашей правой ступней, где находится широкая и глубокая гробница, достигающая уровня моря, и там Вы найдете два ключа, один из золота и один из серебра: тот, что из золота, принадлежит мне, а тот, что из серебра, — Обществу» *(из обряда инициации)*.

«— Окажите мне честь, мудрый товарищ, скажите, как Вы узнали Общество?»

— Было прекрасное утро субботы и светила звезда. Когда я шел, то увидел сад с розами и другими цветами и посреди сада стояла звезда. Меня встретил Ангел и спросил: «Чего Вы ищете?» — «Я странствую в

поисках садика с розами и другими цветами, где крестят отроков — КАМОРРИСТОВ и ЮНОШЕЙ ЧЕСТИ». — «Если Вы ищете этот сад, то входите». И так я вошел» (*из обряда знакомства*).

«— Окажите мне честь, мудрый товарищ, я разговариваю с Вами. Можете ли Вы ответить, что представляет собой Незримое Общество?»

— Высокочтимый мудрый товарищ, Незримое Общество представляет собой огромный зеленый луг, вокруг которого непрерывно разгуливают ангелы и несравненные кавалеры, чтобы расставить по местам все вещи, что находятся за его пределами; все души духовные и телесные, которые их знают; друзей и родственников из иного мира, которые их не знают. Кто попадает к ним, тех узнают, и они показывают только свои достоинства, чтобы их узнали. Они исполняют обязанности Святых Рая, которые принимают и направляют всех в соответствии с заслугами: луг и крест, крест и луг» (*из обряда избрания на более высокую должность*).

«— Окажите мне честь сообщить, какой знак Вы носите внутри общества и какому святому поклоняетесь?»

— Поклоняюсь Иисусу Христу на кресте и ношу номер 25 марта, дня нашей Пресвятой Богородицы, которой поклоняюсь и которую ищу повсюду и изображение которой ношу на груди» (*из обряда встречи*).

Преступления и вера уживаются вместе, как кажется, потому, что мафиози делят людей на несколько категорий. Кодекс «чести» действует только в рамках самого общества (члены которого, между прочим, обязаны говорить друг другу абсолютную правду). Очень легко, особенно в последние годы, происходит сужение сферы действия этого принципа: он вдруг перестает соблюдаться в отношении враждебных (или просто конкурирующих) мафиозных «семей». Одной из причин войны мафиозных группировок в начале 80-х годов послужило грубейшее нарушение законов

Общества об убийстве должностного лица, Джузеппе Руссо (1977), не поставили в известность тогдашнего главу Комиссии, капо «семьи» Чинизи Гаэтано Бадаламенти. К тем, кто в организацию не входит, вообще относятся как к существам низшего сорта. Известно множество случаев, когда людей убивали «по ошибке» — потому, например, что они случайно прогуливались вместе с человеком, которого решено было похитить или убить, или из них рассчитывали вытянуть какую-то информацию, которой, как было очевидно самим мафиози, они скорее всего не располагали. Герой романа Леонардо Шаши «День совы», глава мафиозной семьи дон Мариано, утверждает: «То, что обычно называют человечеством... я делю на пять категорий: люди, полулюди, людишки, рвачи (упоминаю о них с уважением) и шушера... Людей чрезвычайно мало, полулюдей мало. Будь моя воля, я остановился бы на полулюдях... Так нет же, деградация идет еще ниже, до людишек: они — дети, возмнившие себя взрослыми. И еще ниже, до рвачей, которых уже легионы... И наконец, до шушеры: им бы следовало жить в прудах вместе с утками, ибо их жизнь имеет не больше смысла и пользы, чем жизнь уток...»

Мафия и Церковь

К сожалению, совсем до недавнего времени итальянская церковь не ставила перед собой задачи целенаправленной борьбы с мафией. Вряд ли мы должны усматривать в этом ее вину. Ведь и государство приняло соответствующий закон только в 1982 году. Проблема «кривого зеркала» христианства — проблема философская, и ею стали заниматься тоже не так давно (я имею в виду прежде всего работы медиевистов об особенностях восприятия христианской религии в среде неграмотного крестьянства). А ведь мафиози организовывали народные религиозные праздники, делали богатые пожертвования, участвовали в церковных процессиях...

В 1964 году, когда парламентская комиссия «Антимафия» (1962—1976) планировала инспекционную

поездку по Сицилии, кардинал Палермо Руффини обосновывал свое негативное отношение к этой идее так: «Безжалостная пропаганда, действуя через печать, радио, телевидение, в конце концов заставила и Италию и другие страны поверить в то, что зараза мафии распространилась на большей части острова и что все сицилийцы — мафиози».

Мы знаем случаи, когда сицилийские священники сотрудничали с мафией (в 70-е годы падре Агостино Коппола был осужден на десять лет за сообщничество в похищении, осуществленном Лучано Леджо; в 1980 году был убит францисканский монах фра Джачинто, который, как выяснилось, «обслуживал» одно из кладбищ мафиози и получал от мафии деньги; ныне прокурор Палермо обвиняет в связях с мафией архиепископа Монреале Кассизу). Однако подобные случаи — редкие исключения. Иногда священники становились невольными пособниками мафии — их использовали для ведения переговоров об уплате выкупа за похищенных (дела о похищении Кассина в Палермо и Росси в Турине). Гораздо больше было таких священников — в епархиях Палермо, Кальтаниссетты, Монреале, — которые боролись с мафией и стали ее жертвами.

Перелом в отношении церкви к мафии наметился в 1982 году, в связи с убийством супругов Далла Кьеза. Архиепископ Палермо кардинал Сальваторе Паппалардо отслужил мессу, которую назвали «антимафиозной», ибо в ней слова Евангелия прозвучали как осуждение этой организации. В том же году кардинал возобновил церковную анафему на всех исполнителей и вдохновителей убийств, ранее провозглашавшуюся в 1944 и 1950 годах. В ноябре 1982 года Палермо посетил папа Иоанн Павел II. В своем выступлении он осудил убийства, но слово «мафия» при этом не было произнесено.

К тому времени произошли важные сдвиги в культурной ситуации на Сицилии. В 60-е годы во всей Италии были введены пенсионное обеспечение, общедоступная медицинская помощь, обязательное школьное образование для детей до 14 лет.

Телевещание позволило многим людям познакомиться с иной, «цивилизованной» системой ценностей. Стал меняться менталитет. Характерно, что активный борец против мафии Джузеппе Импастано, убитый в 1978 году, был сыном «человека чести» из семьи Чинизи Луиджи Импастано. В октябре 1982 году христиане Палермо опубликовали открытое письмо, в котором, в частности, говорилось: «Что можно сказать о культурном отставании нашей Церкви, которой не удалось взвешенно и последовательно проанализировать феномен мафии?.. Нам представляется важным и насущно необходимым потребовать у нашего епископа созыва церковной конференции, на которой мы могли бы... вместе решить, что сегодня можно сделать для нового и свободного евангельского свидетельствования нашей Церкви — именно в связи с проблемами, которые ставят перед нами власть и насилие мафиози».

9 мая 1993 года в Агридженто папа произнес историческую инвективу против мафии.

В октябре 1993 года был убит священник прихода Бранкаччо (в Палермо) Пино Пульизи. На протяжении многих лет этот мужественный человек боролся с мафией очень действенным средством — пытаясь улучшить жизнь своих прихожан, добиться того, чтобы в его квартале построили среднюю школу, библиотеку, спортивную площадку, отремонтировали церковь. Он писал властям: «Без школы не может быть будущего для наших ребят, и именно поэтому мы просим среднюю школу для нашего квартала. Многие подростки избегают обязательного школьного образования и выбирают своей учительницей улицу. Они становятся жертвами волны насилия, спастись от которой очень трудно». Пульизи не «облегчал души» мафиозных главарей, как это делал, например, падре Фриттита, но и не закрывал ни перед кем путь к покаянию. Он обращался к мафиози так: «Двери церкви распахнуты, вы наши братья, в этой церкви вас крестили. У этого квартала, у ваших семей может быть совсем другая жизнь».

После ареста Фриттиты впервые началась дискуссия о выработке единой церковной политики в отношении мафии. По поручению кардинала Ди Джорджи пять теологов Палермского университета подготовили перечень проблем, которым предстоит стать предметом обсуждения. Главный смысл этого документа заключается в том, что Церкви подобает бороться с мафией собственными, специфическими средствами, отличными от тех методов, которыми пользуется политическая власть или гражданское общество. Эти средства — «прощение, милосердие, бескорыстная любовь». Отныне речь идет не о решении какого-либо священника, но о комплексных, органичных действиях всей Церкви.

Одна из наиболее актуальных проблем — проблема покаяния. Может ли священник встречаться с мафиози, например, если тот скрывается от полиции? Как он должен себя вести, чтобы не стать пособником преступника? По мнению теологов, священник не обязан посещать мафиози, скрывающегося от правосудия, за исключением того случая, когда тот пребывает на пороге смерти. Но, так или иначе, священник имеет право выполнить свой долг в отношении мафиози только один раз — и должен употребить все свое влияние, чтобы склонить его к покаянию. В чем должно заключаться это покаяние — в разрыве с мафией или в готовности сотрудничать с законом, называть имена своих сообщников? По данному вопросу единого мнения пока нет.

Другая важная проблема касается взаимоотношений священников с епископом. Теологи считают, что епископа необходимо извещать обо всех неординарных ситуациях.

Третья проблема — проблема таинства Евхаристии. Оно не может свершаться в «подпольной» церкви, ограничиваться чисто церковным ритуалом, поскольку предполагает единение всех верующих христианской общины. Необходимым условием совершения этого таинства, следовательно, должно быть истинное раскаяние преступника.

Книга Фабрицио Кальви, опубликованная почти одновременно на итальянском и французском языках, посвящена переломному моменту в истории сицилийской мафии — переходу от традиционных структур организованной преступности к структурам «современным» и конфликту между теми и другими. В определенной мере этот процесс сопоставим с тем, что происходит сейчас, тридцать лет спустя, в России: с взаимоотношениями между «ворами в законе» и лидерами преступного мира «новой формации», с борьбой преступных группировок за передел сфер влияния, с распространением новых видов преступного бизнеса*.

Книга Кальви читается как захватывающий роман еще и потому, что у нее есть определенный сюжет: в центре повествования находятся судьбы нескольких ключевых фигур сицилийской мафии, в том числе Томмазо Бускетты, признания которого, психологически мотивированные нарушением неписаного кодекса чести во время войны сицилийских кланов в 80-х годах, впервые сделали достоянием гласности внутреннюю структуру мафии и позволили привлечь к суду многих ее главарей.

Другой, но столь же реальный персонаж книги — рядовой «боец» Общества. Проследив за его неудавшейся карьерой, читатель сможет получить достаточно полное представление и об иерархии отношений в мафиозной «семье», и о некоторых обрядах мафии, и о типичных способах организации преступлений.

*Татьяна Баскакова***

* См. например: Модестов Н.С. Москва бандитская. Документальная хроника криминального беспредела 80—90-х годов. М.: Центрполиграф, 1996.

** В основу статьи положена публикация в журнале «Истина», 1998, № 8. С. 27—33.

*Памяти почтенного
Рокко Кинничи*

Первый словарь сицилийского диалекта, в который включено слово «мафия», — словарь Трайны, изданный в 1868 году. В нем это слово представлено как новый термин, завезенный на Сицилию жителями Пьемонта, то есть чиновниками и солдатами, появившимися здесь в результате восстания Гарибальди, хотя не исключено, что сам термин происходит из Тосканы, где *maffia* (с двумя «ff») значит «нищета», а словом *mafieri* обозначают сборов, то есть полицейских агентов. Трайна полагает, что оба эти слова и их значения сближает тот тип людей, которых на Сицилии и называли мафиози. Мафиози обладает самоуверенностью и надменностью сбира, но это одновременно и отверженный, поскольку «воистину нищим можно назвать того, кто почитает себя великим человеком исключительно благодаря грубой силе; это обнаруживает в нем великую грубость, то есть то, что на деле он является не чем иным, как великой скотиной». Следовательно, мафия — это «видимость отваги и твердости духа». И ничего больше. Так же считал и один из самых крупных специалистов по сицилийским народным традициям Джузеппе Питре из Палермо (1841 — 1916): «Мафия — это не секта или организация, у нее нет ни правил, ни уложений. Мафиози же — это не вор и не бродяга, и если в связи с новыми веяниями этот термин применяют теперь к ворам и бродягам, то только потому, что у не слишком образо-

ванной публики не было достаточно времени, чтобы понять значение этого слова, к тому же обычно она не утруждает себя знанием того, что, в отличие от вора или бродяги, мафиози бывают исключительно храбрыми и твердыми людьми, людьми, которые никогда не попадают на удочку, и в этом смысле быть мафиози — важно и даже нужно. Мафия — это сосредоточенность на самом себе, чрезмерное полагание на собственную силу — первого и последнего арбитра в любом деле, в любом конфликте, материальном или идейном; отсюда — нетерпимость по отношению к чужому превосходству, а еще более — к чужому высокомерию. Мафиози хочет, чтобы его уважали, и почти всегда сам уважает других. Если он оскорблен, то он не полагается на закон, на правосудие, но самолично его вершит; когда же ему для этого недостает силы, он действует с помощью других людей, которые чувствуют так же, как и он». Питре, в отличие от Трайны, снимает с мафиози обвинение в грубости и высокомерии, приписывая их «другим», тем, против кого мафиози восстает; таким образом, получается, что мафия якобы не что иное, как свободолюбие, горделивос противостояние унижению от сильных мира сего, а также противопоставление личной силы слабости закона и общественных институтов.

В заключение Трайна, так же как и Питре, и так же как огромное число других ученых, судей и политических деятелей Сицилии, пытается отрицать существование мафии как организации, представляя это понятие как «гипертрофированное достоинство» (по определению сицилийского юриста Джузеппе Маджоре), «альтер эго» каждого сицилийца, взятого в отдельности. Догадка о том, что мафия является преступной организацией, принадлежит некоему Джузеппе Риццотто, который в 1862 году написал комедию «Мафиози в Викарии» (так называлась тогда тюрьма в Палермо). «Художнику, измышляющему, в соответствии со своим драматургическим даром, предполагаемые нравы осужденных в палермской тюрьме, роковым образом удалось внушить окружающим нелепую уверенность в том, что мафия — это

преступная организация» — так писал один служащий палермской магистратуры. Вот к какому выводу он пришел: «Да простит Господь Риццотто, который уже давно сошел с земной сцены, ту медвежью услугу, которую он оказал нашей Сицилии. Я на собственном опыте познал ее катастрофические последствия, когда мне довелось осуществлять полномочия генерального прокурора Турина». Можно вполне согласиться с тем, что его назначение в Турин, а не в Палермо, было благом для Сицилии, где примерно в это же время служил прокурором человек, проникновенные и суровые обвинительные речи которого во время процессов против мафии можно считать серьезным вкладом в изучение феномена: это был Алессандро Мирабиле из Агридженто.

Генеральный прокурор Мирабиле думал совсем не так, как Питре: мафия для него была сектой, обществом со своим сводом законов (неписаных, разумеется), включающих в себя суровые правила, а также с тайными знаками, которыми обменивались при встрече члены организации. Он основывал свое утверждение не только на личном опыте, но и на воспоминаниях (которые следовало бы разыскать в архивах правосудия), оставленных Бернардино Верро, который в годы своей юности, кажется, принадлежал к мафии; став затем социалистом — это был один из самых ярких социалистов Сицилии, — членом движения «фаши», с которым грубо расправилось правительство Сицилии, возглавляемое Франческо Криспи, Верро жил в Корлеоне (городке, хорошо известном сегодня в связи с делами мафии), где и был убит после того, как в 1915 году стал мэром города. Эти имена — Верро, Мирабиле, — а в особенности имя сицилийца Наполеоне Коладжанни (1847 — 1921), специалиста по социальным вопросам и депутата от республиканской партии, — доказывают, что не все сицилийцы отрицали существование мафии как преступной организации или считали, будто говорить о ней — значит оскорблять Сицилию. Напротив, они разоблачали мафию и боролись против нее публично, считая глупым и даже опасным принцип,

исходя из которого необходимо утаивать или приуменьшать пороки, которым подвержено население. Пороки общества — это почти то же, что болезни каждого отдельного человека: скрывать их, отрицать, приуменьшать — значит не желать подвергнуться лечению, чтобы в конечном счете избавиться от них.

Жители Сицилии, которые (как некогда Джузеппе Питре или романист из Катаньи Луиджи Капуана) еще и сегодня считают, что мафия — это некое особое поведение, личное ухарство, самолюбие, чувство чести, жажда справедливости и способ устанавливать справедливость в стране с вековой недееспособностью аппарата государственного управления, обычно утверждают, что организованная преступность на Сицилии ничем не отличается от того, что имеет место в других регионах Италии и европейских странах, не являясь ни более опасным, ни более распространенным явлением. Некоторые из них искренне уверены, что, применяя слово «мафия» или выражение «Коза nostra», которое вошло в обиход в последние годы, можно создать некое расистское предубеждение по отношению ко всему населению острова, что может привести также к дискриминации отдельных сицилийцев, проживающих вдали от родины, недоверию к ним, насмешкам над ними. Это несправедливо, говорят они, что банда грабителей, которую, если она действует в Милане, Марселе или Лондоне, считают просто бандой грабителей, сразу же объявляется мафиозной «коской» (от *cosca* — ботва артишока), если возникает в Палермо; то, что в Милане, Марселе или Лондоне будет расценено как преступное деяние тех, кто его подготовил и совершил, в Палермо будет рассматриваться как звено в цепи преступлений более серьезных, в контексте ускользающих, бесконечных связей с соучастниками, словно все население города и острова в какой-либо форме участвовало в этом акте и укрывало виновных от правосудия. Следовательно, говорят защитники доброго имени Сицилии, надо отделять слово от явления, рассматривать явление согласно тому, как оно

представляется в рамках уголовного кодекса, рассматривать преступный акт сам по себе.

Но слово «мафия» (которое изначально, очевидно, имело то значение, о котором говорил Питре; самый древний документ, где мы его находим, датируется 1658 годом и в нем оно приводится как прозвище «магары», женщины, которая занималась магией) стали использовать для обозначения криминальных явлений на Сицилии, чтобы подчеркнуть их качественное отличие от аналогичных явлений во всех других регионах Италии и в других странах. Разумеется, при этом имелись в виду не любые криминальные явления и не вся территория Сицилии. Мысль о специфичности сицилийской ситуации впервые была высказана в 1838 году, в то время, когда слово «мафия» еще не существовало в его сегодняшнем значении, в рапорте Дона Пьетро Уллоа (того самого, который написал потом исторические работы о королевстве Бурбонов, подданным которых он был в высшем смысле слова), который был тогда генеральным прокурором Трапани: «На Сицилии нет служащего, который не раболепствовал бы перед сильными мира сего и который не пытался бы извлекать выгоду из своей должности. Эта всеобщая продажность привела к тому, что народ стал прибегать к средствам очень странным и опасным. Во многих местностях существуют братства в виде сект, которые провозглашают себя партиями и которые не проводят собраний и вообще не устанавливают между своими членами никаких связей, кроме общей зависимости по отношению к главе братства, которым здесь является землевладелец, а там — священник. Общая касса выручает их в нужде, когда надо добиться отставки одного чиновника или подкупить другого, когда надо защитить кого-то или засудить невиновного. Народ научился договариваться с преступниками. Когда случаются кражи, появляется посредник, который предлагает свою помощь для возвращения украденных вещей. Многие высокопоставленные служащие магистрата покрывают существование таких братств, покровительствуя им, — как, например,

Скарлата, судья Верховного гражданского суда Палермо, или как Сиракуза, высокопоставленный чиновник... Невозможно добиться от городских полицейских, чтобы они патрулировали улицы, невозможно найти свидетелей преступлений, совершаемых среди бела дня. И в центре этого беспорядка — столица, со своей роскошью, со своими феодальными претензиями в середине XIX века, город, где живут сорок тысяч пролетариев, существование которых зависит от капризов сильных мира сего. В этом средоточии всей Сицилии торгуют общественными должностями, покупают правосудие, совращают невинность...»

Уллоа определил черты, которые отличают мафию от всех других видов организованной преступности; он представил свои мысли вниманию правительства Неаполитанского королевства (которое, естественно, не извлекло из них никакого урока, так же как в дальнейшем правительство объединенной Италии не обратит никакого внимания на рапорты Франкетти и Соннино, на парламентское расследование 1875 — 1876 годов, на доклад Коладжанни в палате депутатов, на рапорты честных префектов и карабинеров). Эти черты можно вкратце определить примерно так: коррупция власти, проникновение в нее оккультной власти общества, которое обеспечивает преимущества своих членов в ущерб всеобщему благу, ограничивая при этом власть государства. Первая причина подобного положения вещей для Уллоа заключалась в социальных и экономических условиях Сицилии, которая, как мы уже говорили, в середине XIX века была еще целиком феодальной. Точнее, мафия, которая нарождалась из феодализма и перенимала его формы (глава мафии занял место феодального сеньора, присвоив присущие последнему полномочия так называемой «чистой и смешанной власти», заключавшиеся в праве на жизнь и смерть обитателей городов и деревень, а также в праве произвольного налогообложения), эта самая мафия должна была обеспечивать движение, которое можно представить как переход от феодального об-

щества к обществу буржуазному; тот переход, который осуществился во Франции через революцию 1789 года, а в других странах — через посредство такого режима, который получил название «просвещенного абсолютизма» и при котором изменения, приносимые правителями (такими как Иосиф II в Австрии, великий герцог Леопольд I в Тоскане) в жизнь своих подданных, часто ущемляли интересы аристократии, на которую их власть в основном опиралась. На Сицилии не было ни революции, ни просвещенного абсолютизма, земля перешла от баронов к «буржуа» (буржуа в кавычках, поскольку нельзя говорить о существовании буржуазии на Сицилии в собственном смысле этого слова) через операции, которые с полным основанием можно называть мафиозными.

Крестьяне стали *campieri* (своего рода феодальной полицией, зависимой от барона), затем *campieri* стали *gabellotti* (то есть арендаторами земли); запугивая баронов, они давали им ссуды под ростовщические проценты, крали доходы и наконец сумели завладеть их землей. Но когда рабы стали хозяевами, они вместе с положением наследовали пороки прежних хозяев: им нужна была только земля, и как можно больше земли; получив ее, они удовлетворялись доходами, которые эта земля обычно приносила. Они не желали ничего менять, совершенствовать, переустраивать. Доходы от земель вкладывались во все новые земли. *Terra quanto vedi e casa quanto stai* («Земли — сколько видишь, а дом — какой есть»), — говорится в сицилийской пословице. Это означает: довольствуйся маленьким домишкой, но, если можешь, купи всю землю, которую видишь. Уже один «просвещенный» вице-король, неаполитанец Доменико Караччоло, который правил на Сицилии в 1781 — 1784 годах, заметил, что это единственное место в Европе, где деньги, полученные от земли, снова становятся землей и совсем не употребляются для того, чтобы обустраивать эту землю или развивать промышленность и торговлю. И так было почти до наших дней.

Английский социолог Эрик Ж. Хобсбом говорил о мафии как о «примитивной форме социального бунта», как о единственно возможной форме буржуазной революции на Сицилии; отзвуки его воззрений легко обнаружить в романе «Леопард» Джузеппе Томази ди Лампедуза, особенно в образе Калоджеро Седара. В романе писатель-аристократ вкладывает в уста своего главного героя-аристократа такие слова: «Мы были леопардами, львами; те, кто займет наше место, будут шакалами, гиенами». Эти гиены и шакалы могли действовать исключительно потому, что класс аристократии разлагался, и они сумели этим воспользоваться. Когда же они сами оказались на месте аристократов, то есть когда они возглавили общественные институты и стали правящим классом, они продолжали вести себя как шакалы, как гиены, раздирая на части и «пожирая» общественные блага совершенно так же, как они поступали с добром своих бывших хозяев. Класс мафиозной буржуазии, представителем которого был Калоджеро Седара, не умеет создавать, он умеет лишь «пожирать». Отсюда и вытекает тот факт, что в недрах этого класса происходит постоянный конфликт, непрекращающийся процесс замещения одних влиятельных лиц другими.

Поскольку власть группы мафиози основывается на насилии и обмане, она легкоуязвима именно в тот момент, когда готова окончательно закрепиться в существующей системе, достаточно лишь новой волны насилия и обмана. Вот почему обычно преступления мафии являются «внутренними», это в основном конфликты между новым и старым поколениями, между группировками, которые уже достигли власти, богатства, положения в обществе, и группировками, которые к этому только стремятся. И достижение цели часто сопрягается с разрушением, физическим уничтожением рвущихся к ней.

Мы полагаем, что наиболее полное и наиболее общее определение, которое можно дать мафии, следующее: мафия — сообщество преступников, которое ставит перед собой целью незаконное обогащение

своих членов и которое основывается на посредническом паразитировании, навязываемом силой, между собственностью и трудом, между производством и потреблением, между гражданином и государством.

Этот феномен, безусловно, зародился в недрах феодализма, в деревне, как последующее звено между собственником и крестьянином, то есть «мафиози» выполняли полицейские, карательные функции по отношению к крестьянам и в то же время обворовывали своих хозяев — но к 1838 году, как мы видели, феномен мафии стал городским, охватив такие города, как Палермо и Трапани.

Для того чтобы представить себе, что предшествовало мафии, достаточно вспомнить рассуждения Манцони в «Женихах» по поводу *bravi* (подручных сеньоров и других земельных собственников). Такие люди, как эти *bravi*, которые стояли на службе интересов и капризов аристократии, были на Сицилии прототипом мафиози. В Ломбардии, когда австрийское владычество сменилось испанским, *bravi* как явление были практически вытеснены из жизни общества благодаря социальным реформам и экономическим преобразованиям, а в особенности благодаря смене чиновников и всего управленческого аппарата государства. На Сицилии, в силу того, что условия испанского владычества пережили здесь самих испанцев, а социальные институты аристократии им сопротивлялись (аристократии, которая к тому же была очень восприимчива, жадна до привилегий, агрессивна и анархична), *bravi* со временем превратились в мафиози.

Когда рухнула власть феодальных сеньоров, заменившее ее государство проявило себя как власть слабая, недейственная, продажная — поскольку ее осуществляли неспособные и плохо оплачиваемые чиновники, которые занимали свою должность благодаря кому-то (прежде, говорит Уллоа, они всегда раболепствовали) или даже которую они покупали, а потому вполне естественным считали отыгрываться на самых слабых и беспомощных из тех, кто был им

подвластен. Государство, каким бы оно ни было и каковы бы ни были принципы, на которых оно основывается, или интересы класса, которые оно представляет, на самом деле всегда осуществляет (или не осуществляет) свои полномочия через посредство чиновников. На Сицилии чиновник, проявивший себя умным и честным, не поддающимся попыткам подкупа и давлению сильных мира сего, или находился в полной изоляции или отторгался, как иностранное тело. Увольнение было, а может быть, и осталось оружием мафиозной власти против чиновника, не соблюдающего правила игры.

История мафии — это в известном смысле история соучастия государства, начиная с Бурбонов и заканчивая Савойской династией и Республикой, в образовании и утверждении непроизводящего и паразитирующего класса. Этот класс, который в первой половине XIX века определил и разоблачил Уллоа, во второй половине XIX века, с объединением Италии и установлением в стране демократической системы, находит благоприятную почву для более мощного развития. Когда в рассказах о походе Гарибальди его сподвижников называют *picciotti* (пацаны), это слово не следует понимать как определение, даваемое молодежи, стихийно вставшей под гарибальдийские знамена и выступившей против тирании Бурбонов; на самом деле это рекруты, набиравшиеся классом мафиозной буржуазии из крестьян, находившихся в собственности феодала. К тому же еще и сегодня на жаргоне мафии словечком *picciotti* обозначаются те, кто участвует в совершении преступления, убийцы. Именно *picciotti* сражались в Милаццо в июле 1860 года и уже в наше время те же *picciotti*, переодетые в белые халаты, вошли в госпиталь Палермо, чтобы добить из автомата раненого, жизнь которого представляла опасность для сообщества мафиози.

Очевидно, что экспедиция Гарибальди на Сицилии осуществлялась и с помощью истинных и сознательных добровольцев; но банды, которые приходили из деревень и подчинялись только приказаниям

своих шефов, оставались в полном неведении о том, ради чего они шли на смерть и проводниками каких идей являлись. Цели, которые преследовал этот, по характеристике Хобсбома, «новый господствующий класс сицилийской сельской экономики, *gabellotti* и их сообщники в городах», сводились, в сущности, к одному: к тому, чтобы Сицилия стала аграрным придатком промышленного Севера. Очевидно, что такая цель не была неприемлемой для промышленников и торговцев-северян, а отсюда и проистекает определенная заинтересованность государства в утверждении и укреплении буржуазно-мафиозного класса на Сицилии.

Установление электоральной системы довершило остальное. Мафия стала ее неотъемлемой частью. И только с появлением левых партий предвыборная борьба на западе Сицилии стала принимать политический характер, в связи с соперничеством частных и групповых интересов. Мафия очень скоро стала оппозиционной к нарождающейся социалистической партии, так же как противостояла она народной партии католиков, которая впоследствии, после 1945 года, стала называться христианско-демократической. По отношению к фашистам мафия в первые годы занимала настороженно-выжидательную позицию. Когда же она попыталась проникнуть в ряды фашистов, было уже поздно. Муссолини, для которого государство было превыше всего, обнаружил, что мафия — это тоже своего рода государство. Рассказывают, что он якобы сделал это открытие во время своего визита в маленький городок в провинции Палермо, где мэром был мафиози. Этот мэр имел неосторожность сказать Муссолини, что тому не следовало брать с собой столько карабинеров, ибо здесь для охраны главы правительства, дуче фашистской Италии, достаточно его одного, с его властью и авторитетом. Муссолини навел справки; он узнал, кем был этот мэр и что такое мафия — и приказал применить крайние меры, послав на Сицилию облеченного всеми полномочиями префекта Чезаре Мори. Мори, будучи, бесспорно, толковым чиновником и рас-

полагая практически неограниченной властью, атаковал мафию на всех уровнях, репрессии коснулись как простых исполнителей, так и их шефов. Методы, которые он использовал, не могут не внушать отвращения; но если принять во внимание, что еще и сегодня единственным признанным средством против мафии является насилие, которое противоречит принципам Конституции республики, то следует признать, что деятельность Мори была очень эффективна, ибо его не останавливало высокое общественное положение отдельных мафиози.

Гонимые фашистами, мафиози пререшли на сторону антифашистов. Если на Сицилии, в период немецкой оккупации и после падения Муссолини, велась вооруженная борьба с нацизмом, формировались партизанские отряды и вообще действовало, как и на севере Италии, движение Сопротивления, то, несомненно, самыми авторитетными и мужественными организаторами всего этого здесь были мафиози. 10 июля 1943 года, за две недели до того, как фашистский Большой совет сам проголосовал за устранение Муссолини, на Сицилии высадились англо-американские войска. В западной Сицилии, оккупированной главным образом американскими войсками, союзники очень скоро пригласили мафиози участвовать в восстановлении органов гражданского самоуправления. Известно, что разведка американской армии с помощью сицилийских мафиози, проживавших в Америке, предварительно установила с ними контакты и получила от них необходимые сведения. Знаменитые сицилийско-американские гангстеры, такие как Сальваторе Луканья, по прозвищу Счастличик Лучиано, уроженец Леркары в провинции Агридженто, позаботились о том, чтобы укрепить сотрудничество между сицилийской мафией и американскими секретными службами. В самом деле, Лучиано, который находился в тюрьме США, был выпущен на свободу и вернулся в Италию (где в полном достатке и уважении спокойно окончил свои дни).

Связи между сицилийской мафией и мафией американской, созданной и возглавляемой главным об-

разом сицилийцами, были длительными и интенсивными. Для того чтобы узнать об этом больше, можно прочесть книгу американского журналиста Эда Рейда, озаглавленную «Мафия». Рейд утверждает, что мафия была «экспортирована» в США в 1915 году братьями Вито и Джованни Джаннола и их другом Альфонсо Паниццолой; первым американским городом, в котором утвердилось мафиозная система рэкета, был Сент-Луис в штате Миссури. Мы полагаем, что появление мафии в Америке относится все же к более отдаленным временам, к концу XIX — самому началу нынешнего века. Как бы то ни было, мафия, которую рассматривают как производное отсталого сельского общества, каким являлось в недалеком прошлом общество сицилийское, укоренившись и распространившись в американском обществе, достигшем высокой стадии промышленного развития и имеющем один из самых высоких уровней жизни в мире, проявила себя как явление сложное и очень живучее по аналогии с капиталистической системой. Капитализм — это мафия, которая производит. Мафия — это непродуцирующий капитализм, исключая, конечно, производство наркотиков.

Для того чтобы составить представление, до какой степени государство может стать недееспособным, а значит, сообщником мафии, имеет смысл напомнить читателю эпизод, касающийся Вито Геновезе, американца и одновременно сицилийского мафиози, который под именем Вито Корлеоне выведен в бестселлере итало-американского писателя Марио Пьюзо «Крестный отец». Вито Геновезе, разыскиваемый в Америке за убийство, находился на Сицилии в 1943 — 1944 годах; он служил переводчиком в союзническом военном правительстве. Некий полицейский по имени Дики, который его разыскивал, смог наконец его найти. С помощью двух английских солдат (заметим это: английских, не американских) он его арестовал; Дики при аресте обнаружил у Геновезе рекомендательные письма, в которых последний характеризовался как человек «глубоко порядочный, достойный доверия, лояльный, которого можно ис-

пользовать для любой работы». После ареста начались проблемы, но не у Геновезе, а у Дики. Ни американские, ни итальянские власти и слышать не хотели об аресте. Несчастный агент таскал за собой арестованного на протяжении шести месяцев; наконец ему удалось доставить его в Нью-Йорк, правда, лишь после того, как в американской тюрьме был отравлен главный свидетель обвинения (погибший той же смертью, которая ранее постигла пособника бандита Джулиано, Гаспаре Пискотта, в тюрьме Палермо). Только после этого, то есть тогда, когда Геновезе по закону должен был быть освобожден, Дики смог исполнить свой долг, и эта история, безусловно, очень показательна.

*Леонардо Шаша**

* Интервью, данное газете «Либерасьон» 30 декабря 1976 года.

Поскольку мафия — подпольная организация, которая, подобно раковой опухоли, незаметно развивается и распространяется в недрах современного государства, в данном случае Италии, до недавнего времени было невозможно наблюдать и описывать повседневную жизнь ее членов, как будто речь шла о чем-то реально несуществующем.

Сложность заключалась главным образом в восприятии этого феномена. Достаточно лишь добраться до столицы итальянской мафии Палермо, чтобы воочию убедиться в том, что его повседневная жизнь ничем не отличается от жизни других городов, если, конечно, не принимать во внимание число насильственных смертей, которые с необычайной частотой сотрясают обломки минувшего великолепия этого древнего града. Если бы не эти шум и ярость при сведении счетов — знамение нового, кризисного для мафии времени, — можно было бы сказать, что мафия — прежде всего мир тишины и молчания.

Нужно было все же проникнуть за эту внешнюю оболочку, чтобы суметь избежать описания жизни мафии как длинной вереницы трупов или бесконечного числа убийственных сцен насилия. Для того чтобы не впасть в такой соблазн, единственное, что оставалось — попытаться проследить за карьерой некоторых самых известных мафиози. Вот почему эта книга — не история мафии. Многие из ключе-

вых фигур «Коза ностры» прошлого и настоящего оказались не задействованы в различных сценах, составляющих, как мозаика, цельное полотно данного повествования.

Воистину триумфальное шествие мафии началось после Второй мировой войны. И это очень наглядно можно проследить именно на примере Палермо, так как в Соединенных Штатах в наши дни на глазах итало-американских мафиози их территории постепенно осваивают латиноамериканские и азиатские «коллеги». Пример Палермо, кроме того, — прекрасная возможность показать на сравнительно коротком отрезке времени — немногим более тридцати лет — эволюцию разных видов мафии: от земельной мафии, той, что состояла на службе у землевладельцев, и городской мафии, которая занималась различными видами спекуляции недвижимостью, до международной наркомафии и мафии, специализирующейся на торговле оружием.

Сосредоточив внимание на палермских семьях, легко было рассказать обо всех или почти обо всех особенностях жизни в недрах «почтенного общества». Рамки повествования включают в себя несколько эпизодов, в которых восстанавливаются мгновения жизни отдельных мафиози; отобраны они были именно потому, что позволяют познакомить читателя с нравами и традициями, существующими в этой преступной организации. Для того чтобы читатель не потерялся в немыслимых перипетиях этой сложной истории, главные герои были избраны автором, исходя исключительно из задач настоящей работы истории их жизни, составленные из фрагментов, позволяют создать живописное полотно, которое ярко представляет все тридцать лет войн и мирных передышек. Вот почему читатель обнаружит, что некоторые второстепенные персонажи в начале книги станут главными героями последующих глав.

Реконструкция повседневной жизни мафиози вплоть до мельчайших деталей была бы невозмож-

на, если бы на протяжении нескольких лет не менее тридцати из них не стали, нарушив закон молчания, выбалтывать журналистам секреты своей организации. То, о чем вы прочтете в этой книге, появилось на свет благодаря их откровениям, а также добровольной помощи полицейских, адвокатов, журналистов и судей. Это, конечно, и объясняет, почему настоящая книга — прежде всего история конкретных людей. Работу по изучению любовных страстей и сложных отношений с женщинами, которые возникают у мафиози, еще необходимо будет проделать. Многое можно было бы сказать о роли матери, «мамы», главной опоры сицилийской семьи, а также и о том, что первыми, кто осмелился взбунтоваться против власти «почтенного общества», были вдовы мафиози или их жертв. (Кстати, необходимо заметить, что нам известно доподлинно, кажется, лишь об одной женщине — члене мафии.) Зато всякий раз, когда это возможно, в книге подчеркивается значение кровно-родственных связей, моральных запретов (строгих лишь по видимости) и «профессионального» кодекса чести мафии, который диктует каждому не только манеру поведения, но также определяет, когда, что и как следует говорить.

Повествование намеренно ограничивается описанием мафии в строгом смысле слова. Другие виды организованной преступности (к примеру, неаполитанская *camorra* или калабрийская *'ндрангита*), в том числе международной (китайская или турецкая мафия, межнациональные сообщества контрабандистов оружия и наркотиков), настолько специфичны, что должны стать предметом отдельного пристального изучения.

Всякий раз, когда это было возможно, в книге прослеживаются международные связи различных преступных организаций. Главное, на чем основывается деятельность всех этих мафиозных структур, — фантастические доходы, которые каждая из них перекачивает с одного конца планеты на другой, из Латинской Америки в Гонконг, через средиземноморский

бассейн, не минуя, естественно, Северной Америки. Довольно часто их интересы пересекаются, а уж сумма доходов таких структур может быть сопоставима лишь с доходами целого ряда транснациональных промышленных корпораций.

«ЛЮДИ ЧЕСТИ»

«Коза ностра»

Палермская тюрьма Уччардоне, зажатая между широкой магистралью, ведущей к бетонной автостраде, и рядами плохоньких домишек, в которых ютятся те, у кого нет денег, чтобы платить за хорошую квартиру, фасадом обращена к порту Палермо. Ее корпуса тянутся с севера на юг. Выглядят они так же уныло, как и сто с лишним лет назад. Ничто здесь не изменилось со времени Бурбонов*. За высокими стенами расположены три грязных и обшарпанных тюремных блока. Посреди центрального двора возвышаются обломки, бывшие некогда статуей Мадонны. Они со всех сторон окружены смоковницами, за которыми никто никогда не ухаживал; эта порушенная временем статуя со смоковницами венчает и без того унылый и безрадостный пейзаж.

В ту пору, о которой идет речь, тысячу двадцать пять заключенных Уччардоне несложно было разделить на две категории: большинство — неграмотная масса, полулюди, *quaraquara*, теснившиеся по пять-шесть человек в камерах, рассчитанных на двоих; вторая же категория — маленькая кучка людей, и в тюрьме сохранявших все права: когда им этого хо-

* В Королевстве обеих Сицилий династия Бурбонов правила в 1735—1805 и в 1814—1860 годах. Родоначальник этой ветви — правнук Людовика XIV, Карл IV.

телось, они располагались в одиночных камерах, их охрана, секретари-телохранители ежедневно стелили им постель и следили за тем, чтобы пища для них доставлялась из лучшего ресторана города.

Человека, который 12 декабря 1972 года оказался в пенитенциарном заведении Уччардоне, без колебаний можно было причислить ко второй категории заключенных. Все в нем выдавало человека, настолько уверенного в себе, что уверенность эта доходила порой до самодовольства. Резкие, властные черты лица, нос, неудачно прооперированный хирургом-косметологом в Мехико, придавали ему вид индейца-мексиканца, тем более что кожа его забронзовела от солнечных и морских ванн. Ему было около сорока. Он любил демонстрировать окружающим, что вполне преуспел в жизни. Об этом свидетельствовал прежде всего выбор одежды. И хотя его пестрые сорочки не всегда соответствовали представлениям о хорошем вкусе, зато на них была вышита монограмма; а если синие джинсы сидели на нем не особенно ладно, зато на них всегда были ярлыки самых известных портных. Туалетная вода, лосьон после бритья, мыло, зубная паста — всякие, даже незначительные вещи у этого человека были только отменного качества. Его сокамерники и теперь вспоминают, что он имел обыкновение по-королевски дарить им наполовину использованные флаконы, тут же восполнявшиеся новыми, которые ему поставляли то ли неизвестные почитатели, то ли заботливые родичи. Но вовсе не из-за его широких жестов уважали и боялись заключенные Томмазо Бускетту, только что приговоренного более чем к десяти годам заключения по причине его принадлежности к мафии.

— Мой гордый и сильный характер, — объяснял Бускетта, — стал причиной того, что вокруг меня возник миф о том, будто я — опасный торговец наркотиками и жестокий и грубый мафиозный босс. Этот миф не имеет никакого отношения к реальности. Удивительнее всего то, что в него верили не только пресса и полиция, но и все, кто меня окружал. В тюрьмах на меня смотрели с уважением и тем боль-

шим страхом, чем спокойнее я держался. Мою сдержанность принимали за проявление могущества, упорочившегося в результате преступлений, которых я не совершал. И было бессмысленно пытаться убедить моих собеседников в обратном: чем больше я настаивал на своей невинности, тем громче они смеялись.

Однако, хотя на протяжении долгих лет Томмазо Бускетта продолжал громко провозглашать, что ни к чему не причастен и что никакой мафии вообще не существует, ибо она — выдумка журналистов и полицейских, обращался он при этом к непосвященным, к тем, кто не знал о том, что организация, которой он верой и правдой служил тридцать лет, на самом деле называется «Коза ностра» («Наше дело») и что в разговорах между собой настоящие мафиози именуют друг друга «людьми чести».

Из тех, кто отбывал срок в Уччардоне в конце 1978 года, Томмазо Бускетта относился именно к той небольшой части заключенных, которые с гордостью могли сказать о себе, что принадлежат к палермской мафии. Томмазо Бускетта родился на виа Оретто, в двух шагах от Центрального вокзала Палермо, и в возрасте двадцати двух лет был принят в мафиозную «семью» Порта Нуовы, территория которой располагается примерно в километре от этого места и принадлежит к западной части города, простираясь от античного норманнского дворца до подножия горы Монреале. Склонность Томмазо к дурным компаниям привела к его разрыву с родителями, честными потомственными стекольщиками, от которых он легко отрекся ради более веселого общества разудалых преступников Порта Нуовы. То, что вначале можно было счесть за браваду развязного городского подростка, привыкшего пользоваться полной свободой, довольно скоро оказалось окончательным и бесповоротным выбором жизненного пути.

Томмазо Бускетта был из числа тех заключенных, стаж которых в мафии исчислялся десятилетиями. Его «сделали» (*combinato*, на языке мафиози) «человеком чести» — скорее на горе, чем на радость, — в

один прекрасный день благословенного 1948 года. Причем «посвящение» было проведено в полном соответствии с правилами — как еще умели делать в те времена...

Церемония посвящения

Как того требует обычай, церемония посвящения Томмазо Бускетты проходила в помещении, расположенном в квартале, который контролировала принимающая его «семья». Там-то и выслушал взволнованный неофит ритуальную речь, которую произнес опытный «человек чести», в то время как немного в стороне от них два других члена его будущей «семьи» ожидали ее окончания с естественным для свидетелей столь значительного события почтением.

Так началась церемония, которая, как утверждают, во всех деталях повторяет ритуалы инициации, установленные религиозной сектой поборников справедливости, которая называлась «*Beati Paoli*» («Благочестивые паолийцы») и действовала в Палермо в Средние века. Посвящающий начал свою речь с общих положений, обличая социальную несправедливость, проповедуя защиту вдов, сирот и семьи. Затем он заговорил о бесконечном «нечто», которого якобы достаточно для того, чтобы покончить с несправедливостями жестокого мира, в качестве уточнения довольствуясь следующим определением:

— Это нечто ставит перед собой целью защитить слабых и уничтожить несправедливость.

После чего посвящающий спросил у новичка, готов ли он перед лицом творящегося беззакония присоединиться к этому «нечто».

И когда юный Томмазо Бускетта ответил утвердительно, посвящающий попросил свидетелей уколоть указательный палец на левой руке неофита каким-либо острым предметом (в ту пору обычно для этой цели использовали колючку дикого апельсина) так, чтобы из пальца брызнула кровь и чтобы кровь эта капала на образок. Измазанная кровью иконка под-

жигалась прямо в руках у посвящаемого, который должен был, чтобы не обжечься, перекидывать горящий комок из одной руки в другую, пока огонь не угасал, повторяя клятву «Коза ностры»:

— Да сгорит моя плоть, как сгорает этот священный образ, если я нарушу мою клятву. — Так сказал и Томмазо Бускетта после того, как пообещал выполнять обеты «Коза ностры». Это был сицилийский вариант десяти заповедей, включающий, естественно, обет не красть и не возжелать жену ближнего своего.

Томмазо Бускетте повезло, так как в конце церемонии посвящающий не стал запечатлевать на его устах устрашающего поцелуя, как это делалось в других более могущественных «семьях».

Вот тогда, и только тогда посвящающий открыл юному Бускетте, что у этого «нечто» есть название — «Коза ностра» — и что организация под этим именем имеет структуру не менее жесткую, чем у самого тоталитарного из государств.

Томмазо Бускетте открылось, что у этой организации существуют сложнейшие разветвления, а потому, хоть мафия и насчитывает по всему миру не менее десятка тысяч членов, долгое время в глазах профанов она оставалась такой же загадочной, каким представлялся Африканский континент исследователям XIX века.

Ему было сказано, что в Палермо живут сотни «людей чести», каждый из которых принадлежит одной из «семей», и каждая «семья», в свою очередь, управляет своей тщательно разграниченной территорией, которая называется «бургада»; в то же время маленькие населенные пункты контролирует, ни с кем не делаясь, одна отдельная «семья», которая и носит название этого населенного пункта.

«Семьи» «Коза ностры» к этому времени существовали уже во всех провинциях Сицилии, за исключением Мессины и Сиракуз; организация не замедлила распространить свое влияние на Неаполь, несмотря на то что эту территорию уже контролировали бандиты из каморры, и на Милан, где существовала собственная, менее организованная, но не менее специ-

фическая группировка; а также на Турин и Рим, до тех пор не знавших организованной преступности.

Томмазо Бускетта узнал также, что каждая «семья» имеет своего главу, *capofamiglia*, которого регулярно избирают «люди чести»; у главы этого есть заместители, *consiglieri*, назначаемые им самим в количестве не более трех, если «семья» большая, и *capidecina*, «командиры отрядов», которые должны командовать «бойцами».

Каждый глава «семьи» регулярно участвует в выборах своего «начальника зоны», *capomandamento*, который потом представляет интересы его «семьи» в недрах той структуры, которую правильнее всего было бы обозначить, как правительство мафии.

Над «семьями» существует еще некий коллегиальный орган, называемый «Комиссией», или «Капитулом». Первоначально в Капитул входило не более десяти членов (называвшихся секретарями), каждый из которых представлял три территориально близкие «семьи». Каждый из заседающих в Капитуле назначается главами «семей» и представляет их интересы в течение трех лет. Капитул возглавляет шеф, демократически избираемый всеми его членами.

«Семья» из Порта Нуовы

После того как посвящающий открыл ему тайны организации, он отвел Томмазо Бускетту в другое помещение, где его дождался новый «крестный отец» Сальваторе Филиппоне, сын главы «семьи» Порта Нуовы, который должен был вести церемонию представления новичка.

Тридцать лет спустя Томмазо Бускетта частенько вспоминал эти годы ученичества в недрах принявшей его «семьи» с почтением и ностальгией, которые были бы даже трогательны, если бы речь шла не о банде преступников. Все эти годы он не мог без волнения вспоминать главу «семьи», величественного Гаэтано Филиппоне, «человека-брюхо», как все его называли, который раз и навсегда отказался обогат-

щаться и продолжал бороздить Палермо на городском транспорте, несмотря на свой преклонный возраст (ему было семьдесят), в то время как в соответствии с его «должностью» ему были положены как минимум автомобиль, шофер и несколько человек охраны. А разве мог Томмазо Бускетта забыть его двойника, Джерландо Альберти, который вскоре стал одним из самых известных мафиози, прежде чем его арестовали в лаборатории по производству героина в начале 80-х годов!

И потом, у «семьи» были еще заместитель шефа и первый *консильере*, люди настолько утонченные, отмеченные таким добросердечием, которое Бускетта называет врожденным, истинным, старинным благородством, какого больше не встретишь. Эти двое были совсем другого пошиба, чем те мелкие жулики, с которыми Томмазо Бускетте доводилось по большей части вести дела.

Первый, *дотторе* Маджоре, возглавлял клинику по лечению заболеваний мозга, прозванную Домом Солнца, если Бускетта, конечно, ничего не напутал в своих воспоминаниях. Второй, синьор Джузеппе Трапани, был дистрибьютором итальянского пива «Месина» на территории Сицилии; он частенько навещался в мэрию Палермо, где занимал высокую должность, можно сказать ключевую, поскольку в его распоряжении были все муниципальные служащие и он определял экономическую политику города в этой сфере.

В противоположность тому, как все происходило в более поздние времена, «семья» в ту пору были еще очень разборчивы в деле принятия в свои ряды новых членов. Число «бойцов» одной «семьи» не было ограничено: если основной состав в Корсо дей Милле тогда был самым значительным во всем Палермо, то «семья» Порто Нуовы со своими двадцатью членами выглядела рядом с Корсо дей Милле бедной родственницей. Бускетта довольно быстро обнаружил, что вокруг его «семьи» вращается неисчислимое количество людей, которые, хоть и не входят в ее состав, постоянно сотрудничают с мафиози, облегчая

для последних проведение их операций, причем порой они частенько даже не подозревают об этом. Бускетта сообразил, что это и есть та самая «проницаемость», которая делает мафию столь могущественной.

Представление

Ад и рай «людей чести», тюрьма Уччардоне была местом, где завязывались самые надежные дружеские связи. У истоков всякой мафиозной дружбы стоял ритуал, чуть ли не основной в повседневной жизни «людей чести»: представление.

В тюрьме, как и вообще повсюду, «человек чести» никогда не обнаруживает своего истинного положения перед другими мафиози. Его всегда представляет некая третья сторона, то есть кто-то из тех, кого можно было бы назвать почетными членами «Коза ностры». Представление всегда проводится по одному и тому же сценарию, когда вслух произносится лапидарная фраза о том, что все присутствующие являют собой одно целое, *то же самое (la stessa cosa)*. При этом подразумевается: все мы являемся частью одного и того же целого, «Коза ностры».

Из всех «людей чести», с которыми судьба свела его в Уччардоне, безусловно, наибольшее впечатление произвел на Томмазо Бускетту молодой Стефано Бонтате. После представления началась их неразлучная дружба, которая в конечном итоге и решила судьбу Бускетты.

Сын Паолино Бонтате, старого мафиози, который позволял себе прилюдно распекать депутатов парламента, не подчинявшихся его приказам, молодой Стефано в двадцать лет унаследовал от отца «семью», которая носит имя маленького поселка, притулившегося к берегу моря неподалеку от Палермо, Санта Мария ди Джезу. Его отец, которого скрутил диабет, вынужден был оставить пост главы «семьи», и именно на Стефано остановили свой выбор «люди чести», когда должны были избрать себе нового «крестного

отца». Мудрый Стефано, который, если верить Бускетте, преданно заботился о больном отце и его брате, также страдавшем от диабета и даже лишившемся из-за этого зрения, в глазах закона оставался опасным торговцем героином, который возглавлял к тому же одну из самых могущественных «семей» острова.

Стефано Бонтате ни в чем не мог отказать Томмазо Бускетте. Сослужить ему службу было для него большой честью. И когда в 1975 году Бускетта подыскивал человека, который мог бы предложить его дочери Феличии подходящее свадебное платье, Стефано Бонтате не колеблясь направил ее к своему доверенному лицу, заместителю главы «семьи» Санта Мария ди Джезу — Пьетро Ло Джакомо, который в его отсутствие вел все дела.

Кроме того, что он был вторым человеком в «семье» после Стефано Бонтате, Пьетро Ло Джакомо еще владел несколькими магазинами готового платья, один из которых, расположенный напротив Центрального вокзала Палермо, специализировался на специфически сицилийских модных изделиях. Феличия отправилась в этот магазин, назвала имя своего отца, и Пьетро Ло Джакомо подарил ей роскошный свадебный наряд стоимостью миллион лир (около тысячи долларов), заплатить за который она бы не смогла, даже если бы очень захотела.

Счастливчик Лучано

Восхищение, которое вызвал Бускетта у Стефано Бонтате, уважение, которое испытывали по отношению к нему другие «люди чести» в Уччардоне, в равной мере относились как к его харизме, так и к его славному прошлому. В 25 лет Томмазо Бускетта быстро поднялся по мафиозной лестнице от простого «бойца» до «командира отряда» и уже обзавелся отличной репутацией в кварталах Порты Нуовы. Репутация тем больше упрочилась за ним, что после более чем десяти лет подпольной деятельности поли-

ция смогла инкриминировать ему лишь несколько мелких незаконных сделок (одна из которых — контрабанда трех тонн сигарет в 1956 году); подозревался он также в совершении двойного убийства, но никаких доказательств у полиции не было.

Чтобы составить представление о том, какой значительной фигурой был в «Коза ностре» в начале 50-х годов Томмазо Бускетта, следует заметить, что будучи простым «бойцом» он уже в ту пору часто посещал самых видных «людей чести». О его дружбе с Сальваторе Греко по прозвищу Пташка, главой «семьи» Чакулли и секретарем Капитула в начале 60-х годов, было известно даже в полиции. Примерно в то же время Томмазо Бускетта познакомился с главой очень влиятельной нью-йоркской «семьи», депортированным в Италию Сальваторе Луканья, или Счастливым Лучано.

Для Томмазо Бускетты было честью так близко общаться в течение десяти лет с человеком, ставшим живой легендой. Счастливчик Лучано возглавлял американскую «Коза ностру» в безумные времена сухого закона и был приговорен к пятидесяти годам тюрьмы накануне Второй мировой войны. Его освободили в 1947 году за услуги, оказанные союзникам: Счастливого Лучано отыскала в тюрьме разведка военно-морских сил и попросила его помочь разоблачить сеть нацистских саботажников, действовавших в порту Нью-Йорка, а кроме того, содействовать успешному проведению высадки союзнических войск на Сицилии 10 июля 1943 года. В начале 50-х годов Счастливчик Лучано устроился в Неаполе, откуда он и организовал действовавшую бесперебойно более десяти лет контрабандную поставку сигарет и наркотиков.

Всякий раз, когда Счастливчик Лучано оказывался в Палермо, он обязательно встречался с неким Томмазо Бускеттой, который, можно в том не сомневаться, гордился оказываемой ему честью. Счастливчик Лучано во время этих встреч смог объяснить Томмазо Бускетте, в чем организация сицилийской мафии совпадает с организацией мафии американской.

Разница была лишь в мелочах: если в Палермо двадцать «семей» ссорились из-за каждого клочка земли, то на весь гигантский Нью-Йорк приходилось всего пять банд, а на остальной территории Соединенных Штатов в каждом большом городе орудовало вообще по одной банде. В те времена между этими двумя организациями существовало единственное принципиальное различие: у американской мафии было правительство, у сицилийской — нет. Если Томмазо Бускетте не изменяет памяти, именно по инициативе Счастливого Лучано и еще одного босса из американской мафии, Жозефа Бонанно по прозвищу Джо Бананас, сицилийская «Коза nostra» в начале 60-х годов обзавелась своим правительством. Что до остального, то обе мафии развивали свою деятельность в полной, а потому одинаковой безнаказанности.

Эпизоды «большой войны»

Томмазо Бускетте практически незачем было опасаться «сбиров» (так на языке мафии называются полицейские), однако ему приходилось всегда быть настороже с такими, как он сам. В начале шестидесятых черные тучи нависли над горизонтом «Коза nostrы», и Палермо, уже скандализованный серьезными разоблачениями в делах по продаже недвижимости, оказался на пороге первой «большой войны» между различными кланами мафии.

Долго потом журналисты старались вызнать как можно больше подробностей об этой войне, обогравшей кровью улицы Палермо и его окрестностей на протяжении трех лет. В качестве причины начала войны называли историю с грузом наркотиков, частично разворованным до прибытия в порт Нью-Йорка к получателям из американской мафии. Бускетта и его подручные оказались одними из первых, кого затронули начавшиеся военные действия. События натолкнули его на невеселые размышления.

Глубинные корни «большой войны», проходив-

шей в 60-е годы, как считает Бускетта, протянулись из недр самой мафии, а точнее, ее Капитула, заседания которого проходили все более и более бурно. В правительство «Коза ностры» в качестве представителей трех «семей» Палермо-Чентро вошли молодые волки, которые изо дня в день теснили своих старших собратьев, желая уничтожить их во что бы то ни стало.

Именно в такой напряженной обстановке и произошел инцидент, с которого, по словам Бускетты, все и началось. Речь идет о деле Ансельмо Розарио, или, точнее сказать, об истории Ромео и Джульетты в недрах «Коза ностры».

Ансельмо Розарио, молодой «боец» из «семьи» Порта Нуовы, влюбился в сестру Раффаэле Спины, «человека чести» «семьи» Ноче. Последний решительно отверг возможность союза двух молодых людей по причине, как он полагал, низкого происхождения претендента.

«Семейство» Порта Нуовы собралось в полном составе, чтобы обсудить создавшееся положение; юному Ансельмо присоветовали похитить избранницу своего сердца и поскорее убраться с острова подальше, чтобы спокойно скрепить брачными узами их союз. Томмазо Бускетта одним из первых поддержал эту идею.

Сказано — сделано.

И хотя Раффаэле Спины скрепя сердце согласился признать этот «мезальянс», это не было его последним словом. Когда речь идет о чести, сицилийцы умеют за нее постоять. Конечно, он не мог так просто даже пальцем тронуть «бойца» другой «семьи», не вызвав в ответ если не военные действия, то по крайней мере не менее кровавые меры. Но все было бы совсем иначе, если бы ему удалось заполучить нового родственничка под свое начало.

И вот на одном из заседаний Капитула зимой 1962 года Кальчедонио Ди Пиза, глава «семьи» Ноче, потребовал передачи Ансельмо Розарио под свое начало под предлогом того, что, создав новую семью, молодой человек покинул холостяцкое жилище в Пор-

та Нуове и обустроил свой новый, уже семейный очаг в пригороде Ноче.

Это требование плохо согласовывалось с принципом неотъемлемости, исходя из которого судьбы отдельных мафиози при их посвящении определяются раз и навсегда. Если уж «Коза ностра» позволяла своим членам самим выбрать себе новых родителей, это вовсе не отменяло патриархальных традиций в мафиозных «семьях»: что бы ни случилось, кровная связь превыше всего.

Сальваторе Лабарбера, который представлял в Капитуле все «семьи» города, включая и «семью» Порто Нуовы, сославшись на традицию, решительно отверг требование Кальчедонио Ди Пизы, и его мнение поддерживали, кажется, подавляющее большинство секретарей Капитула.

Дело не двинулось с места, и вдруг 26 декабря 1962 года Кальчедонио Ди Пиза был убит на площади Кампо Реале в Палермо в тот момент, когда он направлялся к табачному киоску. Выстрел из охотничьего ружья завершил жизненный путь «крестного отца» Ноче.

Если верить Томмазо Бускетте, ни сама «семья» Порто Нуовы, ни кто бы то ни было из ее союзников не принимали участия в этом убийстве. И в то время как все полагали, что убийцами были именно они, «люди чести» из Порто Нуовы подозревали, что злодейское покушение было подстроено их недоброжелателями из Капитула, чтобы навсегда исключить «семью» из правительства «Коза ностры» и отстранить ее от дел. Вне зависимости от того, были Томмазо Бускетта и его товарищи виновны или нет, они попали в сложный переплет.

В начале 1963 года Томмазо Бускетту поставили в известность о том, что события в очередной раз приняли неблагоприятный оборот. В эти дни собрался Капитул, и секретари «Коза ностры» выразили свое недовольство. Они утверждали, что главным организатором убийства был не кто иной, как глава «семьи» Палермо-Чентре Анджело Лабарбера, «человек чести», который, несмотря на свой молодой возраст,

был уже известен своей жестокостью и непримиримостью. Лабарбера был одним из союзников «семьи» Порта Нуовы, так что понятно, с каким беспокойством Томмазо Бускетта и его «братья» встретили известие о выступлении большинства членов Капитула.

События разворачивались с невероятной быстротой.

В начале января 1963 года, когда обвиняющая сторона стала приводить дополнительные факты, заседания Капитула превратились в судебный процесс. Тогда-то, по словам Томмазо Бускетты, он узнал, что Гаэтано Филиппоне, сын Сальваторе, внук и полный тезка почетного главы «семьи» Порта Нуовы, обвиняется в участии в покушении на Кальчедонио Ди Пизу. Гаэтано Филиппоне-младший напрасно твердил о своей невиновности, а Гаэтано Филиппоне-старший напрасно поставил на карту свой авторитет, скрепляя слово, данное внуком: никто в Капитуле им не поверил. Санкции против «семьи» Порта Нуовы были приняты незамедлительно.

Среди прочих правил, которые существуют в «Коза ностре» и с которыми ознакомился в день своего посвящения Томмазо Бускетта, есть одно, которое, как он понял, является фундаментальным: решения Капитула должны выполняться во что бы то ни стало. Вот почему, когда он узнал, что Комиссия решила первым делом распустить «семью» Порта Нуовы и лишить полномочий всех ее «людей чести», Томмазо Бускетта кожей ощутил, что самое время подать в отставку. И этого ему было бы нелегко добиться, если бы не вмешательство одного высокопоставленного друга. Впрочем, обо всем по порядку.

Друзья «семьи»

Какими бы неумелыми и бестолковыми ни были «сбирь» из палермской полиции, им все же удалось вменить в вину Томмазо Бускетте ту несчастную контрабанду. Конечно, это было не Бог весть что, но уже само ожидание суда вполне способно было отравить

жизнь «человеку чести» из «семьи» Порта Нуовы. Тогда-то, в начале 60-х, у Томмазо Бускетты изъяли паспорт.

Но история на этом не закончилась, ибо Томмазо Бускетта отправился в центральный комиссариат полиции города Палермо, чтобы излить там свое негодование.

— Каждый может ошибаться в жизни, — якобы сказал Бускетта дежурному комиссариата, — но разве мы можем кого-либо презирать за это? С меня больше чем достаточно всей этой истории с сигаретами. Отец научил меня своему ремеслу. Я — стекольщик. Я хочу честно работать, но не могу, потому что у меня отобрали паспорт.

Некоторые журналисты утверждают, что служащий комиссариата, почему-то слишком взволнованный разговором, якобы тем не менее нашел в себе присутствие духа, чтобы осведомиться у Бускетты: неужели честному стекольщику необходим паспорт для резки стекол? Невозмутимый Бускетта отвечал ему в том смысле, что только за границей, во Франции или Бельгии, качество стекла как раз такое, которое обеспечивает стекольщику возможность честно выполнять свой долг.

Попытка не удалась. Став известным мафиози, Бускетта надолго лишился возможности путешествовать под своим настоящим именем.

К счастью для нашего «человека чести», у «семьи» Порта Нуовы в те времена были друзья, с которыми считались в Риме. И в один прекрасный день депутат от христианско-демократической партии Франческо Барбачча разразился гневным посланием на бланке парламента, адресованным шефу полиции города Палермо, с требованием, чтобы синьору Бускетте, «человеку, в котором я сильно заинтересован», как выразился почтенный Барбачча, выдали новый документ.

Так 23 мая 1961 года Томмазо Бускетта впервые взял в руки пахнущий краской паспорт, который двумя годами позже спас ему жизнь.

Какое-то время Томмазо Бускетта находился в

Мексике, и именно там он узнал, что началась «большая война» и на улицах Палермо и его окрестностей льются потоки крови.

Прежде всего ему дали знать, что Сальваторе Лабарбера, представлявший в Капитуле интересы палермских «семей», исчез. Его труп так никогда и не нашли. И хотя Бускетте не довелось узнать, что в конце концов случилось с его экс-представителем, он с самого начала был убежден, что убийство Сальваторе Лабарбера, а речь шла без сомнения об убийстве, было делом, решенным между секретарями Капитула. Поскольку сам Сальваторе Лабарбера был также членом Чрезвычайной комиссии «Коза ностры», никакой другой орган мафии не мог приговорить его к смерти, не навлекая на себя чудовищных репрессий.

Жизнь подтвердила правоту Бускетты: в последующие месяцы по приказу Капитула подавляющее большинство «семей» «Коза ностры» ополчились на оставшихся в живых представителей клана Лабарбера.

Именно тогда был тяжело ранен Анджело Лабарбера, глава «семьи» Палермо-Чентре, на которого было совершено покушение на другом конце Апеннин, в отдаленном пригороде Милана. Его люди, оставшиеся в Палермо, были перебиты все до одного, причинив, правда, серьезный урон своим противникам и, в частности, оставшимся в живых секретарям Капитула.

Сначала пал Чезаре Манцелла, влиятельный член Капитула, который сделал себе состояние в Соединенных Штатах и властвовал теперь над частью западного побережья Палермо. Манцеллу разнесло в клочья в результате взрыва начиненного взрывчаткой автомобиля в его вотчине Чинизи, маленьком приморском городке, расположенном километрах в двадцати от Палермо. Генеральный секретарь Капитула, Сальваторе Греко, маленький человечек по прозвищу Пташка, благодаря своей щедрости избежал той же участи, в то время как третий начиненный взрывчаткой автомобиль, предназначенный еще одному секретарю Капитула, унес жизни семи

карабинеров, которые были убеждены, что обезвредили его адскую машину. Было это в Чакулли, маленьком городке, расположенном на высоте Палермо. Рассказ о том живописном местечке нам еще предстоит.

Плата за страх

«Люди чести» в Уччардоне проявляли интерес к Томмазо Бускетте не только из-за его прежних заслуг. Этот человек уже стал живой легендой, когда появился в палермской тюрьме.

Оставив Сицилию и переехав в Америку — в течение десяти лет его видели то в Соединенных Штатах, то в Канаде, то в Бразилии, — Томмазо Бускетта сумел проникнуть в узкий круг контрабандистов самого высокого разбора. Не имея никакой возможности привести достоверные факты, американское Бюро по борьбе с наркотиками утверждает, что он стал одним из королей наркобизнеса, а сицилийские судьи называют его «кокаиновым князем».

Кроме того, что такая характеристика его раздражала, хотя и способствовала усилению его влияния в мафиозных кругах, она послужила причиной высылки Томмазо Бускетты из Америки, которая последовала в 1970 году. Два года спустя его арестовали в Бразилии, и он был выдан как преступник властям Италии, где его приговорили к десяти годам тюремного заключения за преступления, совершенные им еще в 50-х годах (спекуляция и участие в деятельности преступных объединений). Бускетта вновь оказался среди тех, кого он оставил более семи лет назад. Встретившись со своим прошлым, он вновь окунулся в повседневную жизнь «людей чести».

Если заключение в тюрьму «человека чести» влекло за собой лишение возможности зарабатывать на жизнь и было внезапным, как крушение поезда, глава его мафиозной «семьи» должен был сделать все, чтобы обеспечить хотя бы минимальные доходы и ему, и

его близким. Правда, так было не всегда, о чем и поведал позже Томмазо Бускетта. Надо заметить, что в том, что касается размеров получаемой компенсации, руководители «Коза ностры» никогда не придерживались твердых правил. И их нетрудно понять. Те из простых «бойцов», кто был не в состоянии обеспечивать собственное существование, будь то из-за отсутствия опыта или, наоборот, из-за своих преклонных лет, будучи ранеными или попав в тюрьму, получали минимальное ежемесячное содержание. Ясно без слов, что большинство «людей чести» получали от своей нелегальной деятельности такую прибыль, что не испытывали никакой потребности в компенсации, которую могла им выплачивать мафия. В начале 80-х годов, когда резко возросла контрабанда героина, нередко можно было видеть в банке, как мафиози получал наличными один или два миллиона долларов, переведенных на его счет каким-либо иностранным, чаще всего швейцарским банком.

Профессиональная этика

Поиски записанных на бумаге правил поведения «людей чести» ни к чему не приведут. В мафии написанное не имеет никакого значения; ценны лишь слова и поступки. Здесь не ведется учет расходов и доходов, здесь нет списка членов организации и внутренних уложений, но вовсе не поэтому ветер легкомыслия и вседозволенности разметывает стройные ряды мафиози. Раз и навсегда закрепленные правила, определяющие, как должны вести себя «люди чести», передаются из уст в уста, и это единственная гарантия непреложности правил и обычаев «Коза ностры». В камерах Уччардоне Бускетта мог еще раз убедиться, насколько крепка и монолитна эта организация, которая сплачивает «людей чести» в одно целое. Намного более крепка и монолитна, чем если бы правила ее были определены каким-либо уставным документом.

Томмазо Бускетта хоть и не происходил из мафиозной семьи, безусловно, прекрасно владел не-

ким новым языком, который помогал ему добиться понимания у таких, как он, и уважения у других заключенных. Если даже «люди чести» и используют идиомы, заимствованные из итальянского сабира* или сицилийского наречия, значение, которое эти слова имеют на их особом языке, манера, в которой они обмениваются таинственными полуфразами, состоящими сплошь из недомолвок, делают их «семейный» круг еще более тесным и замкнутым.

Если это возможно, «люди чести» вообще не прибегают к словам. Но мир молчания, в котором они живут, полон многозначительных взглядов, кивков головы, движений губ, улыбок, всяких гримас и жестов, которые заменяют им слова.

Двое сокамерников Бускетты были арестованы в автомобиле. И прежде чем полиция обнаружила в «бардачке» автомобиля пистолет, им было достаточно обменяться одним взглядом, чтобы согласовать свое дальнейшее поведение. Один из них взял на себя оружие, в то время как другой утверждал, что ничего не знал о пистолете.

После какого-то криминального «дела» несколько «людей чести» из одной «семьи» были арестованы. Перед тем как разойтись по камерам Уччардоне, один из них сказал остальным по-сицилийски: «Мы пропали». Те, кому он это говорил, поняли, что преступление совершил именно он и что сделал он это по распоряжению их «крестного отца». Но обычно «люди чести» вообще не говорят между собой в присутствии полицейских, а в случае необходимости употребляют лишь самые простые слова.

О мафиозной морали

Сразу же по прибытии в палермскую тюрьму Томмазо Бускетта был предупрежден, что среди своих упорно ходят неприятные слухи о том, что руково-

* Средиземноморский торговый жаргон, состоящий из арабских, французских, итальянских и испанских слов.

дители мафии вновь лишили его высокого звания «человека чести».

Через несколько лет после роспуска «семьи» Порто Нуовы Томмазо Бускетта и те из его друзей, кто остался в живых после «большой войны», были если не амнистированы, то, во всяком случае, восстановлены в своем почетном звании «людей чести». Но на этот раз дело было посерьезнее: решение о его исключении из своих рядов «люди чести» приняли по причинам, касающимся личной жизни «обвиняемого».

В самом деле, если досконально следовать законам «Коза ностры», Бускетта вполне заслуживал быть исключенным, причем не один раз. Он и сам признавал, что его слишком бурные любовные истории несовместимы с тем суровым кодексом чести, которому должны были следовать и он сам, и ему подобные. Но, черт возьми, нельзя же ради чести считаться мафиози отказываться от чести быть прежде всего мужчиной! Тем более что было и смягчающее обстоятельство: уже давным-давно санкции за такие преступления не применялись. А речь идет вот о чем.

В двадцать семь лет Томмазо Бускетта женился на синьорине Мелькьорре Кавалларро, но спустя несколько лет он решил, что Мелькьорра — прекрасная мать, и достаточно того, что она родила от него четверых детей, после этого Бускетта жить с ней перестал.

7 сентября 1966 года он женился в Соединенных Штатах на синьоре Вере Джиротти, а чтобы его не обвинили в двоеженстве (в то время в Италии еще не существовало закона, разрешающего развод), он сделал следующее: представился в нью-йоркской мэрии под именем Мануэля Лопеца Кадены, именем, которое служило ему прикрытием на протяжении всего его пребывания в Северной Америке. Едва появившись в Соединенных Штатах, Томмазо Бускетта, который был примерным семьянином, тут же вызвал туда свою супругу и детей, чтобы иметь возможность заботиться о них, но категорически отказался жить с ними одной семьей.

Несколько лет спустя, в Рио, он вновь женился — на Кристине Джимарес. На этот раз для мэрии его имя было Паоло Роберто Феличи. Полагая, очевид-

но, что третье всегда самое лучшее, Томмазо Бускетта еще раз женился на Кристине Джимарес 15 октября 1978 года, на этот раз уже находясь в итальянской тюрьме. Это случилось сразу после развода с мадам Мелькьоррой Кавалларо. Превратности любви!

И хотя развод был наконец официально разрешен итальянским законодательством, для некоторых «людей чести» он оставался все же делом недопустимым, и их можно без колебаний записать в число тех, кто не умеет радоваться жизни. Но среди мафиози не все были такими: обычно человека «отставленного» все бойкотируют; однако большинство заключенных Уччардоне вели себя с Бускеттой как ни в чем не бывало. Бускетта истолковал их поведение как своеобразный плебисцит в свою пользу: он знал, что в некоторых случаях «люди чести» не могли позволить себе обойти строгий запрет на общение с провинившимся мафиози, даже если они считали несправедливым предъявленное ему обвинение и даже если при этом испытывали к изгою глубокое уважение. Это был уже не вопрос личной совести, но вопрос личной храбрости.

Правда, этой самой храбростью обладал далеко не каждый.

Большинство «людей чести» в Уччардоне считали необходимым быть представленными Томмазо Бускетте, но среди них нашлось двое таких, кто категорически отказался участвовать в церемонии представления. И, по злой иронии судьбы, оба эти человека были выходцами из «семьи» Томмазо Бускетты, то есть «семьи» Порта Нуовы.

То, что вопрос о его изгнании решен положительно, было тем более очевидным для Томмазо Бускетты, что в нарушение традиции глава «семьи» оказался совершенно не заинтересован в благополучном решении его участи. Он вовсе не занимался поисками адвоката и еще меньше интереса проявил к сумме гонорара за его защиту, словно «человек чести», оказавшийся в затруднительном положении, может и должен рассчитывать только на себя.

Человеком, который подтвердил Томмазо Бускетте, что вопрос о его исключении уже решен, был Гаэ-

тано Бадаламенти, неотесанный мужлан, который тем не менее возглавлял «семью» Чинизи. Выходя из Уччардоне — ему оставалось лишь несколько месяцев до освобождения, — Гаэтано Бадаламенти улучил момент, чтобы передать Томмазо Бускетте новости с воли: он сообщил, что глава «семьи» Порто Нуовы, Пиппо Кало санкционировал его исключение, но в Палермо мнения разделились.

Томмазо Бускетта хорошо знал Пиппо Кало, ведь это именно он отобрал Пиппо для организации и он председательствовал на церемонии его посвящения. Какое же это унижение — быть изгнанным из рядов молодым человеком, который сделал свои первые шаги под его, Томмазо Бускетты, руководством! И Бускетта дал знать об этом Пиппо Кало, потребовав от последнего объяснений, поскольку только сам Кало и мог прояснить ситуацию. В мафиозной «семье» ее глава обладает всеми возможными правами, в том числе правом на доступ к информации. Это именно он является хранителем информации, известной лишь узкому кругу людей. Именно он ее передает; когда он находит нужным, он передает ее лишь тем членам «семьи», которых считает достойными своего доверия, и всегда в том объеме, который он сам определяет.

Спустя несколько дней после того, как Бускетта передал свою информацию для Пиппо Кало по разветвленным каналам связи, по которым заключенные общаются с волей (охранники, адвокаты, посетители...), Томмазо Бускетта получил ответ-опровержение. Пиппо Кало дал понять, что никогда не исключал Бускетту, и попросил не придавать значения тому, что говорит Бадаламенти, назвав последнего *tragediatur!**

О правде

Для того чтобы понять значение этого оскорбления, которое может относиться лишь к «крестному отцу» мафии, следует ненадолго вновь возвратиться к

* Что-то вроде жалкого сочинителя, вруна.

кодексу поведения, регулирующему жизнь мафиози. Связь между «людьми чести» до такой степени регламентирована, что правила «Коза ностры» раз и навсегда определяют даже то, что следует считать правдой. Согласно этим правилам все, о чем «человек чести» заявит в присутствии более чем двух мафиози, — это правда, чистая правда и ничего кроме правды. Само собой разумеется, никто не заставляет «человека чести» говорить о таких же, как он, но, если он это делает и при этом публично лжет, он достоин наказания, и таким наказанием в наиболее очевидных случаях может быть в том числе и смерть. Такой человек не заслуживает более доверия к себе, и именно то на языке мафиози называется *траджедьятури*.

Когда между двумя мафиози из одной «семьи» возникает размолвка и нет никакого третьего лица, которое могло бы подтвердить или опровергнуть их слова, только «крестный отец» может вмешаться в их спор и решить, кто из них говорит правду. Когда сталкиваются два мафиози из разных «семей», их «крестные отцы» проводят встречу, чтобы разрешить спор, и если распря не затихает, в дело вмешиваются члены правительства «Коза ностры», Капитул, которому принадлежит верховная власть в организации.

Томмазо Бускетта знал, что, когда ты один, следует избегать разговоров с мафиози из другой «семьи», ибо всегда могут возникнуть какие-либо недоразумения.

Некоторое время спустя Томмазо Бускетта встретил в камере Уччардоне новичка, которого должны были судить в Палермо за убийство, совершенное им неподалеку от Агридженте. Человека этого, согласно традиции, ему представили. И после того как Бускетта узнал его имя — Джузеппе Ди Кристина, его звание (такое же, как у Томмазо), они перешли к разговору о серьезных вещах.

— Я — глава «семьи» Риези, — сказал ему этот человек и тут же, по-свойски назвав его по имени, добавил следующее: — Дон Мазино, вы должны навести порядок в ваших личных делах. Вас здорово критикуют в нашем кругу...

Придирки полиции

Когда в 1980 году судья по надзору из Турина дотторе Франко рассмотрел запрос об условно-досрочном освобождении, присланный адвокатами Томмазо Бускетты, он вынужден был скрепя сердце признать, что требование адвокатов было обоснованным. Томмазо Бускетте оставалось пребывать в заключении полтора года, поведение его в тюрьме Кунео, куда он был переведен за два года до этого, было примерным, а полиция Палермо, куда, в свою очередь, был послан запрос из магистратуры, не смогла вменить ему в вину ничего нового и лишь перечислила старые грехи. Томмазо Бускетта был отпущен под наблюдение полиции славного города Турина.

Возможно, он и теперь еще был бы в Турине, если бы начиная с первого же дня досрочного освобождения полицейские в штатском, совершенно не заинтересованные в том, чтобы укреплять ряды мафии в родном городе, не начали его преследовать. Повсюду, куда бы он ни шел, Томмазо Бускетта неминуемо натыкался на «сбиров», которые даже не утруждали себя тем, чтобы получше замаскироваться, и которые в любую минуту, когда им это приходило в голову, требовали, чтобы Бускетта предъявил им свои документы. У Томмазо Бускетты сложилось впечатление, что они ждут только повода, чтобы вновь его арестовать. К тому же всякий раз, когда полицейские проверяли его документы, они советовали ему «подобру-поздорову убираться из города, и поскорее».

Когда же Томмазо Бускетта пожаловался на их поведение *дотторе* Франко, у него сложилось неприятное впечатление, что рвение полицейских в магистратуре вызывало у последнего большое одобрение.

— Что вы хотите, я не могу мешать полиции выполнять их работу, — ответил ему *дотторе* Франко, воздев руки к потолку.

Вот почему Томмазо Бускетта покинул Турин и

тайно вернулся в Палермо в то время, когда ему было необходимо всего-навсего выждать еще несколько месяцев для того, чтобы окончательно урегулировать взаимоотношения с правосудием в своей стране. Обстановка, которая сложилась к тому времени в Палермо, была не слишком обнадеживающей. Правда, ему вновь предстояло встретиться с сообществом «людей чести»: с Пиппо Кало, его новым шефом, о котором он еще не знал что и думать; со своим другом Стефано Бонтате; с невежей и «крестным отцом» Гаэтано Бадаламенти; со всеми остальными его компаньонами по заключению или давешними братьями по оружию. Ему предстояло вскоре, к ужасу своему, убедиться, что люди, занявшие ключевые посты в «Коза ностре», ведут безумную игру, прежде чем он и сам погрузился в сокровенные тайны Капитула.

КАПИТУЛ

Чакулли, поселок мафии

Если в течение почти трех лет, с 1978 по 1981 год, глава «семьи» Санта Мария ди Джезу — Стефано Бонтате колесил по дороге, которая соединяет Палермо с Пьяна дельи Альбанези (бывшей Пьяна дельи Гречи), то, конечно же, не из туристского любопытства и уж тем более не ради того, чтобы насладиться местным пейзажем, более чем скромным даже для Сицилии. Как и каждый из тех, кто проезжал по этой трассе, он преследовал совершенно конкретную цель, и только превосходное знание местности позволяло ему выбрать именно на ту дорогу, которая вела его к этой цели.

Миновав развязку на дороге, ведущей к магистрали Палермо — Катания, автомобиль Стефано Бонтате проезжал квартал Бранкаччо и с трудом пробирался между развалин церкви в стиле барокко, на уцелевшей стене которой, хорошо видная с холма, висела реклама лучших спагетти, и еще менее привлекательной на вид станции техобслуживания; наконец он выбирался на дорогу, которая вела к расположенному менее чем в пяти километрах отсюда городку с дурной репутацией под названием Чакулли.

В Чакулли просто так не останавливаются. Ни на одном дорожном указателе вы не встретите названия этого маленького городка с тысячью жителей. Путешественник второпях мог бы принять эти не-

сколько домиков, стоящих по обеим сторонам дороги, за отдаленное предместье Палермо, если бы не две странности: в Чакулли нет магазинов, здесь торгуют только с автомобилями, а зеленые ставни его белых трехэтажных домиков всегда закрыты. Здесь начинается территория, которую контролирует одна из самых агрессивных и жестоких «семей» «Коза ностры».

Неотложные дела призывали Стефано Бонтате не в сам Чакулли. Почти уж миновав городок, его автомобиль сворачивал влево на дорогу, еще более узкую и неприметную, чем та, по которой он ехал раньше. На той дороге с трудом могли разъехаться два автомобиля, однако по обеим ее сторонам возвышались массивные серые стены, над которыми видны были густые ярко-зеленые ветви. Несложно было догадаться, что это плантации цитрусовых. Немного не доезжая до городка Кроче Верде Джардини, так же радующего глаз, как соседний Чакулли, автомобиль Стефано Бонтате снова сворачивал налево на проселочную дорогу и пересекал массивные въездные ворота, над которыми красовалась надпись: «Земельное владение Фаварелла».

Вырулив на середину впечатляющей плантации лимонов, автомобиль Стефано Бонтате замирал недалеко от простого строения с портиком, на вершине которого сияли две буквы: М. Г. — инициалы хозяина, Микеле Греко, главы «семьи» Чакулли и генерального секретаря Капитула.

Капитул

Хотя Стефано Бонтате и посещал с завидной регулярностью земельное владение Фаварелла, он делал это вовсе не для того, чтобы поупражняться на стрельбище, обустроенном Микеле Греко, большим любителем состязаний по стрельбе (бытует легенда, что когда-то он даже входил в состав сборной Италии по стрельбе по птицам), и уж тем более не для того, чтобы наведаться в подпольную лабораторию по

производству героина, которая на протяжении нескольких месяцев находилась прямо среди зарослей лимонных деревьев.

Приезжал он сюда не из-за банкетов, которые регулярно устраивал для «людей чести» хозяин дома. Присутствие Стефано Бонтате на территории земельного владения Фаварелла объяснялось его должностью секретаря Капитула, а также тем, что на протяжении более шести лет правительство «Коза ностры» имело обыкновение собираться там, где проживал глава Капитула, тем более что путь от Палермо занимал не более десяти минут, и место это было хорошо еще и тем, что о нем не знала полиция, а от посторонних глаз его прекрасно скрывали заросли лимонов.

К началу каждого заседания перед домом скапливалось не меньше дюжины автомобилей, обычно «БМВ» (признанный автомобилем «людей чести»), которые еще не были бронированными, так как мирный договор еще неукоснительно соблюдался всеми мафиозными «семьями».

Дом был двухэтажный, с деревянной лестницей, очень скромно меблированный в рустическом и одновременно античном стиле, исключая совершенно роскошную ванную комнату, расположенную на втором этаже.

Несмотря на то что дом был относительно просторным, собрания могли проходить лишь в одном зале, остальные же комнаты были явно недостаточного размера для того, чтобы в них с комфортом мог расположиться совет министров «Коза ностры». Нужно было хорошенько поискать, чтобы обнаружить именно то место, где собирался ареопаг «людей чести».

В нижней части одной из стен, замаскированное несколькими выдвигаемыми керамическими плитами, было отверстие, вполне подходящее для того, чтобы через него мог пройти человек солидных габаритов. Спускаться надо было по грубоотесанной каменной лестнице, освещая себе дорогу факелом или карманным фонариком.

Прямо от немногочисленных ступенек начинался

коридор, также ведущий вниз и выходящий в огромный зал конической формы, который по своим размерам был больше, чем все комнаты дома вместе взятые. Днем зал освещался естественным светом, пробивавшимся в громадные щели, забранные решеткой. За этой решеткой видны были соседние поля.

Именно здесь, в зале, расположенном в трех-четырех метрах под жилищем Микеле Греко, собирались Стефано Бонтате и другие секретари Капитула, чтобы определять политику «Коза ностры». Существование этого подземного пристанища имело самое простое объяснение: дом был построен на древнем карьере, территория которого, после того как из него перестали брать камень, и была приспособлена для выращивания лимонов. Множество разветвленных ходов вели от центрального зала к другим помещениям поменьше, которые могли служить прибежищем для скрывавшихся от полиции беглецов. На стенах в этих каменных норах были прилеплены свечи, а на полу валялись смятые матрасы, и это неопровержимо доказывало, что хозяин тех мест в случае необходимости действительно укрывал здесь своих «бойцов», прятавшихся от «сборов».

Микеле Греко сам в этом доме не жил. Он обустроил себе прибежище в нескольких виллах, расположенных в той местности; одна из них возвышается напротив земельного владения Фаварелла, под номером 415 на улице Чакулли, и ее тоже скрывают от посторонних глаз гектары цитрусовых. Дом в земельном владении Фаварелла использовался исключительно для встреч и приемов «людей чести», о чем свидетельствует наличие в нем примерно шестидесяти стульев и гигантские печи и жаровни, расположенные в разных помещениях дома.

Папа и антипаписты

Если в конце 70-х годов Микеле Греко позволил себе переделать одну из своих загородных резиденций в клуб «Коза ностры», то только потому, что он

был убежден в своей безнаказанности. Микеле Греко — выходец из одной из самых знатных «семей» острова. Он был двоюродным братом Сальваторе Греко (Пташки), который возглавлял «Коза ностру» в 60-е годы, но Микеле Греко не любил об этом родстве говорить. Войдя в круг палермской знати, он быстро научился скрывать свои делишки, установив в «Коза ностре» атмосферу террора, так что никто из его подручных никогда не посмел бы назвать «сбирам» его имя.

Таков был этот человек, который с 1978 года с высоты своих метра шестидесяти озирает поле деятельности Капитула так величаво-торжественно, что «люди чести» прозвали его Папой.

Стефано Бонтате входил в число тех секретарей Капитула — а их было меньшинство, — которые осмеливались противоречить Микеле Греко. Глава «семьи» Санта Мария ди Джезу заметил, что дела в мафии стали идти иначе после того, как во главе правительства «Коза ностры» встал Папа. Еще не осмеливаясь говорить о государственном перевороте, Стефано Бонтате очень скоро понял, что Папа может до неузнаваемости извратить основополагающие принципы организации.

Чикитедду, или Пташка

В 1972 году, в то время как Стефано Бонтате еще сидел в Уччардоне, он любил повторять своему другу и товарищу по заключению Томмазо Бускетте, что считает себя духовным наследником старого Сальваторе Греко, прозванного Чикитедду, или Пташкой, который возглавлял Капитул до 1963 года, до того момента, как тот был распущен в связи с началом «большой войны».

Бонтате был слишком молод, чтобы лично знать Пташку, вот почему он просил Томмазо Бускетту рассказывать ему об этом «человеке чести». И хотя Бускетта не входил в высшие мафиозные сферы, так как был в начале 60-х годов простым «бойцом», тем не

менее ему уже тогда довелось завоевать дружбу Сальваторе Греко, который так был к нему расположен, что даже открыл ему свое сердце.

Так как Бускетте довелось быть непосредственным очевидцем и участником событий, он смог объяснить Бонтате, почему в 1963 году, когда «большая война» между «семьями» «Коза ностры» была в полном разгаре, Пташка в здравом уме и твердой памяти принял решение устраниваться от дел и распустить «Коза ностру».

— Пташка принял решение бросить все и уехать за границу, — сказал Бускетта, — когда понял, что мафия отошла от своих основополагающих принципов и превратилась в организацию преступников.

Корлеоне

— Начало глубокого кризиса, который сотрясает мафиозные структуры, — говорит Томмазо Бускетта, — восходит к тому моменту, когда Леджо убил Наварру и Капитул ничего об этом не знал.

Это было беспрецедентное преступление во всей истории «Коза ностры», когда убийца очень быстро был обнаружен, а поступок его осужден всеми «людьми чести». Звали убийцу Лучано Леджо.

Лучано Леджо родился в 1928 году в маленьком городке Корлеоне и был по происхождению потомственным крестьянином, которому довелось ступень за ступенью преодолеть все стадии посвящения в «Коза ностре» и спустя тридцать лет прославиться в связи с убийством местного «крестного отца», *дотторе* Микеле Наварры, деревенского врача и одновременно грубого и злобного мелкоземельного собственника, власть которого в то время простиралась вплоть до самого Капитула.

— Чикитедду вызвал Леджо и потребовал от него объяснений, — рассказывал Бускетта. — Леджо, сославшись на личные причины, попросил поверить ему на слово. Леджо утверждал, что один бывший мафиози, исключенный из организации, якобы мог

подтвердить правдивость его рассказа. Я позабыл имя этого мафиози, но, помнится, как только его освободили, он тут же исчез, не успев встретиться с Чикитедду. Последний пришел в ярость. Но тем временем в 1965 году неожиданно произошел случай с Джульеттой (один из самых ужасных эпизодов «большой войны»), и, с отвращением воспринимая происходящее, Чикитедду решил эмигрировать и оставить все эти дела — навсегда.

Вторая жизнь «Коза ностры»

Несколько лет спустя, в начале семидесятых, Лучано Леджо стал врагом номер один всех итальянцев. Газеты сделали из него отъявленного злодея. Они пестрели заголовками, посвященными той кровавой эпопее, которая привела его из Корлеоне в Палермо и должна была возвести на ключевой пост в «Коза ностре».

Терзаемый костным туберкулезом, от которого его даже наполовину парализовало, Лучано Леджо тем не менее нимало не утратил своих умственных способностей. Он был арестован в Корлеоне в мае 1964 года и в течение почти четырех лет величественно отражал атаки итальянских судов, которые каждый раз расписывались в своей беспомощности доказать его участие в гнусных преступлениях «за неимением достаточных улик».

После долгого пребывания в клинике, где лечат различные мочеполовые инфекции и почечную недостаточность, Леджо исчез из нее в тот самый момент, когда полиция вновь собиралась его арестовать. Для него настал час свести счеты с теми, кто его «преследовал», как выразился он сам.

Осуществление проектов Лучано Леджо здорово облегчало то состояние упадка, в котором находилась исполнительная власть «Коза ностры». Чтобы восстановить организацию, в ключья разнесенную «большой войной», поредевшую после арестов и даже на короткое время лишившуюся правительства,

уцелевшие представители различных «семей» «Коза ностры» избрали триумvirат, состоявший из молодого Стефано Бонтате, «крестного отца» Чинизи неотесанного мужлана Гаэтано Бадаламенти и одного из убийц «семьи» Корлеоне Сальваторе Риины.

Когда Лучано Леджо очутился в Палермо, триумvirат уже прекратил свое существование в связи с арестом Бонтате и Бадаламенти. Власть отныне была сосредоточена в руках одного-единственного человека, Сальваторе Риины, приближенного Лучано Леджо, который на протяжении долгих лет был его ближайшим помощником.

Огонь по прокурору Скальоне

5 мая 1971 года Стефано Бонтате и Гаэтано Бадаламенти находились в тюрьме Уччардоне, когда узнали, что прокурор Палермской республики Пьетро Скальоне был убит вместе со своим шофером на виа Чипресси в тот момент, когда он вышел из Дворца правосудия и садился в свой служебный автомобиль. Очень скоро оба они совершенно уверились в том, что их «коллеги» Лучано Леджо и Сальваторе Риина лично приняли участие в этом беспрецедентном даже для Сицилии преступлении.

Те, кто сообщили Бонтате и Бадаламенти эту информацию, уточнили, что Леджо, терзаемый приступом нестерпимой боли, был вообще не способен передвигаться во время покушения: он якобы стрелял в несчастного прокурора из засады, которая была устроена впереди автомобиля.

Когда Бонтате и Бадаламенти стали расспрашивать о причинах убийства, выяснилось, что их было три.

Прежде всего Лучано Леджо намеревался покарать человека, которого считал своим самым неуемным преследователем. Вторая причина была менее серьезной: прокурор Скальоне только что расправился с «семьей» д'Алькамо, которая, впрочем, была далеко не в самых дружеских отношениях с корлеон-

цами; Леджо, следовательно, было приятно подставить своих противников, которых неминуемо должны были заподозрить в причастности к убийству. Третья причина, подвигнувшая его на преступление, даже для Бонтате и Бадаламенти была неслыханно циничной: убив Пьетро Скальоне, Леджо рассчитывал дестабилизировать обстановку в палермских судах, как бы намекнув, что речь шла о сведении счетов между своими. Зная наверняка о непричастности Скальоне к делам мафии, Бонтате и Бадаламенти пришли к заключению, что замысел Леджо сработал свыше всяческих ожиданий: даже спустя десять лет в Палермо можно было встретить добропорядочных людей, которые полагали, что прокурор Скальоне был убит за свои старые грешки.

Хотя сами Бонтате и Бадаламенти оказались непричастными к убийству, Лучано Леджо тем не менее устроил так, чтобы задеть самолюбие других своих «коллег».

Пьетро Скальоне был убит на виа Чипресси в квартале Данизьеми, контролируемом «семьей» Порта Нуова. Леджо не забыл предупредить о своих намерениях главу «семьи» Пиппо Кало, не только потому, что это было делом чести, но и потому, что репрессии полиции после убийства неминуемо должны были обрушиться на этот район, со всеми возможными последствиями для жизни «семьи». Не предупредить Пиппо Кало об убийстве в соответствии с буквой устных законов мафии значило бы объявить новую войну. После убийства Скальоне авторитет и репутация Пиппо Кало возросли до того, что его призвали исполнять высшую административную власть в «Коза ностре».

Где восстанавливает свои силы Капитул

Выход из тюрьмы Стефано Бонтате и Гаэтано Бадаламенти совпал с возобновлением деятельности правительства «Коза ностры». Они нашли в Палермо

нового Лучано Леджо, которому, кажется, превратности нелегальной жизни ничуть не испортили настроения. Строгая диета, основанная на белом рисе и жареном мясе, приправленных всевозможными пилюлями, вернули Леджо его двигательные возможности и вкус к жизни.

До такой степени, что он оказался способен вести сразу несколько дел (в основном это были похищения людей), которые не мешали ему заниматься и политикой: с помощью Стефано Бонтате и Гаэтано Бадаламенти Леджо удалось вернуть к жизни Капитул.

С первых же заседаний Капитула, который собирался уже в земельном владении Фаварелла, принадлежавшем Микеле Греко, представители различных «семей» принялись наводить порядок в делах «Коза ностры». И так случилось, что Лучано Леджо, представлявший «семью» Корлеоне и ее соседей, вынужден был скрепя сердце согласиться умерить свой «деловой» пыл.

Леджо и его люди, начавшие специализироваться на похищениях, действовали по всей Италии с заметным успехом: в их руках скопилась уже чуть ли не дюжина похищенных, которые ожидали своего освобождения за денежный выкуп. Если Капитул решил, что на Сицилии больше не должно быть похищений, то это случилось не из соображений гуманности к жертвам и тем более не из желания избавить жителей острова от лишних волнений.

Каждый уважающий себя «человек чести» знает, что похищения людей вызывают всеобщее чувство враждебности по отношению к похитителям, так что это могло причинить немалый вред «Коза ностре» в тех регионах, где она располагает крупными организациями, как это имеет место на Сицилии. Кроме того, такие действия вообще мешают мафии, поскольку неминуемо вызывают ответные меры полиции. Именно исходя из всех названных выше причин секретаря Капитула Лучано Леджо попросили ограничить свои притязания севером Апеннин.

Поскольку Лучано Леджо вынужден был согла-

ситься перенести свою бурную деятельность на север Италии, ему просто необходимо было отыграть на других секретарях Капитула, которые, по примеру «крестного отца» Чинизи грубияна Гаэтано Бадаламенти, считали его кровожадным идиотом. Ему нужна была жертва. Гаэтано Бадаламенти отлично подходил на эту роль; вот кто будет наказан, символически, конечно.

Лучано Леджо решил, что выкуп за одну из жертв похищений, произведенных на севере Италии, будет заплачен не территории Бадаламенти, в окрестностях Чинизи. Ясно без слов, что этот район был незамедлительно оцеплен полицией, которая, желая воспрепятствовать внесению выкупа, нарушила все планы «семьи» Бадаламенти. «Крестный отец» Чинизи счел этот случай личным оскорблением и не преминул сообщить остальным членам Капитула, что вторжение на его территорию — очевидный *casus belli*, повод к войне.

История умалчивает о том, что ответил Леджо на выпад Бадаламенти. Можно предположить, что он, по своему обыкновению, нападал и оскорблял. Долго еще потом Бадаламенти жаловался, что Леджо пользовался всякой возможностью, чтобы публично осмеять его. Во время заседаний Капитула Леджо никогда не лишал себя удовольствия обратить всеобщее внимание на невежественность Гаэтано Бадаламенти, со злобной радостью публично обнаруживая его грамматические и синтаксические ошибки, которых было более чем достаточно всякий раз, когда Бадаламенти, оставив родной диалект, пытался выразить себя на итальянском. Поскольку у «людей чести» восприимчивость к шуткам очень ограничена, секретари Капитула всякий раз воспринимали поправки Леджо как новые оскорбления, наносимые лично Бадаламенти.

Правда, отношение к культуре у самого Леджо было очень специфическим: ходят слухи, что читать он научился довольно поздно, после того как пригрозил оторвать голову учительнице в Корлеоне, если она не исполнит свой профессиональный долг как можно скорее. Несколько лет спустя, во время его

первого ареста в Корлеоне, полиция обнаружила на ночном столике «Войну и мир» и «Критику чистого разума» в переводе на итальянский.

Двойная жизнь «крестного отца»

Когда Лучано Леджо был не в Палермо, лучше всего он проводил время в Милане, в доме 166 на виа Рипамонти, где встречался с одной легковерной женщиной, немного располневшей, очень близоручкой и слегка припадавшей на одну ногу. Вот уже четыре года она жила с человеком, которого, как она полагала, звали Антонио Ферруджо и которого, чтобы не портить отношений, она никогда ни о чем не расспрашивала. 14 мая 1974 года она наконец узнала страшную правду, когда с десятков карабинеров, облаченных в пуленепробиваемые жилеты и вооруженных небольшими пистолетами-пулеметами, ворвались в их квартирку, чтобы арестовать ее друга.

— Ты прочтешь в газетах про меня новость что, — сказал ей Лучано Леджо. — Ты не должна им верить. Это все ложь. Я часто спрашиваю сам себя, что же я такого сделал, что заслужил подобную репутацию.

О потасовках у «людей чести»

Те, кто полагал, что после ареста Лучано Леджо дела Капитула должны были пойти более успешно, сильно ошибались. Действительно, на первый взгляд, все вернулось в прежнее русло. И хотя на протяжении двух лет у них не было шефа, представители Капитула решили избрать на пост генерального секретаря «Коза ностры» Газтано Бадаламенти. Но спокойствие было лишь видимым. В кулуарах Капитула союзники Лучано Леджо возбуждали самые неприятные разговоры.

Стефано Бонтате заметил, что что-то безвозвратно испортилось в королевстве Капитула после убийства Анджело Сорино, бригадира итальянской государственной полиции в отставке. Положение было столь же новым, сколь и тревожным. Сорино был од-

ним из первых полицейских, который пал от рук именно «людей чести».

Когда Стефано Бонтате узнал об убийстве, он как раз отсиживал свой срок в тюрьме Уччардоне. Вначале он терялся в догадках. Стефано Бонтате предположил, что убийцы должны были иметь веские основания, чтобы разделаться таким образом с официальным лицом (а точнее, с бывшим официальным лицом), представлявшим государственную власть, с которой до той поры «Коза ностра» предпочитала не конфликтовать напрямую.

В то время в тюрьме Уччардоне сидел один человек, который наверняка был осведомлен о причинах этого покушения. Это Филиппо Джаколоне, глава «семьи» Сан Лоренцо, контролировавшей территорию, на которой был убит бригадир Сорино. По правилам глава «семьи» непременно должен заранее знать о преступлении, которое планируют совершить на его территории.

Стефано Бонтате обратился к заключенному Филиппо Джаколоне за разъяснениями потому, что это дело непосредственно касалось самого Бонтате. Как члена Капитула Бонтате тоже должны были предупредить о планирующейся операции до начала ее проведения. Для большей уверенности и для того, чтобы убедиться, что Джаколоне скажет ему правду и ничего кроме правды, Бонтате попросил свидетеля, в данном случае своего друга Томмазо Бускетту, участвовать в разговоре.

— Я здесь ни при чем, — стал отнекиваться Джаколоне. — Я даже не знаю, кто убил бригадира Сорино. Как только выйду из тюрьмы, я сделаю все возможное, чтобы узнать имя убийцы, которое безотлагательно вам сообщу.

Первым выйдя из тюрьмы, Филиппо Джаколоне незамедлительно узнал имя убийцы, который позволил себе действовать без его ведома на его территории. Немного спустя он сообщил это имя Стефано Бонтате, который, в свою очередь, тоже только что заново обрел свободу.

А еще немного времени спустя после того, как Джаколоне сообщил имя убийцы Бонтате, он исчез,

явно пав жертвой очередного тайного сведения счетов; скорее всего он утонул, то есть «принял крещение» (на языке мафиози это еще называется «белая смерть»), так как его тело так и не нашли. Стефано Бонтате понял, что исчезновение Джаколоне было делом рук Леолука Багареллы, предполагаемого убийцы Сорино, одного из «наиболее ценных людей» (то есть убийцы) «семьи» Корлеоне, который был подотчетен лишь своему шефу, Лучано Леджо.

— Я хотел бы получить разъяснения по поводу смерти Сорино, — сказал секретарь Капитула Стефано Бонтате во время одного из собраний. Ответ был единодушным: никто ничего не знал. Бонтате не смог удержаться от того, чтобы не сказать, что было не только «некорректным» превращать территорию одного из «людей чести» в стрельбище, даже не предупредив его об этом заранее, но что убийца совершил еще одну грубую ошибку, не поставив в известность о своих намерениях Капитул.

Из всех присутствовавших лишь один человек поддержал позицию Стефано Бонтате. Этим человеком был генеральный секретарь Капитула Гаэтано Бадаламенти.

Большинство секретарей предпочли промолчать, в то время как один из присутствовавших категорически возражал Бонтате: это был Микеле Греко, Папа, который таким образом раскрыл свои карты.

Стефано Бонтате уже не питал иллюзий относительно беспристрастности Микеле Греко. Он знал, что глава «семьи» Чакулли был постоянным союзником корлеонского клана, и не сомневался, что вопрос об убийстве несчастного марешалло Сорино не мог быть решен без участия Папы.

Дело Руссо

Убийство полковника карабинеров Джузеппе Руссо, произошедшее 20 августа 1977 года, стало для Стефано Бонтате дополнительным доказательством двоедушия Микеле Греко.

Полковник Руссо и находившийся с ним профессор Коста были хладнокровно убиты во время прогулки по центральной площади живописного городка с темной репутацией под названием Фикуцца.

Расположенный на расстоянии пушечного выстрела от Корлеоне, Фикуцца был «фамильной крепостью» Лучано Леджо; это означает, что убийство было делом рук корлеонцев, и в этом можно было не сомневаться. К тому же убийцы действовали с беспрецедентной наглостью: их жертвы были убиты среди бела дня, в тот момент, когда они находились в десяти метрах от полицейского поста.

У Стефано Бонтате были причины выйти из себя. Прежде всего это покушение на важную персону вновь не было согласовано с Капитулом. Но смерть Руссо задела его еще и по другой причине. Полковник карабинеров стал мишенью неведомых убийц из-за того, что вел расследование о похищении Луиджи Корлео, тестя Нино Сальво, одного из друзей Стефано Бонтате, налогового инспектора западной Сицилии.

На этот раз Бонтате не мог удовольствоваться бурным проявлением возмущения во время оживленного заседания Капитула. Опираясь на поддержку Бадаламенти, Бонтате потребовал назвать имена убийц и применить против них репрессивные меры. Тщетно.

Микеле Греко, конечно, был задет подобной реакцией Стефано Бонтате. Безусловно, опасаясь санкций, Папа выждал несколько дней, прежде чем открылся главе «семьи» Санта Мария ди Джезу.

— Это корлеонцы организовали двойное убийство, — сказал Микеле Греко. — Один из членов моей «семьи» без моего ведома принял участие в этой засаде. Но меня поставили в известность об этом только потом.

Стефано Бонтате лишь отчасти поверил истории, которую поведал ему Микеле Греко. Если уж корлеонцы пошли на двойное убийство, то это могло произойти только с благословения Папы.

Кроме того, коли уж он признал, что один из его «родственников» принимал участие в покушении в

Фикуцце, то сделал это, безусловно, только потому, что был уверен: Бонтате узнает правду из других источников.

Ясно без слов, что «недисциплинированный» убийца так и не был наказан своим «крестным отцом». Напротив, несмотря на свой возраст — ему было всего 23 года, — он очень быстро сделал себе карьеру в «Коза ностре», заслужив репутацию «дикого животного», и снискал такую же известность среди «людей чести», как Джузеппе Греко, или Пино Греко, по прозвищу Башмачок.

Скартудзедда, или Башмачок

Дальний родственник Микеле Греко, Башмачок очень быстро завоевал его расположение и стал его доверенным лицом. Папа, безусловно, находился под впечатлением от жестокости и хладнокровия этого молодого человека, которого «боялись все на свете», как о нем говорили «люди чести». Репутация Башмачка была вполне заслуженной: он или душил свою жертву, или замучивал до смерти, например, разрубая на части.

Лучшие годы своей жизни этот молодой человек посвятил убийству себе подобных, так что можно подумать, что принятие в члены Капитула, которое было поставлено на голосование в начале 1978 года, было своего рода платой за его призвание, дипломом, который признательные старшие «коллеги» вручили «драгоценному» Пино Греко.

За историей с избранием Башмачка в правительство «Коза ностры» стоял Микеле Греко. Это был тонкий ход. Немного ранее Микеле Греко сам ушел с поста главы «семьи» Чакулли, предложив вместо себя своего молодого протеже.

Но Папа не из врожденного добросердечия уступил свое место Башмачку: Микеле Греко готовился перейти в более высокие сферы. Вхождение Пино Греко в состав Капитула совпало с назначением Микеле Греко на пост его генерального секретаря. Меч-

та всякого «человека чести» наконец исполнилась для него, а для «Коза ностры» наступили самые кровавые за всю ее историю времена.

Обстоятельства, которыми сопровождалось избрание Микеле Греко главой Капитула, навсегда останутся тайной для большинства «людей чести» в Палермо.

Накануне Гаэтано Бадаламенти был грубо лишен полномочий генерального секретаря, низложен с поста главы «семьи» Чинизи и навсегда изгнан из «Коза ностры», хотя никто не знал, за что, за исключением, конечно, его самого и членов правительства.

Гаэтано Бадаламенти навсегда отказался говорить об этом инциденте со своими близкими, и никто, кроме секретарей Капитула, так и не узнал, какова же была его «провинность», за которую он получил такое наказание. Во всем Палермо не было такого «человека чести», который осмелился бы публично обсуждать смещение Бадаламенти или приход к власти в Капитуле Микеле Греко, а уж тем более не было желающих обсуждать избрание в Капитул Пино Греко.

Конец разговорчивого «крестного отца»

Больше всего возмутило Стефано Бонтате избрание на пост секретаря Капитула Башмачка. У главы «семьи» Санта Мария ди Джезу создалось впечатление, что молодой человек должен был сыграть роль буфера между ним и Микеле Греко. Для него стало невозможным получить аудиенцию у нового генерального секретаря, и отныне именно молодой протеже последнего устанавливал дни, по которым собиралась Комиссия. Кроме того, со времени избрания Башмачка заседания Капитула потеряли всякий смысл. Стефано Бонтате все больше и больше убеждался, что судьбы мафии вершило теперь отнюдь не правительство «Коза ностры», а как бы некая «супер-семья», состоявшая из корлеонцев и возглавляемая Микеле и Пино Греко.

Дело Ди Кристины, вопреки ожиданиям, подтвердило основательность самых худших опасений Стефано Бонтате.

Глава «семьи», которая гнездилась в чудном прибрежном городке Риези на юге острова, Джузеппе Ди Кристина был «человеком чести» в старинном смысле слова.

Ди Кристина как рабочая лошадка много сделал для восстановления «Коза ностры» в конце 60-х годов; среди его друзей было немало политиков и финансистов Сицилии. Его единственной ошибкой было открытое противостояние клану корлеонцев после убийства *калонелло* Руссо и его друга *профессоре* Косты в Фикуцце.

Ди Кристина протестовал на тех же основаниях, что и Стефано Бонтате: он тоже был другом финансового инспектора Нино Сальво, тестя которого, как нам уже известно, разыскивал *калонелло* Руссо. Только вот Джузеппе Ди Кристина был более уязвим, чем Стефано Бонтате, не являясь к тому же членом Капитула.

Убийство двух его телохранителей, попавших в засаду, предназначенную для него самого, показало главе «семьи» Риези, что дни его сочтены. Вот почему он совершил поступок, который в другое время сам расценил бы как бесчестный. Он тайно встретился с офицером карабинеров, чтобы сообщить ему некоторые сведения о своих врагах.

— Если я и решил встретиться с вами, — сказал своему собеседнику Джузеппе Ди Кристина, — то только для того, чтобы предоставить вам возможность сокрушить людей Лучано Леджо. Это банда полоумных маньяков, способных на самые гнусные преступления. Они приговорили меня к смерти, потому что я восстал против бессмысленного убийства полковника Руссо. Если меня убьют, я хочу, чтобы вы знали имена истинных виновников моей гибели. Я не хочу, чтобы при этом пострадали преданные мне люди.

Ди Кристина знал, что на Сицилии, как и вообще повсюду, поскольку тайна, которая окружает убийст-

во, пропорциональна значимости убитого, полиция имеет обыкновение инкриминировать преступление только тем, кто находится у нее на крючке и кто, как ей известно, был близким другом жертвы.

Через несколько дней после своей беседы с карабинерами, 30 мая 1978 года в 7.45 утра Джузеппе Ди Кристина пал, изрешеченный пулями, на улице Леонардо да Винчи в Палермо и скончался немного времени спустя в госпитале Вилла София, куда его доставила «скорая помощь». На месте преступления полиция обнаружила два револьвера со сбитыми номерами, оба 38-го калибра; смит-вессон и кольт. Первый принадлежал Ди Кристине, который успел выстрелить лишь дважды, в то время как один из убийц разрядил в него всю обойму.

Во время похорон Ди Кристины жители маленького Риези соблюдали траур, что шокировало всю Италию. Школы, учреждения и магазины города были закрыты; в штабе христианско-демократической партии были приспущены флаги, а все ее функционеры и все местные политические деятели сопровождали похоронную процессию, провожавшую к последнему пристанищу любимого всеми «крестного отца».

Нарушение границ

Стефано Бонтате усмотрел в убийстве Ди Кристины очередной маневр, имеющий целью его изоляции в недрах «Коза ностры», а потому не столько из чувства дружбы, сколько в связи с новым поворотом событий сблизился с шефом «семьи» Риези.

Предсказание Ди Кристины осуществлялось с ужасающей точностью: после его убийства подозрение пало на ближайшего друга Ди Кристины, главу «семьи» Пассо ди Ригано и секретаря Комиссии Сальваторе Инцерилло, у которого Ди Кристина провел свою последнюю ночь.

Сальваторе Инцерилло яростно защищался от обвинений в убийстве, приводя довод, который поверг

в замешательство его злопыхателей: он так хорошо знал Ди Кристину, что у него не было никакой необходимости убивать его среди бела дня на улице. Если бы ему потребовалось убрать главу банды из Риези, ему достаточно было, вероломно нарушив клятву дружбы, заманить его в ловушку, а затем уничтожить тело. Это было бы много проще, наделало бы гораздо меньше шуму, да и действовать пришлось бы наверняка, не на улице, к тому же такое убийство имело бы еще то преимущество, что не поставило бы на ноги «сбиров».

Полный решимости отстоять свою непричастность к убийству, Сальваторе Инцерилло решил вынести этот вопрос на рассмотрение Капитула. В конце концов, разве не был Ди Кристина убит, выходя из его, Сальваторе Инцерилло, дома?

— Границы моей территории были нарушены, — заявил он остальным секретарям. — Ди Кристина был убит на территории, которую контролирую я. И в этом же квартале сбирсы обнаружили автомобиль, в котором сидели убийцы. Я хотел бы знать, почему все было именно так.

— Ди Кристина был убит по двум причинам, — ответил ему Микеле Греко. — Во-первых, из-за тех неприятностей, которые касаются его территории и «семьи» Риези, во-вторых, потому что он доносил на нас сбирам.

Папа высказался. Его краткая речь заменила официальное сообщение по поводу смерти Ди Кристины. Да будет известно всем остальным членам Капитула: с этим покончено.

Немного позже Сальваторе Инцерилло оказался связан со Стефано Бонтате чудовищным подозрением, которое возникло у него по мере того, как он пытался раскрутить дело об убийстве Ди Кристины. В это дело оказался замешан один из его людей. И был это не простой «боец», а его правая рука, Сальваторе Монтальто, верный друг, настолько близкий, что даже свой загородный дом он построил рядом с домом Инцерилло.

— Я ничего не могу поделывать, — сказал Сальваторе

Инцерилло. — Монтальто — член моей «семьи». И мне следовало бы убить его, но у меня нет никаких доказательств.

Время дружбы окончилось. Настало время предательства.

«Семейные» разборки

Легко можно себе представить то, мягко говоря, угрюмое настроение, которое накатывало отныне на Стефано Бонтате каждый раз, когда он отправлялся в Чакулли в земельное владение Фаварелла на встречи с секретарями Капитула, которые практически единодушно поддерживали Микеле Греко и корлеонцев. Злость Бонтате была тем более велика, что столкновение с корлеонцами имело серьезные последствия для его «семьи».

И хотя в его распоряжении не было никаких заслуживающих внимания фактов, Бонтате был убежден, что Микеле Греко намеренно сеет раздор между его людьми.

Первым знамя восстания поднял его собственный брат Джованни. Снедаемый завистью и злобой, Джованни целыми днями только и думал, как учинить бунт против старшего брата. Цель была очевидна: он стремился занять место главы «семьи». Поведение его также говорило само за себя: Джованни частенько навещал Микеле Греко и корлеонских «бойцов», пренебрегая обществом своего брата и его приближенных. Джованни Бонтате беспрестанно жаловался на публике на плохое обращение и даже притеснения, которым он якобы подвергался в недрах своей «семьи». Время для открытого столкновения еще не пришло, и Микеле Греко посоветовал ему быть осторожным, а Джованни Бонтате, в свою очередь, охотно согнул хребет перед своим высоким покровителем, лелея тайную мечту стать вершителем судеб «семьи» Санта Мариа ди Джезу. Что и не замедлило сбыться, если судить по результату выборов главы «семьи» в 1980 году. Стефано Бонтате был формаль-

но переизбран главой «семьи», но на этот раз внутренняя оппозиция впервые вышла из подполья. Несколько командиров отрядов не колеблясь открыто выступили против него, всерьез угрожая неповиновением. Добрый Бонтате, кажется, не придавал этому особого значения, поскольку после подсчета голосов он всех их снова утвердил в прежней должности, не стал наказывать даже того, кто осмелился высказываться против него открыто. Результат голосования был более чем скромным: всего десять «за».

После тех выборов Стефано Бонтате больше не питал иллюзий и относительно «людей чести» из его «семьи». Он, конечно, понял, что в случае обострения отношений его противникам не составит труда отыскать какого-нибудь Иуду, готового продать своего «крестного отца», правда, за сумму гораздо большую, чем 30 сребреников.

В то время от его собственной «семьи» никакой опасности не исходило: его люди сами по себе и не шелохнулись бы раньше, чем корлеонцы что-нибудь решили. Партия разыгрывалась пока еще в самом Капитуле и в высших сферах «Коза ностры». Для Стефано Бонтате стало необходимым обзавестись новыми союзниками. Вот почему, когда он узнал о том, что в Палермо должен приехать его сокамерник Томмазо Бускетта, который «улизнул» от принудительного надзора полиции города Турина, Стефано Бонтате почувствовал облегчение. Томмазо Бускетта был идеальным союзником: не занимая никаких постов в «Коза ностре», он пользовался в кругах «людей чести» известным авторитетом и уважением.

НАКАНУНЕ

Палермо, Ла Порте

Когда Томмазо Бускетта приехал в Палермо жарким летним днем 1980 года, он нашел город в сильном возбуждении, задыхающимся от воистину африканской жары и взбудораженным целой серией нераскрытых преступлений, то есть ставшим заложником одного из тех кризисов, разрешить которые может только война.

Едва выйдя из аэропорта Пунта Райзи, Томмазо Бускетта нутром почувствовал признаки безумия, которое вот-вот должно было охватить целый город. Уже сам этот недавно построенный странный аэропорт показался ему наглядным доказательством глупости и жадности людей, которые решили обустроить его на уникальном в своем роде месте, между горой и морем, в узком коридоре, продуваемом встречными ветрами, превращавшими аэропорт в одно из самых опасных мест приземления самолетов в мире.

Все еще пребывая в шоке от посадки, которая, по его мнению, лишь благодаря чуду или неправдоподобной сноровке пилотов не стала приводнением, Томмазо Бускетта заметил в начале взлетной полосы разбросанные строения, благодаря которым аэропорт и назывался международным. Выйдя из самолета, он почувствовал что-то давным-давно позабытое: он ощутил запахи родной земли, которые в сочета-

нии с неярким солнечным светом и мягким воздухом были непередаваемо волнующими.

Палермо, как сказал Леонардо Шаша, — это дверь, которая никогда никому не помешала ни войти, ни выйти. Дверь, которая впустила и выпустила арабов, норманнов, французов, англичан, испанцев и, наконец, итальянцев. Движение было столь интенсивным, что город превратился в причудливое скопление минаретов и готических арок, консолей в стиле рококо, куполов и развалин времен Второй мировой войны, и все это теперь было основательно заставлено конструкциями из стекла и бетона, взметнувшись ввысь благодаря спекуляции недвижимостью — самому недавнему, но гораздо более действенному оружию, чем союзнические бомбы. Вспоминая о толпах варваров, осаждавших Рим, сегодня говорят о «палермском ящике», обозначая таким образом потрясший Палермо взрыв урбанизации, относящийся к 60-м годам.

В одном из таких не слишком-то привлекательных современных зданий на улице Кроче Росса Томмазо Бускетте суждено было провести несколько месяцев, так как именно здесь нашел для него сын Антонино подходящее жилье.

Поскольку газеты, как нетрудно догадаться, громко раструбили о его исчезновении из Турина, Томмазо Бускетта, находясь в Палермо, вынужден был соблюдать кое-какие предосторожности.

Он знал, что для «человека чести», которого разыскивает полиция по всей стране, Палермо был лучшим из убежищ: в период войны между бандами находившиеся в розыске беглецы, фланировавшие по улицам города, исчислялись сотнями.

Для того чтобы жить в Палермо нелегально, следует соблюдать лишь несколько несложных правил: часто менять жилище, иметь фальшивый, но надежный паспорт, а главное — обращать особое внимание на способы перемещения по городу.

Томмазо Бускетта научился ограничивать свои передвижения до строгого минимума, главным образом избегая ходить пешком. Он знал, что если ему

понадобится пройтись, это можно будет сделать только между 13 и 16 часами. Все «люди чести» скажут вам: в первые послеполуденные часы у вас меньше всего шансов наткнуться на улицах города на полицейских.

Принимая эти предосторожности, Томмазо Бускетта смог повстречаться со своими давними товарищами по оружию, сокамерниками, а также с новыми друзьями. И через несколько дней он составил мнение о сложившейся ситуации.

«Сицилийский след»

Прежде Палермо занимал 81-е место в Италии по производству промышленной продукции, а после отъезда Томмазо Бускетты у города наступил в некотором смысле «золотой век», в результате чего в начале 80-х годов он стал входить в число самых промышленно развитых городов Апеннинского полуострова, а точнее, занял четвертое место по уровню потребления промышленной продукции. То, что второпях можно было принять за внезапное обогащение бедных жителей Палермо, казалось делом необъяснимым и даже невероятным.

Сирокко безумия, казалось, налетел на бывшую столицу Королевства обеих Сицилий, которая всего за несколько лет стала одним из самых дорогих и самых небезопасных для граждан городов старушки Европы.

— Причина, по которой большинство членов «Коза ностры» стали состоятельными людьми, очень проста, — сказал Стефано Бонтате Томмазо Бускетте. — В основе всех недавно нажитых состояний — наркотики. Это и приведет «Коза ностру» к гибели.

Стефано Бонтате рассказал своему бывшему сокамернику, как, оставив контрабанду сигаретами, которая в прошлом была одним из главных источников доходов, «люди чести» принялись за производство наркотиков.

В 1978 году «Коза ностра» отказалась от «перего-

на» сигарет из легкого табака по причине строгостей, введенных итальянской таможней, и внутренних раздоров, из-за которых последовал целый ряд провалов, что, в свою очередь, вообще парализовало деятельность «Коза ностры» в этой области.

Контрабандист по имени Нунцио Ла Маттина был первым, кому пришла в голову идея переквалифицироваться на торговлю белым порошком, более хрупким и гораздо более опасным, чем табак.

Поездки по различным средиземноморским портам позволили Нунцио Ла Маттине выйти на тех, кто поставяет опий, печально знаменитым производным которого является героин. Контрабандисту не составило труда убедить руководителей «Коза ностры» в очевидных выгодах, которые сулил героин; последние и позволили главам «семей» обратиться к этой сфере деятельности.

Очень скоро небольшая группка людей — все они были в прежнее время королями контрабанды табака (Томмазо Спадаро, Нунцио Ла Маттина и Пино Савока) — занялась регулярными поставками опия различным «семьям». Поставки осуществлялись из источников, которые они ревниво держали в секрете.

Главы «семей» «Коза ностры» удовлетворялись тем, что финансировали покупку опия и его перепроизводство в героин в лабораториях, расположенных в различных уголках Сицилии, как это будет видно из дальнейшего повествования. Располагая очищенным героином, главы «семей» могли выбирать: либо они сами занимались продажей конечного продукта, подвергаясь всем опасностям, которые влечет за собой подобного рода деятельность, либо они поручали торговлю организациям, специализировавшимся на экспорте героина в Соединенные Штаты. Торговля быстро достигла такого размаха, что, если верить американскому Агентству по борьбе с наркотиками, в начале 80-х годов сицилийские «люди чести» поставляли на американский рынок до трети потребляемой продукции, то есть более четырех тонн чистого героина в год.

И хотя все палермские «семьи» оказались втянуты-

ми в это дело, главы «семей» сами решали, кто из их людей может напрямую принимать в нем участие. Прибыль, которую «люди чести» могли получить от подобной деятельности, находилась в прямой зависимости от того доверия, которым они располагали у тех, кто стоял выше их. Самые старые и самые осторожные были от торговли наркотиками отстранены.

Торговля наркотиками поставила под вопрос все правила и законы, регулирующие жизнь «Коза ностры». О некогда имевшем место разделении труда между «семьями» было забыто; отныне каждый мог заняться теми делами, какими хотел и с кем хотел. Вплоть до иностранцев и париев. Так случилось, что одним из наиболее активных в этой области оказался Гаэтано Бадаламенти, «крестный отец» и неотесанный мужлан, которому его исключение из Капитула и даже изгнание из «Коза ностры» нисколько не помешали с пылу с жару торговать впечатляющими партиями героина. Почти четыре года Гаэтано Бадаламенти занимался этой квазиподпольной деятельностью с «людьми чести», которые в иное время не удостоили бы его даже разговора. Безусловно, это происходило потому, что Бадаламенти продолжал пользоваться влиянием на своей территории, начавшейся от аэропорта Пунта Райзи, средоточия всего потока контрабанды на острове.

— Лично я никогда не принимал участия в торговле наркотиками, — сказал Стефано Бонтате Томмазо Бускетте. — Чего не могу сказать о моем брате Джованни, который ведет дела с самим Греко.

Томмазо Бускетте так и не довелось узнать, правду ли говорил ему глава «семьи» Санта Мария ди Джезу. «Люди чести» обязаны говорить друг другу правду обо всем, кроме того, что касается непосредственно «Коза ностры». И поскольку дела каждого из них напрямую затрагивают интересы мафии, в этой области, как и во всех остальных, действует закон молчания.

Если Стефано Бонтате опасался изменений, которые торговля наркотиками неизбежно должна была привнести в повседневную жизнь мафии, то главным образом потому, что от его глаз не укрылось:

первыми из тех, кто нажился на этом бизнесе, были его враги в Капитуле, которым удалось добиться того, что их зоны влияния расширялись день ото дня, и главным среди них был генеральный секретарь Капитула Микеле Греко.

Не принимая болезненных размеров, вражда между Стефано Бонтате и корлеонцами с их союзниками все же была слишком очевидной. Однажды, когда он совершал автомобильную прогулку по центральной части города со своим другом Томмазо Бускеттой, Стефано Бонтате кивком головы указал ему на входящего в бар молодого человека лет тридцати, небольшого роста и одетого в черное.

— Видишь вот этого, — сказал с иронической усмешкой Бонтате, — это один из Греко. Этот маленький невзрачный человечек недавно назначен главой «семьи» Багерия только потому, что приходится родственником Папе. У него нет абсолютно никаких качеств, необходимых для «человека чести», но я не смог ничего сделать, чтобы помешать его избранию.

Из «Коза ностры» просто так не увольняют

Через несколько дней после приезда Томмазо Бускетты в Палермо один «человек чести» из «семьи» Порта Нуовы постучался в его дверь. Глава «семьи», Пиппо Кало, посылал ему привет и выражал радость по поводу возвращения Томмазо Бускетты в недра «Коза ностры». Он приглашал на встречу. И как бы ни было велико искушение послать гостя куда подальше, Томмазо Бускетта вынужден был подчиниться приказу своего командира. Никогда в истории организации не было среди «людей чести» человека настолько безрассудного, чтобы представить «крестным отцам» прошение об отставке. Из «Коза ностры» не уходят. В случае серьезного промаха человек может быть «отстранен», «уволен» вышестоящими начальниками, но если даже, в силу различных обстоятельств, «человек чести» покидает насиженное место

и обустроивается где-то далеко от Сицилии и вообще от всего мира, так что «семье» не приходится более использовать в своих целях его способности, никогда она не станет считать его выбывшим из игры. И, возможно, в один прекрасный день глава «семьи» вспомнит о нем и потребует от него, чтобы он вел себя в соответствии со своим «званием» «человека чести». Именно так обстояло дело с Томмазо Бускеттой, который спустя столько лет даже слегка боялся своей предстоящей встречи с Пиппо Кало.

Не будет преувеличением сказать, что Пиппо Кало был одним из самых больших разочарований в жизни Томмазо Бускетты. Он довольно рано понял, какова истинная цена человека, который стал впоследствии главой его «семьи». Сын мясника с улицы Колона Рома в Палермо, Пиппо Кало отличился, когда ему не было еще и восемнадцати лет, выследив и тяжело ранив из пистолета предполагаемого убийцу своего отца. Томмазо Бускетте довелось быть свидетелем того, как Пиппо Кало, сменив мясную лавочку отца, вначале оказался за прилавком магазина тканей, а затем занял свое место в баре «Джин Джин» на улице Святого Августина. Полагая, что молодой человек этого вполне достоин, Томмазо Бускетта лично подготовил и принял его в члены «Коза ностры» в 1953 году.

С той поры авторитет Пиппо Кало в «Коза ностре» постоянно рос, так что ему удалось «обскакать» даже своего покровителя, Томмазо Бускетту. Накануне «большой войны» именно ему было поручено вести переговоры с Капитулом о будущем «семьи» Порта Нуовы, хоть он еще и не был формально ее главой. Когда «семья» Порта Нуовы в 1969 году была перестроена, естественно, что именно Пиппо Кало ее возглавил, а спустя пять лет стал членом Капитула.

Кое-что о зарплате

Немного устав от преследований палермской полиции, Кало обустроился в Риме, где ему принадлежало несколько квартир, одна из которых была рас-

положена в известном квартале, находящемся выше супермаркета Станда. Именно здесь, согласно полученным инструкциям, и встретился Томмазо Бускетта с Пиппо Кало через несколько дней после визита в нему «гонца».

Пиппо Кало был очень недоволен. Отчего? В тюрьме Томмазо Бускетта сдружился с одним миланским бандитом, Франчизом Турателло, который не принадлежал ни к одной «семье» «Коза ностры». Хуже того, Томмазо принял от Турателло деньги. И немалые: миланский бандит не только взял на себя расходы по содержанию адвоката Томмазо Бускетты, но к тому же выплачивал его супруге ежемесячно миллион лир, а то и больше.

Если при этих словах Томмазо Бускетта не проронил ни слова, то только потому, что охвативший его гнев был сильнее удивления. Как ему только удалось сдержаться!

Придя в себя, он спокойно заметил, что именно Пиппо Кало, глава мафиозного «семейства», должен был обеспечивать заключенных и их семьи.

— У меня не было ни гроша, — уточнил Бускетта, — я был гол как сокол. Что же мне оставалось делать?

Смутившись, Пиппо Кало сдал позиции, промямливая, что он ничего не знал о проблемах Бускетты, в противном случае поступил бы именно так, как должен поступить заботливый «отец семейства». Инцидент был исчерпан. Томмазо Бускетта не мог отделаться от мысли, что Пиппо Кало не помог ему в нужде только потому, что обладал недостатком, стоившим ему нехорошей репутации во всем Палермо.

Когда-то Пиппо Кало любил изображать из себя бедного мясника, сводившего концы с концами только благодаря лавочке, расположенной на проспекте Пизани, в которой он сам стоял за прилавком. Перед своими близкими Кало вынужден был признать, что в прошлом ему удалось кое-что получить от контрабанды табака. Но «люди чести», которые прекрасно понимали, что имеют дело со скупердьяем,

знали, что в действительности Кало нажил целое состояние на торговле наркотиками.

Гнев Бускетты заметно подействовал на Пиппо Кало, так как последний стал сама любезность и рассказал ему о «семейных» проблемах, которые его занимали. Пиппо Кало было сложно найти себе достойного заместителя. Когда-то он вынужден был разжаловать Томмазо Бускетту из своих заместителей в простого «бойца» за «некорректное» поведение в одной афере, связанной с контрабандой табака. Человек, которого он избрал преемником Бускетты, некий Джованни Липари по прозвищу Лысый, явно не мог вести дела. Это был бывший парикмахер, который всегда выделялся именно своей неприметностью и незначительностью.

Томмазо Бускетта понял, что Пиппо Кало неспроста рассказал ему о своих проблемах. Это было завуалированное предложение вновь стать заместителем главы «семьи» Порта Нуовы. Безо всяких околичностей он прямо заявил Пиппо Кало, что у него нет никакого желания оставаться в Палермо и что он предпочитает вернуться в Бразилию, где его ждут неотложные дела.

У Пиппо Кало не было возражений. Он сказал только следующее:

— Если ты останешься в Палермо, ты мог бы сделать хорошее состояние. Вито Чанчимино удалось выиграть конкурс на реставрацию исторического центра города. А Вито Чанчимино в наших руках. Это человек Сальваторе Риины.

«Крестный отец» в христианско-демократической партии

В то время Вито Чанчимино был одним из самых влиятельных в Палермо людей. Чанчимино почти тридцать лет подвизался как на общественных должностях, так и за кулисами политической власти. Занимая важный пост с конца 50-х годов в христианско-демократической партии, Вито Чанчимино су-

мел прибрать к рукам службу общественных работ города Палермо. Это было во время того «взрыва», о котором говорилось выше и в результате которого Палермо стал одним из промышленных центров Италии. Ничего удивительного, что несколько лет спустя парламентская комиссия по расследованию деятельности мафии обвинила его в связях с людьми из «Коза ностры». Став в 1971 году мэром Палермо, Вито Чанчимино спустя всего шесть месяцев вновь ушел в тень, целиком занявшись своими делами, которые имели отношение к спекуляции недвижимостью, торговле политическим влиянием и другим махинациям, о которых ему меньше всего хотелось с кем бы то ни было говорить. Его состояние, исчислявшееся миллиардами лир, вполне можно было назвать транснациональным, ибо владения его простирались от Палермо до Канады.

Так что признание Пиппо Кало было отчасти неожиданным для Томмазо Бускетты. Хотя он, как и всякий другой, знал, что Вито Чанчимино родился в маленьком городке Корлеоне, как и этот монстр Лучано Леджо, а также глава группировки корлеонцев в Капитуле Сальваторе Риина.

Правда, Томмазо Бускетта уж несколько не был удивлен, когда услышал, как его друг Стефано Бонтате комментирует взрыв, произошедший в загородном доме Нелло Мартилуччи, мэра Палермо и политического соперника Чанчимино в христианско-демократической партии.

— Этот рогоносец Риина напустился на Мартеллуччи только потому, что тот не дружит с Чанчимино.

Пренебрежение, если не сказать презрение, с которым «люди чести» обращались с политическими деятелями, объясняется тем, что на протяжении десятилетий большинство местных, региональных и общенациональных депутатов, а также многие муниципальные советники были обязаны своим назначением голосам, которые им обеспечили различные «семьи» острова. Если случаи тайного сговора чаще всего раскрывались в христианско-демократичес-

кой партии, другие политические партии, такие, как социалисты, социал-демократы или либерал-демократы, отнюдь не оставались выше подозрений. В то время нередко случалось так, что министры Итальянской республики удостаивали своим посещением банкеты «людей чести», причем последние не могли лишиться себя удовольствия в их присутствии поднять бокал за «семью» или за «друзей наших друзей».

Вито Чанчимино был всего лишь одним из многих ему подобных, и каждый в Палермо знал, что единственный, с кем он желал свести политические счета, — Сальво Лима, «крестный отец» христианских демократов острова, неприкасаемый, выдвинутый в Европарламент после того, как его обвинили в слишком тесных связях с некоторыми «семьями» «Коза ностры».

Кризис

Само собой разумеется, что посулы Пиппо Кало, обещавшего вернуть возможность сколотить состояние, не возымели действия на Томмазо Бускетту, тем более что последний давно уже понял, что гораздо легче обогатиться на торговле наркотиками, нежели на спекуляциях недвижимостью. Понимая, что Пиппо Кало попытается любой ценой извлечь для себя из этого максимальную выгоду, Томмазо Бускетта все же затеял с ним разговор о кризисе, который угрожает «Коза ностре».

В конце концов Пиппо Кало был одним из немногих очень влиятельных в Капитуле людей, и он не мог не обозначить официально своей позиции в отношении корлеонцев и их противников. Томмазо Бускетта поделился с ним своими опасениями, произнеся даже имя своего друга Стефано Бонтате.

Несмотря на прежнюю дружбу — оба они когда-то немало наворотили вместе, — Пиппо Кало был явно раздосадован:

— Стефано Бонтате плохо обращается со своим братом Джованни, — сказал он, — а еще хуже — с чле-

нами Комиссии. Он связался с этим придурком Сальваторе Инцерилло. А тебе известно, что Сальваторе Инцерилло прикончил прокурора Косту без разрешения Комиссии?

Бускетта не знал об этом, но пообещал попытаться пролить свет на это преступление, которое только что было совершено в Палермо. Не желая углубляться в детали, он предпочел увести разговор в сторону. Настал его час сыграть роль третейского судьи. Если он пользовался еще определенным влиянием в «Коза ностре», настал момент это влияние применить на деле.

— Давай организуем твою встречу с Бонтате и Инцерилло, — сказал он Пиппо Кало. — Вам нужно объяснить и объединить свои усилия, чтобы предотвратить возможную катастрофу.

Странный бизнес

Частые визиты Стефано Бонтате привели к тому, что круг знакомств Томмазо Бускетты значительно расширился, и он получил возможность вступить в контакт с некоторыми людьми из ближайшего окружения главы «семьи» Санта Мария ди Джезу. Среди них был один, с которым Томмазо Бускетта встретился даже не один раз. Их частенько видели вместе, беседующими о том о сем за чашкой кофе у стойки бара или припозднившимися за обеденным столом во время шумных застолий «людей чести», как, например, того, которое организовал на своей вилле в Палермо на улице Виллаграция Стефано Бонтате, чтобы отпраздновать возвращение Томмазо Бускетты из Рима.

Новому другу Бускетты было далеко за тридцать, это был солидный человек, который, если верить его собственным словам, занимался самыми различными делами. Его близкие родственники руководили сетью специализированных магазинов гигиены. Эту свою деятельность он успешно совмещал с другой коммерцией самого широкого спектра: от переработки ос-

танков животных до контрабанды героина. Он был сыном главы «семьи», которая заправляла в палермском квартале Удиторе, а в последние два года и сам возглавлял «семью» Пассо ди Ригано, местечка, расположенного в нескольких километрах к югу от Палермо, и представлял ее в Капитуле. И если Стефано Бонтате решился познакомить с ним Томмазо Бускетту, то это произошло потому, что, как это явствует из вышеизложенного, Сальваторе Инцерилло был чуть ли не единственным его сторонником в Капитуле.

Теплые трупы и отменно охраняемые секреты

Сальваторе Инцерилло питал по отношению к корлеонцам чувства, сходные с теми, какие они внушали Стефано Бонтате. И как могло быть иначе, ведь корлеонцы протянули свои длинные руки к Капитулу с попущения Микеле Греко. В последнее время дела шли все хуже. Были убиты заместитель начальника палермской полиции Борис Джулиано, президент сицилийского региона Пьерсанти Матарелла и следователь Чезаре Терранова, хотя вопрос об их устранении на Капитуле даже не рассматривался.

— Ни я, ни Бонтате, — мы не были предуведомлены об этих убийствах, — сказал Сальваторе Инцерилло Томмазо Бускетте. — Оказалось, что решение о них принято Комиссией без нашего ведома.

На вопрос, кто же был ответственным за все три преступления и почему они были совершены, Сальваторе Инцерилло вообще не знал что ответить. Более-менее точное представление о том, что произошло, у него было лишь по поводу следователя Чезаре Террановы.

— Его приговорил к смерти Лучано Леджо в тот момент, как оказался в тюрьме, — сказал глава «семьи» Пассо ди Ригано. Чезаре Терранова воспользовался возможностью собрать объемистый компромат на Лучано Леджо, и сделал он это с рвением, ко-

торое вызвало у корлеонцев необоримую ненависть.

На этот раз и Сальваторе Инцерилло, и Стефано Бонтате получили подтверждение тому, что с ними никто не считается. Дело Базиле в этом отношении приоткрыло завесу таинственности и заставило их противников обнаружить себя.

Немного спустя после убийства капитана карабинеров Джузеппе Базиле, совершенного в районе Монреале 3 мая 1980 года, полиция арестовала неподалеку от этого места троих мужчин. Алиби у них было презабавное: все трое утверждали, что провели время в обществе трех юных дам, имен которых они назвать не могут из благородных побуждений. Этого было вполне достаточно, чтобы произвести благоприятное впечатление на присяжных заседателей, которые вполне могли их отпустить. «Люди чести» Палермо понимали, что присутствие «троих мужчин» недалеко от места преступления было вызвано причинами вовсе не такими галантными, как утверждали задержанные. Если первые двое пользовались репутацией «смельчаков» из «семейств» Сан Лоренцо и Резуттана, то третий был известен как один из убийц «семьи» Джакулли, самым знаменитым членом которой был не кто иной, как генеральный секретарь Капитула Микеле Греко, Папа.

Это было уже слишком.

Сальваторе Инцерилло не мог удержаться от обвинений Микеле Греко в двойной игре в присутствии других секретарей Капитула. В ответ Папа снова воздел руки к небу, утверждая, что ничего не знал об этом, как делал он всякий раз, когда Сальваторе Инцерилло или Стефано Бонтате требовали от него объяснений по поводу убийства, которое могло произойти только с согласия Капитула.

Однако на этот раз Папа был застигнут врасплох и буквально схвачен за руку. Уведомив о своих предположениях других членов Капитула, Сальваторе Инцерилло заявил, что теперь уж ничего не изменишь и господа корлеонцы, взяв на себя слишком много, неминуемо проиграют.

Почему в Палермо убивают прокуроров

— Надо было совершить что-то значительное, — сказал позже Сальваторе Инцерилло Томмазо Бускетте. — Я должен был показать своим противникам, что моя «семья» сильна и могущественна и что я могу убивать кого хочу и когда хочу совершенно так же, как корлеонцы. Вот почему я приказал убить прокурора Республики Косту.

Томмазо Бускетта был не слишком удивлен признанием Сальваторе Инцерилло, так как оно лишь подтвердило обвинения, выдвинутые накануне Пиппо Кало в адрес Сальваторе Инцерилло. Правдивость собеседника не вызывала у него никаких сомнений: в кругу, где царит молчание, «люди чести» редко приписывают себе преступления, которых не совершали...

Бонтате пытался найти более вескую причину убийства несчастного прокурора. Ведь Коста приказал арестовать с десятков членов «семьи» Инцерилло после убийства капитана Базиле. Этот довод показался ему более резонным.

— Но нет же, — возмутился Инцерилло, — я приказал убить его вовсе не из-за этого. Я ничего не имел против прокурора, хоть он и приказал арестовать несколько моих родственников и кое-кого из моих людей. Я просто хотел показать, что я так же силен, как корлеонцы, и могу вести себя, как они.

Безоружные секретари

Стефано Бонтате, который присутствовал при этом разговоре, подчеркнул, что надо что-то делать, чтобы противостоять наглости корлеонцев и их союзников.

Бускетта внезапно понял, что уже не ненависть движет главой «семьи» Санта Мария ди Джезу, а чуть ли не бешенство. Стефано Бонтате решил привести в

действие составленный им в духе Макиавелли план, с помощью которого они должны были избавиться от своих противников.

— Я хочу убить Сальваторе Риину, представителя корлеонцев в Капитуле, — сказал он Томмазо Бускетте. — Это единственное средство поставить все на свои места.

Тактика, которую намеревался применить Бонтате, чтобы ликвидировать главу «семьи» Корлеоне, была трагически проста.

— Я лично собираюсь устранить его, — продолжал он, — и я объявлю об этом во всеуслышание на очередном собрании Капитула.

— Ты сошел с ума, — запротестовал Бускетта, — тебя тут же уберут другие члены Комиссии. Откуда они узнают, что ты не намереваешься убить после Риины кого-либо из них?

— Я смерти не боюсь, мне бы только добраться до Риины, — ответил ему Бонтате. Потом он объяснил Бускетте, что его затея вовсе не такая безумная, как это кажется на первый взгляд. Он уже позаботился о том, чтобы предупредить о своих намерениях некоторых секретарей Капитула из тех, кто не подпал полностью под власть корлеонцев и Папы. По меньшей мере один из них, Антонио Саломоне, уже дал ему знать, что будет ожидать исхода дела для того, чтобы сказать свое слово. Затейное казалось тем более осуществимым, что Папа настоял на том, чтобы секретари присутствовали на заседаниях Капитула только безоружными.

В ужасе от планов своего друга, Томмазо Бускетта умолял Стефано Бонтате и Сальваторе Инцерилло внять доводам рассудка. Ради этого он сообщил им о своем разговоре с Пиппо Кало в Риме и предложил встретить главу своей «семьи», прекратив всякую деятельность, чтобы иметь возможность, если получится, мирно уладить дело.

Но если в прошлом Стефано Бонтате был очень близок к Пиппо Кало, в последнее время их пути разошлись. Они столкнулись по поводу самого Томмазо Бускетты во время заседания Капитула. Первый,

имея в виду место рождения Бускетты, настаивал на его переходе в «семью» Санта Мария ди Джезу, в то время как второй ссылался на священный обычай неотъемлемой принадлежности каждого члена мафии к той «семье», которая его посвящала. Он был тем более категоричен, что в случае победы его оппонента «семья» Порта Нуовы могла лишиться одного из самых видных своих членов.

Поведение Пиппо Кало во время собраний Капитула особенно огорчало Стефано Бонтате.

— Кало пошел в услужение к корлеонцам и Микеле Греко, — сказал глава «семьи» Санта Мария ди Джезу. — Во время собраний комиссии всякий раз, когда он высказывает свое мнение, Пиппо Кало слова поперек не говорит. Чаще всего он вообще молчит. Только голову наклоняет в знак согласия.

Встреча на обочине

Если встреча между Стефано Бонтате, Сальваторе Инцерилло и Пиппо Кало все же и состоялась через два дня после этого разговора (а кажется, так и было), то это произошло исключительно благодаря дипломатическому искусству Томмазо Бускетты. Ее нельзя назвать исторической, так как она не оказала никакого влияния на ход событий. Забавно, что проходила она в одном из залов закусочной, расположенной недалеко от Рима на обочине дороги, соединяющей Неаполь со столицей Италии. Томмазо Бускетта, приведший на встречу Пиппо Кало, был всего лишь свидетелем беседы этой троицы, чувствовавшей себя вполне комфортно в этом захудалом кафе. Встреча была очень краткой, но сердечной, и все трое расстались после крепких объятий и поцелуев, как того и требует обычай, даже более братских, чем прежде. Они вновь поклялись друг другу в вечной дружбе и пообещали связываться друг с другом перед каждым из собраний Капитула, с тем чтобы не допустить окончательного захвата корлеонцами и кланом Греко власти в правительстве «Коза постры».

Проблема доверия

После этой встречи Томмазо Бускетта, возможно, еще питал кое-какие иллюзии относительно своего шефа. Но очень скоро он обнаружил, что Пиппо Кало вел двойную игру.

Утром 12 августа 1980 года Пиппо Кало прилетел в Палермо, чтобы встретиться с Томмазо Бускеттой и распечь его. На этот раз поводом для недовольства стало «безобразное» поведение одного из сыновей Томмазо Бускетты, молодого Антонино, который позволил себе сбывать чеки без обеспечения в различных лавочках города, многие из которых «контролировал» Кало.

— Твой сын жулик, — сказал ему Кало, — займись им.

В тот же вечер Томмазо Бускетта вновь встретился с Пиппо Кало. На этот раз с ним был Антонино Бускетта, на которого обрушился град упреков со стороны старших. Здорово выбравив сына, Томмазо Бускетта потребовал от него объяснений, почему Антонино ведет себя недостойно звания истинного «человека чести».

Ответ, как можно догадаться, был патетический: у молодого человека были серьезные финансовые затруднения, которые вынудили его, как он утверждал, заложить в ломбарде драгоценности жены.

Жестом истинного главы «семьи» Пиппо Кало достал из кармана пачку банкнот по сто тысяч лир и улыбаясь вручил ее сыну Бускетты. Это была внушительная сумма, эквивалентная пятидесяти тысячам французских франков.

— С днем рождения! — сказал Пиппо Кало, который был в курсе, что Антонино готовится отметить свой тридцатилетний юбилей.

На другой день бедняга Антонино, сияя, отправился в ломбард, чтобы взять из заклада ценности своей половины, вернув взамен 5 миллионов 400 тысяч лир. Не сознавая опасности, молодой человек заполнил под своим именем все необходимые бумаги, которые заполняются всякий раз при получении и воз-

вращении кредита. Это правило было установлено для борьбы с похищениями людей и оказалось весьма эффективным для контроля за обращением денег, получаемых от торговли наркотиками.

Через несколько дней полиция арестовала Антонино Бускетту: деньги, которые вручил ему Пиппо Кало, были получены в качестве выкупа за похищенного человека. Счастливого дня рождения, как говорят в таких случаях.

Взбешенный Томмазо Бускетта вызвал Пиппо Кало для разговора.

Они столкнулись — фигурально выражаясь, конечно, — на строительной площадке одного жилого комплекса в квартале Байда. В качестве извинения Пиппо Кало пробормотал, что был не в курсе, что никогда в жизни не стал бы снабжать беднягу Антонино неотмытыми деньгами, что опять же никогда в жизни не занимался похищением людей и что банкноты эти получил за лот контрабандных сигарет. Конечно, Пиппо Кало сделал все возможное, чтобы как можно скорее вызволить Антонино из тюрьмы и, в ожидании его освобождения, заявил, что берет на себя все расходы на правосудие.

Раздосадованный Томмазо Бускетта немного поздно спохватился, как бы и его не засадили, и объявил, что собирается как можно скорее покинуть Палермо ради гораздо более манящих бразильских берегов.

Вице-короли

Последние дни, которые Бускетта провел в Палермо, он посвятил различным светским развлечениям. Прежде чем уехать в Рио, ему надлежало встретиться со своими друзьями, которых, возможно, он больше уже не застанет в живых. А кроме того, ему надо было попрощаться со всеми своими новыми знакомыми, с этими людьми, которые, едва их ему представляли, изо всех сил затаскивали его на обед, к матушке, к жене, к деткам и Бог знает куда еще. И как было отка-

зять? Тем более что они принадлежали к «сливкам» палермского общества.

Инженере Ло Прести был из тех, кому Бускетта решительно никак не мог отказать, когда тот пригласил его на семейный ужин. По двум причинам. Во-первых, он был близким другом Сальваторе Инцерилло, который их и представил. Но больше, чем сам инженер Ло Прести, на Томмазо Бускетту произвело впечатление его семейство. Среди кузенов Ло Прести был, в частности, самый богатый человек острова Нино Сальво.

В то время Нино Сальво еще контролировал три четверти сборщиков налогов на Сицилии. Здесь, как и в большинстве других регионов Италии, сбор налогов с доходов населения все еще осуществлялся частными компаниями. Имея в среднем 6,72 процента комиссионных, Нино Сальво должен был собирать подавляющую часть прямых налогов, которые граждане выплачивали государству.

Томмазо Бускетта знал, что эта должность насколько не мешала Нино Сальво быть «человеком чести» «семьи» Салеми. Но, вместо того чтобы обеспечить его защиту, состояние стало причиной того, что за ним стали охотиться те, кто считались его друзьями. К тому же в 1975 году «семья» соперников похитила его тестя, богатея из богатеев Луиджи Корлео.

Судя по тому, что знал Томмазо Бускетта, клан Греко и корлеонцы имели непосредственное отношение к похищению тестя Нино Сальво. Более чем трагическое происшествие. Несчастный старик был убит бесчестными похитителями, которые не удосужились вернуть тело родственникам, а те, в свою очередь, не могли из-за этого воспользоваться богатейшим наследством, оцениваемым в несколько миллиардов лир.

Нино Сальво обратился к Гаэтано Бадаламенти, который возглавлял тогда Капитул, с просьбой, чтобы ему вернули тестя, живого или мертвого. Тщетно: Бадаламенти не смог ничего сделать. Официально считалось, что «семьи» «Коза ностры» не занимались похищением людей на Сицилии. Вследствие чего

трупы были и с той и с другой стороны: семнадцать предполагаемых похитителей были убиты, в то время как, со своей стороны, корлеонцы убили полковника Руссо, который вел частное расследование.

Эта странная история из недавнего прошлого, а также то, что Нино Сальво был близким другом Стефано Бонтате, естественно, вызвали у Томмазо Бускетты горячую симпатию, оттого-то он и не смог отказать от настойчивых упрасиваний Ло Прести.

Инженер и финансист

Как и Нино Сальво, *инженере* Ло Прести вел богатую тайную жизнь. Дела этого человека были в отличном состоянии, он мановением руки возводил апартаменты, был связан с высокими финансовыми кругами Милана, однако не колеблясь стакнулся с главой «семьи» Пассо ди Ригано Сальваторе Инцерилло. И было очевидно, что он не тяготился этой дружбой.

Томмазо Бускетта провел очень приятный вечер в компании Ло Прести и его супруги. Понятно, что они избегали говорить о делах «Коза ностры», как это обычно принято у «людей чести», когда между ними находятся дамы. Инженер Ло Прести, однако, не мог удержаться от того, чтобы не восславить влияние и могущество Нино Сальво.

— Мой двоюродный брат, — сказал Ло Прести, — оказывает очень сильное влияние на политических деятелей, и если вы решите остаться в Палермо, он сможет уладить ваше дело. Вы могли бы, к примеру, добиться того, чтобы отбывать наказание условно.

Следуя ходу собственных рассуждений, Ло Прести горячо порекомендовал Бускетте одного миланского финансиста, Кармело Гаэту, который имел дела с «людьми чести». Если верить Ло Прести, именно Гаэта отвечал за финансовое обеспечение визита самого папы римского на Дальний Восток. Поскольку Томмазо Бускетта никак не мог проверить подлин-

ность сообщенной *инженере* информации, ему оставалось лишь поверить Ло Прести на слово.

Кажется, имена могущественных друзей Ло Прести почти не произвели впечатления на Бускетту. Во всяком случае, он ни на йоту не отступил от своего плана как можно скорее покинуть проклятый остров.

— Оставайтесь, — вновь и вновь повторял Ло Прести. — Я найду вам квартиру. Я берусь добиться для вас льготных тарифов в одном из жилых комплексов, строительство которого я как раз намереваюсь начать. Вот увидите, вы не пожалеете.

Понятно, что Томмазо Бускетта вежливо отклонил предложение. Как бы ни был недолог срок его пребывания в Палермо, этого было достаточно для того, чтобы отдавать себе отчет: «люди чести» доживали последние мирные деньки, испытывая эйфорию отчасти из-за беспрецедентного экономического скачка, а в какой-то мере — из-за отупения, которое как раз характерно для предвоенного времени.

Раздираемый на части между желанием бежать отсюда со всех ног и страстной жадой оставаться как можно дольше со своими близкими (братьями, сыновьями и целой вереницей бывших жен и любовниц), Томмазо Бускетта решил отложить свой отъезд на несколько месяцев. Он собирался встретить Рождество в Палермо, прежде чем вернуться в Рио. Оставалось лишь найти более надежную квартиру, чем та, которую приискал ему сын и которую полицейские могли обнаружить со дня на день.

Стефано Бонтате предоставил в распоряжение Томмазо Бускетты свой загородный дом, а чтобы гость чувствовал себя в нем комфортно, доставил туда его бразильскую супругу и детишек. Глава «семьи» Санта Мария ди Джезу сделал благородный жест, на который способен далеко не каждый «человек чести». Кроме того, он предложил Бускетте погостить еще и на роскошной вилле, которая принадлежала одному из ближайших его друзей, самому Нино Сальво.

Расположенная в нескольких километрах от сто-

лицы, недалеко от дороги, ведущей от Палермо до Мессины, резиденция, которая принадлежала Нино Сальво, одному из его зятьев и двоюродному брату Игнацио, состояла из трех современных вилл, построенных посреди зарослей лимонника и бугенвиллей.

Можно без труда представить себе изумление, которое испытывал Томмазо Бускетта и его небольшое семейство, когда они добрались до своего нового жилища. Проехав через массивный забор, охраняемый с помощью электроники, они должны были миновать еще стометровую асфальтовую дорожку, прежде чем очутиться в лифте, который спустил их вниз по склону поросшей травой небольшой горы; у подножья как раз и находились все три виллы.

Именно здесь, на вилле Нино Сальво, Томмазо Бускетта провел последние дни благословенного 1980 года. Хозяин дома, предпочитавший зимовать в Палермо, раз-другой навестил их, чтобы убедиться, что семейство Бускетты не испытывает ни в чем нужды. В Рождественскую ночь охранник принес им чудесный ужин из отеля «Загарелла», гигантского строения на 900 номеров, расположенного в двух шагах от виллы, владельцем которого в ту пору был все тот же Нино Сальво.

Зима была мягкая. На следующий день Томмазо Бускетта отправился в Париж, а оттуда — в Рио. Можно предположить, без риска ошибиться, что последний взгляд, брошенный Томмазо Бускеттой на всю эту красоту, выражал ту грусть-тоску, которую испытывает каждый, расставаясь с дорогами сердцу местами.

Наверное, он предчувствовал, что никогда более не придется ему пережить нечто подобное.

ЗАПАДНЯ

АК 47

Стефано Бонтате только что отметил свое сорокатрехлетие в обществе нескольких родичей и десятка «людей чести» из его «семьи» на своей вилле на улице Виллаграция, расположенной в сотне метров от проспекта, который отсекает южную часть от остального города. И хотя за столом было очень оживленно, судя по всему, праздник был испорчен. Вообще-то было не до праздников: слишком много горечи; глухое, плохо скрываемое недовольство отягчало атмосферу, и без того чреватую первыми раскатами уже неминуемой войны. Глава «семьи» Санта Мария ди Джезу получил предупреждение от торговца тканями Пьетро Ло Джакомо, своего бывшего заместителя, который только что оставил эту должность, кажется, безо всякого сожаления. В последнее время у Стефано Бонтате было много хлопот, связанных с делами «семьи», и отстранение от должности Пьетро Ло Джакомо было всего лишь одним из звеньев длинной цепи всяческих происшествий, в ходе которых Бонтате пережил множество нападков, исходивших как от его ближайших сподвижников и брата, так и от генерального секретаря Капитула Микеле Греко.

Празднество закончилось довольно рано. Уже в начале двенадцатого 23 апреля 1981 года Стефано Бонтате уселся в свой новый автомобиль «джульетта-

2000». Один из его людей, Стефано Ди Грегорио, должен был ехать на маленьком «фиате-127» впереди, сопровождая шефа до самого загородного дома, где Бонтате собирался заночевать. Через несколько минут они уже ехали по виа делла Реджоне Сицилия, по которой должны были добраться до магистрали Палермо — Катания, затем путь их пролегал по магистрали до первого съезда с нее.

Доехав до места намного раньше шефа, Стефано Ди Грегорио спокойно распахнул ворота виллы и припарковал свой автомобиль, однако внезапно его охватило беспокойство. Ди Грегорио вдруг понял, что слишком уж быстро потерял из виду шефа после того, как тот остановился на красный свет. Он снова сел в свой «фиат» и поехал обратно на виа делла Реджоне Сицилия.

Ди Грегорио сразу понял, что произошло. В вечернем жарком воздухе все еще стоял запах жженого пороха, в то время как квартал потонул в непроницаемой жуткой тишине. Левое крыло «джульетты» было разбито о стену дома, стоявшего на углу улиц Алоя и Реджоне Сицилия, мотор все еще работал, а фары горели. Глава «семьи» Санта Мария ди Джезу, которого близкие называли Сокол, а все остальные — *князь Виллаграция*, попал в засаду у светофора, остановившись на красный свет.

Смертельно раненный Стефано Бонтате инстинктивно включил первую скорость, но отъехал от светофора всего на несколько метров. Открыв заднюю дверцу автомобиля, Стефано Ди Грегорио понял, что ничем уже не может быть полезен своему шефу.

Стефано Бонтате лежал на правом боку, вместо лица у него зияла кровавая рана, а на светлом пиджаке было видно два черных отверстия. У него хватило времени, чтобы достать оружие, самозарядный пистолет калибра 7,65, но неясно, смог ли он им воспользоваться.

Вдали уже раздавались полицейские сирены. Ди Грегорио поспешил укрыться в ночи, оставляя на асфальте кровавые следы. На земле вокруг автомобиля

валялись металлические патроны с номером 711-74. Это были патроны от оружия, известного во всем мире под названием «калашников».

Переговоры

Торговец недвижимостью Джироламо Терези, или, для близких, Мимо, с недавних пор был заместителем главы «семьи» Санта Мария ди Джезу. Он был двоюродным братом Стефано и Джованни Бонтате и к тому же приходился свояком Джованни: оба они были женаты на дочерях «крестного отца» Маттео Читарда; правда, Терези явно предпочитал общество первого.

Джироламо Терези сумел завоевать доверие старшего Бонтате, который обязательно приглашал его на все свои вечеринки на улице Виллаграция. Именно там Терези познакомился с друзьями своего шефа: Нино Сальво по прозвищу Таможенник, *капофамилья* Сальваторе Инцерилло, а также с Томмазо Бускеттой. Знакомство с такими людьми было для Терези не просто честью, оно также служило доказательством доверия и расположения к нему шефа. Убийство Стефано Бонтате глубоко его потрясло.

Через несколько часов после того, как об убийстве было объявлено официально, Джироламо Терези отправился домой к Бонтате на улицу Виллаграция. Он ожидал увидеть там одетую в черное вдову и безутешных родичей, едва сдерживающих рыдания перед «людьми чести» из Санта Мария ди Джезу, пришедшими выразить свои соболезнования. Но сломленных известием родственников там оказалось очень мало, а уж «людей чести», отдающих дань традиции, и того меньше. Оглушенные происшедшим, которое всего несколько часов назад казалось им совершенно невозможным, и родственники, и «люди чести» предпочли затаиться в ожидании развития событий.

Среди тех, на кого наткнулся Джироламо Терези в комнате, где стоял гроб с телом покойного, был Сальваторе Конторно, «человек чести», который был на-

столько предан Стефано Бонтате, что не побоялся прийти попроситься с ним, хотя его самого разыскивала палермская полиция.

Конторно был потрясен не меньше, чем Терези.

— Я не пришел вчера на день рождения, — сказал Конторно, — потому что не хотел, чтобы шеф рисковал из-за меня. Я подумал, что не стоит компрометировать его своим присутствием. Я поздравил его без свидетелей накануне.

Этот человек остался верен своей репутации, которую другие мафиози обозначили прозвищем Лесной Кориолан, в честь известного на Сицилии литературного героя, похожего на Робин Гуда.

— Что будем делать? — спросил Сальваторе Конторно.

— Я хочу встретиться с Микеле Греко, — ответил Терези, — и потребовать от него объяснений.

Терези был прав: если и был на свете человек, который точно знал, что скрывается за этим убийством, то это был именно генеральный секретарь Капитула, Папа.

Как заместитель главы «семьи» Джироламо Терези мог воспользоваться бронированным автомобилем, который в целях безопасности заказал Стефано Бонтате и который прибыл через несколько дней после его гибели. Со дня смерти своего «крестного отца» Джироламо Терези перемещался по городу только в этой тяжелой машине «альфетта-2000» темно-синего цвета с миланским номером, машине, достойной возить по меньшей мере министра. В ней-то и ездил он несколько раз в земельное владение Фаварелла, где Микеле Греко, верный традициям, принимал посетителей в те дни, когда Капитул не собирался.

На каждую из этих встреч Джироламо Терези приезжал все более и более раздраженный и раздосадованный. Ему представлялось, что Папа издевается над ним, стараясь выиграть время и все время повторяя одно и то же:

— Я понятия не имею, кто стрелял. Но я наведу справки. Приезжайте завтра. А пока спокойно занимайтесь своими делами, вам нечего опасаться.

Джироламо Терези регулярно сообщал о результатах своих визитов тем членам «семьи», кому еще доверял. И среди них — Сальваторе Конторно.

— Я убежден, что Микеле Греко — сообщник убийц Бонтате, — сказал Джироламо Терези Сальваторе Конторно в начале мая 1981 года. Оба они разделяли одно твердое убеждение: бандиты Лучано Лиджио, без сомнения, были главными организаторами убийства. Оставалось выяснить, до какой степени они были виновны и с кем связаны.

— Мне совершенно ясно, что корлеонцы использовали кого-то из членов нашей «семьи», чтобы убрать Бонтате, — говорил Терези. — Но кого?

Оба они до поры воздерживались от того, чтобы высказывать вслух свои предположения. Может, это братья Игнацио и Джованни Баттиста Пуллара? Ведь они были родственниками Бернардо Бурша, преданного союзника корлеонцев. Разве не Пуллара осмелились публично высказывать сомнения в способности Стефано Бонтате управлять делами «семьи»?

Жизнь показала, что в этом пункте они были правы. Но правда оказалась еще более страшной, и такого, без сомнения, никто даже не мог предположить.

Каин и Авель

Для сицилийских следователей, занимавшихся этим делом, участие Джованни Бонтате в убийстве брата было очевидным. Многие «люди чести» в Палермо прозвали его Каином, но не за то, что он не спешил клясться отомстить за брата, а за то, что, даже не дождавшись окончания траура, стал публично оправдывать убийц.

Если история умалчивает, какова была роль Джованни Бонтате в подлом заговоре с целью устранения его брата, то более точно известны имена других предателей, благодаря которым убийцы действовали наверняка. «Люди чести» в Палермо поговаривают, что один из главных участников заговора — не кто иной, как Пьетро Ло Джакомо, устраненный Стефано

Бонтате с должности заместителя и вступивший в тайный сговор с братом Бонтате. Его роль в этом деле была далеко не последней.

Кажется, именно Пьетро Ло Джакомо передал убийцам всю необходимую информацию о перемещениях Стефано Бонтате, когда закончилась пирушка. Для этой цели он, очевидно, воспользовался радиопередатчиком, имевшимся в его автомобиле.

Словно для того, чтобы подтвердить самые ужасные подозрения, немного времени спустя после убийства Стефано Бонтате Микеле Греко объявил Джироламо Терези, что Капитул решил назначить двух регентов, призванных заниматься делами «семьи» Санта Мария ди Джезу. Терези вовсе не был удивлен, когда услышал их имена: это были имена предполагаемых предателей — Джованни Баттисты Пуллара и Пьетро Ло Джакомо.

И Пуллара и Джакомо оба были влиятельными членами «семьи» Санта Мария ди Джезу. Традиция «Коза ностры» требовала, чтобы отныне они жили только желанием во что бы то ни стало отомстить за смерть шефа. Они ни за что не должны были соглашаться на регентство, пока Бонтате не был отомщен. А это значит, что их согласие было своего рода признанием в содеянном. Так, во всяком случае, считали друзья Стефано Бонтате, и первым среди них — Джироламо Терези.

Неприятные визиты

И тогда Джироламо Терези совершил ошибку, значение которой он не мог сразу оценить: он встретился с Сальваторе Инцерилло, единственным представителем оппозиции в самом Капитуле после смерти Стефано Бонтате.

Оба они при встрече соблюдали всевозможные предосторожности. Конечно, и речи не было о том, чтобы появиться вместе в каком-либо публичном месте или на одной из вилл. Если за ними не охотились корлеонцы, их наверняка выслеживала полиция. По-

сле убийства Бонтате «сбирь» вели себя нервно, и они не замедлили бы посадить за решетку любую группку мафиози.

Итак, Джироламо Терези и Сальваторе Инцерилло договорились встретиться у одного торговца железьяками, склады которого, по странному стечению обстоятельств, находились на улице Реджоне Сицилия, недалеко от места убийства Бонтате, как раз напротив бара под названием «Малышка Луна». Нигде не запечатлено, о чем говорили эти люди, но нет сомнений, что они обменялись своими подозрениями в отношении убийц Сокола, выказав в адрес корлеонцев и Микеле Греко самые неприязненные чувства. Но то, о чем говорилось на этой встрече, было не так важно, как то, что последовало далее.

В начале мая 1981 года Джироламо Терези вновь направился в земельное владение Фаварелла, чтобы разъяснить у Папы свое собственное будущее, а заодно вновь расспросить его об убийстве Сокола.

На этот раз Микеле Греко был удивительно точен, хотя и слишком сдержан.

— Что вы делали на складе торговца старым хламом на улице Реджоне Сицилия? — насмешливо спросил Папа, а затем добавил: — Я узнал, что вы встречались с Сальваторе Инцерилло. На будущее вам следует избегать подобных встреч. Поверьте мне, так будет лучше для вас.

Пораженный Джироламо Терези внезапно понял, что люди Папы следили за малейшим его движением. Он даже не сообразил поначалу, что Микеле Греко выдал себя, намекнув ему, каков будет следующий шаг корлеонцев и их союзников.

Выстрелы в ночи

Вовсе не будучи самой оживленной улицей Палермо ночью, виа Либерта, со своими шикарными магазинами, не менее шикарными кафе и самыми дорогими ресторанами для изысканной публики, тем не менее до определенного ночного часа была

обычно полна праздных гуляк. 10 мая 1981 года, наслаждаясь вечерней прохладой, по ней прогуливались жители Палермо, как парижане бродят по своим Елисейским Полям.

В начале двенадцатого ночи один «человек чести» лет двадцати, ростом около 175 сантиметров, вышел из белого автомобиля — «тальбота» или «гольфа», здесь показания свидетелей расходятся, — который остановился на виа Рикасоли в нескольких десятках метров от виа Либерта. В правой руке он держал предмет, длиной примерно 90 сантиметров, обернутый газетой, который, судя по всему, весил не меньше пяти килограммов.

Молодой человек спокойно прошел по улице и остановился напротив ювелирного магазина Контино, расположенного на углу виа Либерта. Не обращая внимания на прохожих, он поднял то, что было у него в руке, целясь в бронированную витрину, защищавшую драгоценности от злоумышленников-грабителей. Раздались какие-то металлические звуки. Затем — серия коротких автоматных очередей, сопровождавшихся вспышками; по бронированному стеклу разбежались трещины. Кажется, молодой человек безо всякого стеснения собирался разрядить в витрину весь заряд своего автомата.

Выпустив обойму, он остановился, проверил свою работу и вновь принялся за дело. Когда он начал стрельбу по второму кругу, то заметил, что к нему бегут два полицейских, сжимавших в руках табельное оружие. Молодой человек нацелил на них дуло автомата и открыл огонь. После короткой перестрелки, в которой никого не зацепило, так что можно было подумать, что обе стороны состязались друг с другом в плохой стрельбе, молодой человек решил, что ему пора на покой, и исчез гораздо быстрее, чем появился.

Палермо никогда не был городом безумцев, местная пресса на другой день пестрела недоуменными вопросами. Среди прочего журналисты вопрошали, что могло толкнуть молодого человека на такие странные действия: сначала разряжать автомат, стре-

ля в бронированную витрину ювелирного магазина, а затем — как бы в полицейских? Явно не жажда наживы, поскольку, хотя витрина и была сильно повреждена, таинственный стрелок не проявил никакого интереса к ее содержимому. Тогда что же?

Гильзы, собранные полицией на месте стрельбы, помогли ответить на кое-какие вопросы, правда, несколько позже. На них стоял тот же номер, как и на тех, что были обнаружены возле тела Стефано Бонатте — 711-74. Стреляли, ясное дело, из «калашника».

Расстреливая витрину, таинственный стрелок явно не преследовал никакой иной цели, кроме проверки возможностей своего оружия в случае его применения против бронированного стекла толщиной в несколько сантиметров. Но был ли он удовлетворен? Время ответило и на этот вопрос.

Роковое свидание

Скорее всего, Сальваторе Инцерилло не знал о стрельбе возле ювелирного магазина Контино, когда несколько часов спустя вышел из дома утром 11 мая 1981 года. Ежедневная газета выходит обычно во второй половине дня, а новость явно была не из тех, о каких непрерывно сообщают по радио. Но если даже предположить, что Сальваторе Инцерилло об этом событии знал, оно явно никак не изменило его планов: в то утро у него было назначено любовное свидание с дамой его сердца, имя которой мы называть не станем, а вот адрес сообщим: виа Брунеллески, 50.

Если бы он почувствовал опасность, он не вылезал бы из своего бронированного автомобиля, белой «альфетты-2000», зарегистрированной в Палермо. Но Сальваторе Инцерилло был совершенно убежден, что на тот период у него было гораздо больше шансов жить, чем умереть. Конечно, он нисколько не сомневался, что его противники корлеонцы желали бы покончить с ним не менее быстро и жестоко, чем это

было сделано с его товарищем Стефано Бонтате. Но ему казалось, что, в отличие от Бонтате, он располагает неким «видом на жизнь».

Представитель корлеонцев в Капитуле Сальваторе Риина доверил ему в тот период, когда отношения между ними еще не испортились, 50 килограммов героина, предназначавшегося для продажи в Америке. Сальваторе Инцерилло был близким родственником «семьи» Гамбино, самой могущественной в нью-йоркской «Коза ностре», то есть ему было более сподручно переправить этот товар на американский рынок.

50 килограммов героина стоили около 4 миллионов американских долларов. И поскольку Сальваторе Инцерилло еще не вернул деньги Сальваторе Риине, он считал, что жизнь его вне опасности. Он полагал, что никто никогда не захочет потерять 4 миллиона долларов в обмен на одну человеческую жизнь. Но он ошибался. Ненависть, которую испытывали к нему корлеонцы, была беспредельна. Враги Сальваторе Инцерилло были готовы на все, лишь бы избавиться от него; они готовы были даже потерять выручку от двухмесячной бесперебойной работы одной из своих лабораторий.

Именно ради Сальваторе Инцерилло испытывался «калашников» в стрельбе по бронированному стеклу витрины ювелирного магазина Контино.

Палермская полиция обнаружила еще не остывшее тело Сальваторе Инцерилло 11 мая 1981 года около 12.30. Глава «семьи» Пассо ди Ригано лежал на спине возле своего бронированного автомобиля, дверцу которого он так и не успел открыть, во внутреннем дворе дома номер 50 по улице Брунеллески, дома, где прошло последнее в его жизни любовное свидание.

Между телом и автомобилем валялись брелок и куртка, в которой был револьвер системы «смит-вессон» с шестью патронами в магазине. В одном из карманов убитого было обнаружено еще шесть патронов.

Вокруг тела были разбросаны три гильзы от охот-

ничьего ружья, две — от дробовика с рассыпавшимися по земле дробинками, три гильзы и две пули от автоматического оружия.

Недалеко от места преступления, в угнанном «рено-пикапе», в котором укрывались убийцы, полиция нашла во всяком хламе около дюжины гильз калибра 7,62 с номером 711-74, — бесспорное доказательство того, что здесь сидели палермские почитатели «калашникова».

Ловушка

Джироламо Терези здорово повезло. Бывший заместитель Стефано Бонтате должен был встретиться с Сальваторе Инцерилло сразу после его любовного свидания. Джироламо Терези находился в нескольких десятках метров от дома номер 50 на виа Брунеллески, когда услышал хлопки первых выстрелов. Он сразу понял не только то, что его встреча отменяется, и скорее всего навсегда, но также и то, что, если он хочет остаться в живых, ему нужно немедленно бежать отсюда и на какое-то время затаиться.

Джироламо Терези выждал около двух недель, сведя до минимума на это время свои передвижения по городу. Он разъезжал в бронированном автомобиле с оружием и встречался только с теми членами «семьи», к которым испытывал полное доверие. Но он знал, что рано или поздно ему придется встретиться с новыми шефами, Джованни Баттистой Пуллара и Пьетро Ло Джакомо, хоть и догадывался о том, что они замешаны в гибели его любимого шефа Стефано Бонтате.

26 мая утром Джироламо Терези торжественно попрощался с женой и детьми, покидая свое семейное убежище:

— У меня встреча с друзьями, — сказал он жене в присутствии свидетеля, который клялся потом, что Терези добавил совсем тихо: — Все будет хорошо. Если я не вернусь, позаботься о детях.

Джироламо Терези покинул дом в Палермо и прямо направился в свой загородный дом, расположенный в зарослях цитрусовых в местности, название которой звучит как гимн предательству: Фалькомьеле — Фальшивый Мед. Там он встретился с пятью другими «людьми чести» «семьи» Санта Мария ди Джезу; это была последняя горстка преданных Стефано Бонтате людей.

— Наши новые шефы, Джованни Баттиста Пуллара и Пьетро Ло Джакомо, желают нас видеть. Они позвали нас всех шестерых, — сказал Джироламо Терези, — для того чтобы разобраться с различными делами «семьи». Необходимо перераспределить обязанности и вновь заняться нашими обычными делами.

Понятно, что эта речь не вызвала оживления среди присутствующих.

— Это ловушка, — сказал Сальваторе Конторно, Лесной Кориолан, который хорошо знал, что «люди чести» умеют вести двойную игру. — Они хотят нас убить.

Эмануэле Д'Агостино, один из заслуженных убийц «семьи», придерживался того же мнения.

— Нам не следует идти на эту встречу, — сказал он.

— У меня есть гарантии, — возразил Терези. — Встреча должна состояться не незнамо где. Она будет проходить в месте, которое выберет Нино Сорчи*, ведь он был близким другом Стефано Бонтате.

Аргумент этот не вызвал никакой реакции у Сальваторе Конторно и Эмануэле Д'Агостино. Никто и ничто не смогло бы переубедить их, даже настоящий папа, который заседает в Ватикане.

Конторно и Д'Агостино попрощались с Джироламо Терези и теми тремя «людьми чести», которые решили к нему присоединиться. Это были Джузеппе Ди Франко, бывший телохранитель Стефано Бонтате и братья Анджело и Сальваторе Федерико, два мелких промышленника, которые руководили

* Так называемый Нино УРикку, Нино Жадюга, глава «семьи» Виллаграция.

заводом по производству пластмассовых покрытий; завод этот работал в тесном союзе с различными обществами, принадлежавшими «семье» Бонтате. Конторно и Д'Агостино проводили своих товарищей до шоссе. Они видели их в последний раз.

В тот же вечер близкие этих четырех «людей чести», не дождавшись их возвращения, без дополнительных объяснений поняли, какая участь их постигла, и облачились в траур. Заплаканные вдовы затаились в осиротевших жилищах, окруженные участливыми родственниками.

От этих четырех остались только их автомобили, которые нашли потом на стоянках в разных концах города. Тела обнаружить не удалось. Говорят, их убили сразу, всех четверых, едва они подъехали к месту встречи, которое указали им новые шефы «семьи» Санта Мария ди Джезу. Осталось неизвестным, из какого оружия их убили. В подобных обстоятельствах палачи из «Коза ностры» не любили прибегать к огнестрельному оружию; они предпочитали успокаивать своих «подопечных», прежде чем, например, отравить во время обеда или за выпивкой. Но если требовалось какое-то дознание, они лишали свои жертвы возможности двигаться, чтобы удобнее было мучать, а затем вешали их.

Может быть, все четыре трупа были растворены в какой-нибудь кислоте, а возможно, их утопили в море где-то в окрестностях Палермо.

Террорист

Эмануэле Д'Агостино был стреляный воробей, и прошлое у него было скорее темным. Он входил в ту команду, которая 18 декабря 1969 года отправила на тот свет сразу шесть человек, среди которых был страшный убийца Микеле Каватайо, причем сделали они это так, что полиция даже не подозревала, чья это работа. Зато «люди чести» в Палермо отлично

знали об этом «подвиге» Эмануэле Д'Агостино, который до последнего времени пользовался у них заслуженным уважением. Но авторитет в Палермо так же недолговечен, как и человеческая жизнь.

Когда Эмануэле Д'Агостино узнал об исчезновении Джироламо Терези и трех его подопечных, как опытный человек он понял, что ничье уважение ему больше не поможет. Раз уж у Эмануэле Д'Агостино и Сальваторе Конторно хватило ума не угодить в ловушку, приготовленную для них боссами, им следовало немедленно исчезнуть, если они хотели остаться в живых. Поскольку, в этом можно не сомневаться, оба они тоже были приговорены к смерти.

Оставалось лишь выяснить, есть ли у них еще в городе друзья. Спасти их могли лишь в том случае, если приговор был составлен только корлеонцами и их союзниками, в обход шефов других «семей». Эмануэле Д'Агостино быстро навел необходимые справки.

— Я собираюсь ехать в Соединенные Штаты, — заявил он Сальваторе Конторно. — Мой друг Розарио Риккобоно сделает мне документы, чтобы я смог выбраться отсюда. А пока я буду скрываться у него.

Эмануэле Д'Агостино был слишком самонадеян или наивен, положившись на человека, которого его коллеги в Капитуле прозвали Террористом за пугающую склонность убивать себе подобных. Д'Агостино, очевидно, говорил себе, что если на кого и можно положиться, так это на шефа «семьи» Партанна, которого знал с давних пор. И, кажется, он думал так напрасно.

Новости с мест

Далеко, очень далеко от Палермо, на ферме в предместьях Сан-Паулу, Томмазо Бускетта внимательно следил за развитием событий на Сицилии. Для этого ему не надо было ежедневно читать итальянские га-

зеты, которые приходили сюда иногда с недельным опозданием. Ему было достаточно сделать несколько звонков, чтобы в основном быть в курсе дела. Что же касается деталей, то о них можно было осведомиться у одного эмигранта, палермца, принадлежавшего к старинному роду, Антонио Саламоне, архитектора, давно прижившегося в Бразилии и недавно получившего бразильское гражданство. С 1971 года Антонио Саламоне был секретарем Капитула, являясь одновременно главой сицилийской «семьи» Сан Джузеппе ди Джато. А это означает, что все, что происходило в тысячах километров от Бразилии, было ему известно.

Антонио Саламоне и Томмазо Бускетта давно и часто виделись. Как поется в песне, они познакомились в Палермо в 1950 году, вновь встретились в Нью-Йорке, затем на десять лет потеряли друг друга из виду и «воссоединились» уже в палермской тюрьме Уччардоне; а потом вновь оба оказались в Палермо. В Бразилии первое время они почти не встречались. Но сообщение о смерти Стефано Бонтате, а затем — Сальваторе Инцерилло, друзьями которых они себя считали, вновь сблизили их. К тому же им обоим были известны страшные тайны «почивших в Бозе» «крестных отцов».

Саламоне и Бускетте, к примеру, было известно, что одно время их друзья вынашивали идею убить во время собрания Капитула представителя корлеонцев Сальваторе Риину. И теперь они с беспокойством следили за развитием событий на острове.

У Антонио Саламоне был еще один веский повод для беспокойства. Как секретарь Капитула он должен был получить предуведомление об участии, которая ожидает Инцерилло и Бонтате. Но если он все же и не придавал особого значения такому нарушению правил, то его немало удивило, что после убийства Бонтате и Инцерилло он не получил, как это полагалось, вызова в Чакулли. Вот почему, выбравшись из своего бразильского логова, Антонио Саламоне сам направился в Палермо с твердым намерением получить аудиенцию у Папы.

Вернувшись в Рио, Антонио Саламоне поспешил рассказать о своих впечатлениях Томмазо Бускетте, который, бросив все дела, примчался к нему. Новости из Палермо были невеселые.

— Микеле Греко все известно, — сказал ему Саламоне. — Он знает, что Бонтате и Инцерилло хотели убрать Сальваторе Риину.

Похоже, Папа был уверен в том, что Бонтате ничего не рассказывал Саламоне об этом деле, иначе он ни за что не дал бы ему уйти живым.

— Как же он узнал?

Вместо ответа Антонио Саламоне произнес лишь одно имя:

— Эмануэле Д'Агостино.

После смерти Инцерилло и исчезновения Терези и трех его товарищей, опасаясь за свою жизнь, Эмануэле Д'Агостино, как это нам уже известно, нашел прибежище у своего близкого друга Розарио Риккобоно. Не сомневаясь в том, что правильно поступает, он поведал другу о заговоре, который составил Бонтате незадолго до смерти. Конечно, больше из страха, чем ради выгоды, Розарио Риккобоно обо всем донес Микеле Греко. Можно себе представить, как ликовали корлеонцы и их союзники: у них наконец-то появился хоть и запоздалый, но серьезный довод, чтобы оправдать убийство двух секретарей Капитула.

— А Д'Агостино? Что случилось с ним?

— Он был убит Розарио Риккобоно, который таким образом доказал свою лояльность по отношению к корлеонцам. Так же Риккобоно поступил и с сыном Д'Агостино. Он заманил юношу в ловушку, предложив вместе искать пропавшего отца.

И, отдав должное сообразительности Д'Агостино, который в первый раз сумел избежать смерти, не последовав за Терези и его друзьями на встречу с новыми боссами, Антонио Саламоне заключил:

— У Д'Агостино хватило ума не доверять Пьетро Ло Джакомо, но он совершил страшную глупость, доверившись Розарио Риккобоно.

Мир его праху.

Международные телефонные переговоры

Вернувшись в Сан-Паулу, Томмазо Бускетта попытался побольше узнать о том, что происходило в Палермо. Ему срочно нужно было переговорить с человеком, которому он мог доверять. Но с кем? Большинство из его близких были в бегах или же мертвы. Неожиданно для самого себя он набрал номер телефона близкого друга Сальваторе Инцерилло и свояка Нино Сальво, *инженере* Ло Прести, на званом ужине которого ему довелось побывать.

— Пронто! — сказал Бускетта. — Мне нужно поговорить с инженером.

— Его нет дома, — ответил ему женский голос, несомненно, принадлежавший жене Ло Прести.

— Синьора, — обратился к ней Томмазо Бускетта, — это говорит синьор Роберто. Если помните, мы как-то ужинали вместе.

— Ах да, я помню. Как вы поживаете?

— Хорошо, спасибо. Скажите вашему мужу, что я в Бразилии и что я сегодня перезвоню. Попросите его дождаться моего звонка, это очень важно.

Несколько часов спустя Томмазо Бускетта еще раз набрал нужный номер.

Инженере Ло Прести тут же снял трубку:

— Это вы... я ждал вас.

— Что произошло? — спросил Бускетта, имея в виду убийство их общего знакомого Сальваторе Инцерилло.

— Ревность, — коротко ответил Ло Прести и потом, помолчав, добавил, — предательство, темные делишки...

— Скажите мне, — поколебавшись, попросил Томмазо Бускетта, — вам известно, где находится брат покойного? Я хотел бы поговорить с ним.

Томмазо Бускетта хотел поговорить с Сантино Инцерилло и даже встретиться с ним, чтобы помешать ему наделать глупостей.

— Не знаю, где он, но он жив.

— А Нино? — после долгого молчания спросил Бускетта, на этот раз имея в виду всемогущего Таможенника Нино Сальво. — Он что-нибудь знает?

— Нино исчез, — ответил Ло Прести. И в наступившей тишине добавил: — Если вы хотите приехать... мы... организуем вам встречу.

Бускетта с полуслова понял, что пытался сказать *инженере*: это «мы» означало, что принимать его будет не кто иной, как гостеприимный Нино Сальво.

Убийцы детей и дети-убийцы

Можно не сомневаться, что у Томмазо Бускетты не было никакого желания возвращаться в страну, тем более в такое время. Он предпочел поступить, как мудрый Нино Сальво, который, отложив женитьбу сына, отправился в долгое морское путешествие по греческим островам, чтобы развеять тягостные воспоминания. Томмазо Бускетта заперся на своей бразильской фазенде, в нескольких километрах от города, в надежде, что «люди чести» забудут наконец даже, как звучит его имя.

Те, кто на это время уехал, поступили мудро, так как с наступлением теплых летних дней, овеваемых знойным сирокко, долетавшим до Сицилии из ливийских пустынь, безумие, охватившее «людей чести», превзошло всяческие пределы. Можно было подумать, что убивать для некоторых из них стало так же естественно, как дышать. Никто уже не мог чувствовать себя в безопасности.

В самые горячие летние деньки, когда улицы города опустели по случаю празднования Вознесения Господня, юный Джузеппе Инцерилло, которому едва исполнилось семнадцать лет, вышел из дома в обществе своего будущего родственника, Стефано Пекореллы.

Несмотря на юный возраст, Джузеппе Инцерилло был уже настоящим «человеком чести». После убийства отца он поклялся отомстить за него.

— Я сделаю этих подонков, — говорил он. — Я соб-

ственными руками убью эту собаку Сальваторе Риину.

Скорее всего, он предложил жениху своей сестры стать его телохранителем. Не исключено, что у них уже было оружие. Едва выйдя из детства, они уже вступили в возраст, в котором становятся убийцами, во всяком случае в Палермо. В Катании самому младшему из наемных убийц, арестованных полицией, было всего четырнадцать лет.

И если в других регионах Италии угрозы юнца могли бы вызвать лишь улыбку, похоже, что здесь, в Палермо, нашлись люди, которые приняли их всерьез, поскольку, едва выйдя из дома, Джузеппе Инцерилло вместе со своим спутником Стефано Пекореллой были похищены.

В тот же вечер заплаканные матери заявили об их исчезновении в городской комиссариат полиции. А немного спустя, явно запуганные, они забрали заявления, утверждая, что мальчишки сбежали в Соединенные Штаты. Когда же полицейские заметили, что у подростков не было с собой никаких документов, удостоверяющих личность, несчастные не знали, что и сказать.

Но спустя немного времени мать Джузеппе Инцерилло разразилась рыданиями и сообщила полицейским, что никогда ее дорогой мальчик не ушел бы из дома, не предупредив ее или не дав о себе знать. Было совершенно ясно, что оба юноши присоединились к толпе теней, к тем десяткам и сотням мертвецов, тела которых бесследно исчезли. Оставалось лишь выяснить, кто и как «помог» им уйти из жизни.

«Люди чести» в Палермо рассказывают чудовищную историю о гибели юного Джузеппе Инцерилло. Прежде чем прикончить его, палач отрезал ему правую руку, приговаривая:

— В таком-то виде ты точно не сможешь убить Сальваторе Риину.

По крайней мере два источника подтверждают, что все так и было на самом деле, поскольку убийцей на этот раз был сам Пино Греко, Башмачок, глава «се-

мы» Чакулли. А это был человек, о кровожадности которого ходили легенды и власть которого в Капитуле была почти безгранична.

Человек-«калашников»

Если Пино Греко и принял участие в убийстве Джузеппе Инцерилло и его приятеля, то это был лишь незначительный эпизод в его кровавой деятельности, развернувшейся с начала лета 1981 года. Когда он не участвовал в собраниях Капитула, посвященных исключительно вопросу о предстоящих операциях по устранению неугодных, так что невольно напрашивается сравнение самого Капитула с трибуналом в годы войны или во времена революции, и когда в качестве главы «семьи» не вершил судьбы своих «семейных» убийц, он не без удовольствия принимал участие в истреблении своих врагов. Десятки жителей Палермо сталкивались с ним лицом к лицу на улицах города в ходе таких операций. В те времена Пино Греко использовал в таких целях «калашников», предпочитая стрелять своей жертве в лицо. Очевидно, такую стрельбу он считал наиболее эффективной, хотя не исключено, что в этом просто проявлялась его патологическая натура.

Среди тех «людей чести», кого Пино Греко безжалостно преследовал, был один, на которого он набросился с особой яростью, истребляя его близких, терзая и мучая друзей, чтобы узнать места, где тот скрывался. Это был Сальваторе Конторно, Лесной Кориолан, последний оставшийся в живых «человек чести» из близкого окружения Стефано Бонтате.

До той поры, как мы знаем, судьба вполне благоволила к Сальваторе Конторно. Но будет ли так всегда?

ЛЕСНОЙ КОРИОЛАН

Повседневная жизнь «бойца» в военное время

Несмотря на серьезную угрозу жизни, Сальваторе Конторно практически не изменил своих привычек. Что это было: недалекость? фатализм? Или, может быть, новая форма бравады, за которую ему и дали это экзотическое и одновременно насмешливое прозвище, Лесной Кориолан? После убийства главы его «семьи» и друга Стефано Бонтате и последовавших за ним других кровавых событий, о которых уже известно читателю, Сальваторе Конторно поставил перед собой задачу не поддаваться панике. Это было делом чести. Он продолжал жить с семьей, ничуть не таясь, хотя, помимо убийц, пущенных по его следу, за ним охотилась еще и палермская полиция, и его имя с некоторых пор постоянно фигурировало в широко распространенных розыскных списках. Сальваторе Конторно только что был приговорен к двадцатилетнему тюремному заключению за организацию похищения одного промышленника на севере Италии, в самой богатой провинции Эмили.

Сальваторе Конторно знал, что из всех, кто его разыскивал, полицейских проведи было проще всего: достаточно было только в определенные периоды не ночевать дома; когда в воздухе начинало пахнуть жареным, один из родственников всякий раз предоставлял ему убежище. Ради большей без-

опасности Конторно старался не слишком удаляться от своей территории (то есть от Бранкаччо), которая испокон веку находилась под контролем «людей чести». И если случалось так, что Сальваторе Конторно выходил за пределы этой территории, то только затем, чтобы оказаться в не менее дружественном месте, в тех зонах, которые контролировала «Коза ностра» и где у него не было иных врагов, кроме себе подобных.

Сальваторе Конторно, кажется, был убежден, что легко переиграет своих противников, если будет придерживаться следующих простых правил: не выходить из дому одному и никогда не ходить ни на какие встречи, даже с близкими друзьями. Что до остального, то он полагался на случай, и это, правду сказать, никогда его не подводило. По крайней мере так было прежде.

Конторно переживал избиение наиболее близких людей из своей «семьи» с завидным хладнокровием, и так продолжалось до вечера 25 июня 1981 года. На маленьком «фиате-127», принадлежавшем теще, таком простеньком, что его не смогла бы защитить никакая броня, Сальваторе Конторно выехал из квартала Бранкаччо, чтобы отправиться вверх, в горы, на высоту Палермо, в Чакулли, то есть на съедение волкам, во вражеский стан, чуть ли не в объятия человека, который столько сделал для того, чтобы Сальваторе Конторно и его близкие присоединились к навеки умолкнувшему большинству. Он ехал в царство Микеле Греко, Папы.

Сальваторе Конторно отправился в Чакулли не потому, что поддался на провокацию, и не потому, что был снедаем жаждой мести. В то время он только предполагал, какую роль сыграл Папа во всех этих кровавых разборках. Поездка его была вызвана совсем другими чувствами. Сальваторе Конторно выбрался из своего убежища, когда праздник еще не кончился. И направился вместе с женой Кармелой, сыном Антонио и его другом к своим престарелым родителям, которые и жили на улице Чакулли.

Яблоко от яблони...

В молодости отец Сальваторе Конторно был членом мафии. До 1950 года Антонио Конторно входил в распущенную сегодня «семью» мафиози, которая контролировала часть территории Бранкаччо. После роспуска «семьи» по неустановленным причинам человек этот был «отстранен» от участия в деятельности мафии и с того самого времени и слышать не желал ни о каких «семьях», кроме его собственной, состоявшей из него самого, супруги и их отпрыска. И, кажется, Сальваторе Конторно действительно никогда не говорил со своим отцом о «Коза ностре», в которую сам вступил в 1975 году. По крайней мере он утверждает именно так.

Мафиозные пирушки

Вступление в «Коза ностру» означало для него приобщение к диковинному миру, который никогда бы не открылся для него, если бы не судьба, приведшая его в ряды «людей чести».

И если уж Сальваторе Конторно получил возможность быстро войти в тесный круг «Коза ностры», то только благодаря дружбе и расположению к нему одного человека. Этим человеком был Стефано Бонтате, его шеф, который выказал к нему такое участие, что Сальваторе Конторно позволял себе прямоком обращаться к тому, не считаясь с мафиозной иерархией, которая существует между простыми «бойцами» и главой «семьи».

Одним из доказательств небезразличного отношения к нему Стефано Бонтате было то, что он лично председательствовал на церемонии посвящения Сальваторе Конторно, и его доброжелательность к своему «крестнику» крепла день ото дня. А потому их частенько видели вместе, когда они погожим утром отправлялись пострелять дичь в зеленых рощах в глубине острова, кажется, где-то около Фикуцци, в двух шагах от Корлеоне, или в окрестностях Какка-

мо, где один из их друзей владел маленькой мельницей, стоявшей неподалеку от казармы карабинеров.

Часто Стефано Бонтате и Сальваторе Конторно встречались только для того, чтобы вместе пообедать. Надо сказать, что в это время Сальваторе Конторно был уже сыт по горло банкетами «людей чести». Через несколько дней после посвящения он участвовал в шумном застолье с десятком других сицилийцев в миланском ресторане. Немного позже его видели в замке Сан Никола, где собрались десятки «людей чести», чтобы послушать исполнителей, многие из которых были широко известны; они выводили рулады во славу какого-то «крестного отца».

Там-то, между двумя песнями, воспевающими итальянских забуддыг, Сальваторе Конторно подвели к одному знатному человеку, представлявшему цвет палермской аристократии, Алессандро Ванни Кальвелло Мантенья де Сан Винченцо. В Палермо, да и во всем мире этот человек был известен тем, что предоставил свой полуразрушенный дворец, Палаццо Ганчи, кинорежиссеру Висконти, который снял в нем несколько сцен для своей киноверсии «Леопарда»; в одной из них, знаменитой сцене бала, легкая Клаудиа Кардинале кружилась с ним в вальсе.

Когда короли и королевы Англии направлялись на Сицилию — в прежние времена это случалось чаще, чем теперь, — они непременно наносили князю визит. Так, Алессандро Ванни Кальвелло Мантенья де Сан Винченцо получил возможность принять у себя английскую королеву Елизавету II во время ее последнего визита на Сицилию.

Люди простые во всех отношениях, мафиози признавали только тот этикет, который был установлен в «Коза ностре». Князь тоже был членом мафии, а потому его представили Сальваторе Конторно без титулов, но с ритуальной формулой, до ужаса плебейской: «Это то же самое». Надо сказать, что страсть к сектантству, кажется, была превалирующей в этой семье: легенда гласит, что в XVI веке один из Кальвелло, по прозвищу Бастард, был членом та-

инственного религиозного братства «благочестивых паолинцев», предполагаемого предшественника «Коза ностры».

И вновь Чакулли, мафиозный рай

Сальваторе Конторно был парнем из Чакулли. И у него было немало причин частенько наведываться туда. Там жили его родители, это нам уже известно. Но не только ностальгические воспоминания влекли его в этот маленький городок с недоброй репутацией. В отличие от различных кварталов Палермо или больших городов на севере Апеннин, власть «Коза ностры» здесь была настолько явной, что ее, казалось, можно было потрогать руками. На этом небольшом острове жили лишь те, чье присутствие было санкционировано местной «семьей» мафиози. Это означает, что место это было чуть ли не раем земным для тех сицилийцев, которые оказались вне закона, и все они могли рассчитывать на то, что обретут здесь временное убежище. В то время «сбирь» редко наезжали в Чакулли, а если они это и делали, то только большими отрядами, шумно, с вертолетами сопровождения, так что беглецам всегда хватало времени скрыться.

Сальваторе Конторно на редкость хорошо знал местность, прилегающую к Чакулли. Он знал, что вдоль единственной улочки городка простирались гектары цитрусовых, которые, превратившись чуть ли не в непроходимые заросли, спускались к морю. Каждый надел здесь охранялся высоким забором со всегда закрытыми воротами, которые предназначались не столько для того, чтобы защитить от неблагоприятных действий, сколько для того, чтобы ограничить возможности передвижения по данной местности.

Можно было безошибочно определить, свернув с главной улицы, что Чакулли сам по себе был лишь переплетением тропинок, троп, улочек, проселочных дорог, доступных только тем, у кого были необходимые ключи, которые позволяли отпирать раз-

ные ворота и калитки, разделявшие на части царство под названием «Коза ностра». Микеле Греко, Папа, решил, что для этой цели должны быть специальные ключники. Последних брали, конечно, из людей, заслуживших особое доверие большинства тех, кого в течение долгих лет разыскивала полиция. Когда случалось так, что кто-либо из ключников попадал за решетку, Папа немедленно менял замки на всех воротах. И такое не раз случалось в те не столь уж отдаленные времена, когда Сальваторе Конторно усердно посещал салон Микеле Греко.

Не будучи на самом деле близким другом Микеле Греко, Сальваторе Конторно все же имел обыкновение регулярно бывать в земельном владении Фаварелла, которое Папа превратил в место пирушек, если не сказать гуляний, доступное исключительно членам «Коза ностры» и их друзьям. Сальваторе Конторно тем более чувствовал себя польщенным, что хозяин широко распахнул перед ним двери своих владений, потому что он, конечно, знал: собрания правительства «Коза ностры», всемогущего Капитула, на протяжении шести лет проходили в этом же самом земельном владении Фаварелла. И Сальваторе Конторно был не единственным, кто частенько навещался сюда. Далеко не единственным.

На протяжении нескольких лет Фаварелла как магнитом притягивала к себе десятки и даже сотни «людей чести», которые отправлялись сюда с не меньшим воодушевлением, чем паломники в Мекку. Здесь проводились встречи, пирушки, банкеты, завтраки, ужины. Будучи фанатом стрельбы на поражение, Микеле Греко дошел до того, что устроил посреди зарослей лимонника полигон, на котором «люди чести», надев звуконепроницаемые наушники, испытывали свою сноровку с помощью различных видов огнестрельного оружия. Именно на этом полигоне Сальваторе Конторно по меньшей мере с десятком «людей чести», которые представляли различные «семьи» города. И если чего и не хватало в земельном владении Фаварелла, то какой-нибудь вещевой лотереи, чтобы окончательно придать ему

вид места отдыха и развлечений. Но в этой «папской» обители имелись и другие, гораздо более опасные аттракционы, которые хозяину этих мест с трудом удалось скрывать от посторонних глаз.

Лаборатории по производству героина

Однажды Сальваторе Конторно подарил Микеле Греко охотничью собаку, и из-за этого ему случилось сделать открытие, которое непременно удивило бы его, не будь он «человеком чести». Псарня Микеле Греко находилась на окраине его владений. Для того чтобы попасть туда, нужно было миновать небольшой домик, который, кроме всего прочего, использовали для заседаний Капитула, и выйти на дорожку, что вела к стрельбищу. Метров через сто начинался перекресток, от которого разбежались в разные стороны дорожки и тропинки, соединявшие его с полигоном для стрельбы, с местами, где проводились банкеты, и с несколькими жилыми постройками. Именно неподалеку от этих барачков и держал свою свору Микеле Греко. С той стороны, откуда шел Сальваторе Конторно, он увидел в окошко одного из домишек нескольких «людей чести», которые колдовали над чем-то. Вид различных реторт, дистилляторов и горелок, тошнотворный запах, исходивший оттуда, и респираторы, в которых были занятые работой люди, подсказали Сальваторе Конторно, что за химические опыты тут ставятся. Можно было не сомневаться, что это была лаборатория по перегонке опия в героин. Микеле Греко не только не стал попрекать Сальваторе Конторно, который случайно вышел на одну из его лабораторий, но позволил ему еще и обойти окрестности. Ведь хотя Сальваторе Конторно и не был «бойцом» самого Папы, он тем не менее был «человеком чести». А в этом качестве он имел право увидеть то, что мало кому доводилось видеть.

Несколько месяцев спустя, поняв, что было глупо с

его стороны обустроить лабораторию по производству героина в таком людном месте, как Фаварелла, Микеле Греко решил разобрать реторты и дистилляторы и перевезти их в более пригодное для скрытной работы место, которое тоже находилось на подвластной ему территории. Папа распорядился перевезти лабораторию в соседнюю лимонную рощу, которая принадлежала семье Престифилиппо, его всегдашних союзников. Как в день переезда лаборатории, так и после, каждый раз, когда Сальваторе Конторно отправлялся к Престифилиппо, он обязательно сталкивался там с братьями Марсалоне: Рокко, Сальваторе и Джузеппе, которые, как ему было известно, были высококлассными специалистами по производству героина. Старший из Престифилиппо, впрочем, не особо скрывал свою причастность к преступной деятельности от таких проверенных людей, как Сальваторе Конторно. И последнему не раз приходилось слышать, как сыновья и племянники, принадлежащие к клану Престифилиппо, похвалялись бешеными барышами, которые они получали от торговли героином.

В последнее время торговля и производство героина на Сицилии получили такой размах, что, куда бы Сальваторе Конторно ни отправился, он повсюду наткнулся на подпольные лаборатории. По иронии судьбы, Сальваторе Конторно даже какое-то время снимал строившееся помещение, расположенное недалеко от Палермо и являвшееся собственностью одного из его близких друзей, Марио Маршезе, который также обустроил в нем лабораторию по производству героина с разрешения «семьи» Корлеоне.

Незадолго до смерти Эмануэле Д'Агостино попросил Сальваторе Конторно проводить его до Багери, где у него было назначено свидание с главой местной «семьи» Леонардо Греко, чтобы обсудить с ним некоторые вопросы, связанные с продажей наркотиков. Эмануэле Д'Агостино, так же как и Сальваторе Конторно, в то время находился под угрозой ареста. Он попросил последнего поехать с

ним исключительно потому, что предчувствовал: у него могут возникнуть какие-то разногласия с компаньонами.

Оба они зашли в металлический ангар, который Леонардо Греко арендовал недалеко от Багерии, как раз перед автомагистралью, ведущей в Палермо. Главы «семьи» Багерии не было в ангаре, но он оставил там человека, который должен был проводить их к нему на небольшую виллу, затерянную, как и полагается, в зарослях цитрусовых. Им сразу стало ясно, что именно здесь «семья» Багерии устроила свою лабораторию.

На вилле было очень оживленно из-за присутствия здесь около десятка «людей чести», возившихся с большим числом целлофановых пакетов, содержащих почти сорок килограммов только недавно полученного героина. Химики колдовали над булькающими пробирками, в то время как остальные, одетые в темные костюмы, с нетерпением ожидали окончания работ.

Приход Эмануэле Д'Агостино и Сальваторе Конторно никого не смутил. Они уже знали Д'Агостино; им представили Конторно в соответствии с имеющейся у «людей чести» традицией. Сальваторе Конторно не совсем понимал, что происходит.

Когда один из химиков взял немного белого порошка и опустил его в булькающее содержимое пробирки, Конторно наконец догадался. Они были заняты тем, что определяли качество товара. Люди в темных костюмах, которые приветствовали его с сильным акцентом, несомненно, были покупателями. Понимая, что ему тут явно нечего делать, Конторно вышел; он сделал это с поспешностью, так как воздухом, насыщенным различными испарениями, было почти невозможно дышать.

Несколько минут спустя, в автомобиле, который увозил их в Палермо, Д'Агостино объяснил значение этой встречи.

— Те, кого ты сейчас видел, — сказал Д'Агостино, — американские покупатели. Они приехали, чтобы убедиться в качестве отправляемого к ним товара. В

действительности речь идет не об одной партии, а о нескольких, которые они предпочитают взять сразу. Товар принадлежит нескольким лицам, которые решили переправить все в один раз. Лично моего героя полкило. Чтобы отличать различные партии, их пометили специальными знаками, в том числе клейкой лентой. В каждом пакете по пятьсот граммов.

Два дня спустя Сальваторе Конторно узнал из газет, что миланская полиция перехватила сорок килограммов героина в тот момент, когда они уже были готовы к отправке в Соединенные Штаты. Газеты умолчали, что эта операция была успешно проведена благодаря сведениям, полученным в результате удачного внедрения полицейских в одну из «семей» нью-йоркской «Коза ностры».

Как бы то ни было, для сицилийских «семей» потеря не была невозполнимой. Перехваченное количество героина представляло собой конечный продукт, полученный в результате нескольких дней работы одной лаборатории. А в то время, насколько это было известно Сальваторе Конторно, в Палермо и Мацарадель Валло на полную мощность работали по меньшей мере четыре лаборатории по производству героина. Если Микеле Греко всего лишь успешно торговал им дома, то его кузен Сальваторе Греко по прозвищу Сенатор, согласно данным Агентства по борьбе с наркотиками, был одним из самых крупных поставщиков героина на американский рынок.

Пути-дороги героина

Сальваторе Конторно оттого так тепло принимали в различных лабораториях по производству героина на острове, что он тоже участвовал в торговле наркотиками, причем его дела шли довольно бойко. Он снабжал нескольких оптовиков в Милане, а с недавних пор даже расширил свою деятельность и стал приторговывать еще и кокаином. Сальваторе Конторно очень волновало, как без риска доставлять

этот продукт в Италию: узнав в Перу о возможности растворять кокаин в алкоголе, один мелкий сицилийский торговец предложил в таком виде и поставлять его в Италию в больших количествах с помощью одного летчика-француза. Хоть ему и не терпелось попробовать, у Сальваторе Конторно не было времени на эксперименты.

Частые встречи с десятками торговцев наркотиками подтвердили его догадку: единственная действительно серьезная проблема — это транспортировка. «Люди чести», занимавшиеся отправкой героина в Соединенные Штаты, не могли рассчитывать на те преимущества, которыми пользовались восточные контрабандисты, снабжавшие их опиум. В распоряжении этих последних было несколько дорог, каждая из которых обеспечивала им полную безнаказанность. Если они переправляли товар морем, им достаточно было доставить его в один из ливанских портов, а вблизи сицилийских берегов, чтобы избежать таможенной проверки, перегрузить на принадлежавшие «Коза ностре» небольшие рыболовные суденышки; дорога же по суше была еще более надежной, так как пролегла через государства, не проявлявшие к контрабанде наркотиков никакого интереса, если не предположить обратное, как в случае с Болгарией.

И если перегонка исходного сырья в героин в лабораториях Сицилии также производилась с гораздо меньшим риском, чем можно было предположить, с поставкой конечного продукта в другие страны, особенно в Соединенные Штаты, дело обстояло совсем иначе.

Сальваторе Конторно знал, что обычно транспорт с грузом героина поручался одному «человеку чести», который отвечал за товар с момента отправки с острова до его прибытия на другой берег океана. Вес каждой партии зависел от возможностей «проводника»; обычно он исчислялся десятками килограммов. Нередко случалось так, что несколько «семей» объединялось, чтобы вместе отправить одну «посылку». В случае потери груза за неудачу отвечал лишь один

человек: тот, кто его сопровождал. Он должен был провести дознание и наказать виновных в потере партии. При любых обстоятельствах он предоставлял о них отчет владельцам белого порошка.

Воображение отправителей подсказывало им все новые и новые варианты: героин помещали в мебель, рассовывали в контейнеры с обувью, прятали среди пластинок. Но Сальваторе Конторно знал одно действительно верное средство, с помощью которого всегда можно было доставить товар к месту назначения. Нужно было лишь сговориться с грузчиками аэропорта назначения, которые должны были незаметно изъять пакетики с героином до таможенного осмотра груза.

Это было тем проще сделать именно в аэропорту имени Джона Фицджеральда Кеннеди в Нью-Йорке, что на протяжении многих лет его контролировали несколько «семей» американской «Коза ностры» (Лукшезе, Гамбино). С помощью такой уловки сицилийские «семьи» всего за два года доставили в Соединенные Штаты несколько тонн героина.

Связи с городком

Несмотря на огромные состояния, нажитые всего за несколько месяцев благодаря подобным операциям, «люди чести» в Палермо никак не могли оторваться от своей земли. Внезапно пришедшее богатство нисколько не отдалило их от этих маленьких городков, где они и продолжали жить, несмотря на риск, которому постоянно подвергались. Правда, беглецам здесь было вольготнее, чем в любом большом городе севера Апеннин, но здравый смысл подсказывал, что, сделав себе состояние, не следует медлить с отъездом в какую-нибудь латиноамериканскую страну, где можно спокойно доживать свой век под чужим именем и в полной безопасности. Тот же Сальваторе Конторно, которому, как говорят, удалось переправить несколько партий героина и удачно совершить не одно похищение, бесспорно, много

раз уже мог сменить место обитания вместе с женой, детьми, родителями и прочей движимостью.

Почему он этого не сделал? Тайна, покрытая мраком. Должно быть, и в нем, как во всяком «человеке чести», прочно засело желание не покидать своей земли до тех пор, пока обстоятельства не вынудят его к этому. Несмотря на насильственную смерть многих членов «семьи», Сальваторе Конторно не мог решиться оставить этот гнусный квартал Бранкаччо, где вопреки всему чувствовал себя как рыба в воде. В этих настоящих джунглях мафии обитали последние оставшиеся в живых его друзья. Где же еще мог он ощущать себя настолько уверенно, чтобы противостоять своим врагам, чем в этом заслуженно пользующемся дурной славой грязном квартале?

Зажатый между магистралью и морем, Бранкаччо не знает других границ. Нигде не указано, где начинается и где оканчивается этот злосчастный квартал со своими скопищами муниципальных домов с умеренной квартирной платой, других полуразрушенных зданий и дымящих заводов, загрязняющих побережье Палермо. Сальваторе Конторно чувствовал себя как дома среди этой духоты, этой пыли, исходящего от отравленного моря зловония и помоек, которых в Бранкаччо было немало. Он любил протискиваться на улице сквозь толпу таких же, как он, людей, которые лопали по утрам *аранчине*, странные оранжевые шарики, приготовленные из мяса, риса и сыра, жаренные на неизвестно каком масле; люди эти целыми днями разгуливали по улицам перед размес­тившимися прямо на мостовой мясными лавками, переходя из одного бара в другой, пробираясь к клеткам птицелова на площади Торрелунга поглазеть на пернатых и отворачиваясь от ароматных бочонков продавца маслин, в то время как за всегда опущенными шторами жены поджидали, когда же наконец они вернутся домой.

Здесь Сальваторе Конторно и ему подобные были королями. Их боялись мелкие предприниматели, на которых они время от времени наезжали, и уважали все те отверженные, ютившиеся в этих полу-

разрушенных, вредных для здоровья жилищах, часто сидя в них без света и всегда вынужденные ограничивать себя в потреблении воды; обитатели этих домов отличались тем, что спокойно разрушали и сжигали все, чему не могли найти применения; таков был этот жилой массив, то есть таковы были эти халупы, развалины которых можно видеть еще и сегодня.

«Люди чести» Бранкаччо, защищаемые местными жителями, невежеству, а может, глупости которых можно лишь удивляться, были убеждены, что «сбиры» сюда за ними не придут. Когда не так давно стали поговаривать о том, что неподалеку от их жалких домишек хотят построить здание комиссариата полиции, взбешенная толпа вышла на демонстрацию, словно этот нелепый проект угрожал нарушить общественный порядок.

Сальваторе Конторно знал, что в смысле безопасности Бранкаччо не был исключением. От прилегающего к морю квартала Аква ди Корсари до спального района Удиторе, через древнюю арабскую часть города под названием Кальса, — так, чуть ли не через весь город, — проходили границы территорий, контролируемых различными «семьями» мафии. В мирное время всякий уважающий себя «человек чести» мог свободно слоняться, как и любой добропорядочный гражданин. Во время войны все было совсем иначе, в чем и мог убедиться Сальваторе Конторно вечером 25 июня, немного времени спустя после встречи с родителями, когда собирался вновь залечь в свое логово в Бранкаччо, спустившись с высот Чакулли.

Сцены охоты в Бранкаччо

Это был обманчивый час для того, кто жаждал прохлады: мягкий солнечный свет ничуть не соответствовал влажной духоте, в которой утопал Чакулли; вечер обещал быть таким же жарким, как и день. Было чуть больше 19.30, время, когда во всех концах Сицилии заканчиваются родственные визиты. Саль-

ваторе Конторно только что уселся в «фиат-127» вместе с Джузеппе Фольеттой, другом своего сына, который упросил, чтобы Конторно взял его с собой. Жена и сын Конторно уехали чуть раньше на другом автомобиле. Они должны были уже вернуться в Бранкаччо.

Спускаясь по дороге к Бранкаччо, Сальваторе Конторно ничего необычного не заметил. Он спокойно миновал крошечный заводик по производству извести, служивший прикрытием для одного его знакомого, Франческо Мафары, «человека чести», который похвалялся, что является директором холдинга по продаже наркотиков. Конторно только что свернул направо, готовясь въехать в Бранкаччо, как вдруг целый ряд, на первый взгляд, безобидных деталей привлек его внимание.

Недалеко от моста, который соединяет автомагистраль Палермо — Катания, Сальваторе Конторно обогнал «фиат-127», который медленно, пожалуй, слишком медленно выкручивал на дорогу и поравнявшись с которым он узнал одного из «людей чести» «семьи» Чакулли. Они поприветствовали друг друга.

Беглого взгляда в зеркало заднего вида для Сальваторе Конторно было достаточно, чтобы понять намерения «человека чести», который ехал все так же медленно.

В то время как Сальваторе Конторно достиг середины моста, он увидел справа от себя еще одного «бойца» «семьи» Чакулли, который наблюдал за ним из окна, расположенного на пятом этаже здания, стоящего недалеко от моста; окно это находилось практически на том же уровне, что и его «фиат». Может быть, в этом окне ждали именно его?

Несколько секунд спустя у основания моста, слева от виа Джафар, Конторно увидел третьего «человека чести» из «семьи» Чакулли. На сей раз он понял, что дело пахнет керосином. Этот третий был не кто иной, как Марио Престифилиппо, один из доверенных лиц Микеле Греко. Прислонясь к здоровенной стене, ограждавшей сад его отца, Марио Престифилиппо делал вид, что дышит воздухом.

У Сальваторе Конторно не было времени долго размышлять, почему «бойцы» Чакулли взялись прогуливаться вдоль виа Джафар именно в тот момент, когда он по ней проезжал: его внимание привлекла еще более красноречивая деталь. Прямо перед собой он заметил мотороллер с мощным и на удивление бесшумным двигателем. Мотороллер вырулил из тупичка, отделенного от моста тремя домами, и на полной скорости приближался к его «фиату».

Еще один цепкий взгляд — и Конторно мгновенно узнал человека, который ехал на мотороллере. Это был Джузеппе Лукезе, один из убийц «семьи» Чакулли. Сомнений больше не оставалось: именно его ожидали на мосту brave «бойцы».

В этот вечерний час улица Джафар — одна из самых оживленных в Бранкаччо; тротуары кишмя кишат мужской частью населения, пришедшей сюда в поисках развлечений после напряженного дня: одни были заняты сиейстой, другие — всякими семейными хлопотами; а самые бесшабашные купались в грязных, замусоренных прибрежных водах.

И сколько же было в этой толпе других «бойцов» в засаде? Сальваторе Конторно не мог даже примерно предположить их число. Было совершенно невозможно разглядывать лица в толпе. Правда, некоторых «людей чести» он все же заметил, но откуда было знать наверняка, каковы их намерения?

Мотороллер уже поднялся по мосту. И тогда Сальваторе Конторно увидел лицо пассажира, который сидел за спиной водителя. Теперь он знал человека, который должен был убить его. Это был глава «семьи» Чакулли Пино Греко. Он уже достал свой «калашников» и нацелил его на Сальваторе Конторно.

Опередив автоматную очередь, Сальваторе Конторно переключил вторую скорость и, бросив руль, упал на своего спутника, втянув голову в плечи, надеясь не только защититься от пуль мальчишку, но и уцелеть самому. Мотор заглох, в то время как в ошеломляющем грохоте град пуль прошел кузов автомобиля, вдребезги разбив стекла. После этого наступила тишина.

Не теряя времени, Сальваторе Конторно поднялся и глянул в чудом уцелевшее зеркало заднего обзора.

Это было еще не все. Мотороллер замедлил скорость и описывал полукруг в двух десятках метров от прошитого пулями «фиата». Пино Греко перезарядил «калашников». Джузеппе Лукезе нажал на газ, и мотор взревел. Они были готовы ко второму заходу.

Не обращая никакого внимания на панику, которая поднялась на тротуарах, где толпы людей бросились врассыпную, как стайки воробьев, Сальваторе Конторно завел мотор. Раненный в щеку юноша истекал кровью.

Сальваторе Конторно не знал, задело ли его самого. Во всяком случае, он не чувствовал боли. Не было времени ничего выяснять. Он нажал на педаль.

Сальваторе Конторно не потерял своего хладнокровия. Он даже сообразил, как выпутаться из этой истории. Прежде всего надо было выиграть время. Запертый в своем автомобиле, лицом к лицу с убийцей, Конторно, казалось бы, не имел никаких шансов остаться в живых.

Проехав метров сто, он резко затормозил. Едва автомобиль остановился, он буквально вышвырнул из машины парнишку, крикнув, чтобы тот сматывался, и поскорее. После чего сам вышел из машины. В правой руке он сжимал пистолет 38-го калибра, заряженный пятью пулями.

Прижавшись спиной к «фиату», Сальваторе Конторно приготовился встретить вторую атаку Пино Греко.

Положение было аховое. Вдалеке Конторно заметил странные маневры «БМВ», который ехал впереди него, когда началась стрельба. Едва отгремели первые выстрелы, «БМВ» дал задний ход. У Сальваторе Конторно хватило времени узнать человека, сидевшего за рулем автомобиля. Это был глава «семьи» Корсо дей Милле, «человек чести», который в этой части города заправлял всем и вся, Филиппо Маркезе по прозвищу Баклажан (*Миличана*); жестокость его могла сравниться разве что с жестокостью Пино Греко.

У Сальваторе Конторно не было времени следить за маневрами Филиппо Маркезе, мотороллер уже приближался. За ним следовал зеленый «гольф», за рулем которого, можно не сомневаться, сидел один из «бойцов» «семьи» Чакулли. Пино Греко умел вести дела. Он, должно быть, бросил на эту операцию по меньшей мере с десяток своих людей и несколько автомобилей.

Совсем как в современном вестерне, сжав в руке оружие, Сальваторе Конторно готовился встретить мотороллер, ожидая благоприятного момента, чтобы открыть огонь.

Сидя позади водителя, глотая встречный ветер, Пино Греко выстрелил первым. У него было больше патронов, да и оружие такое, из которого можно стрелять не целясь.

Почти одновременно с ним выстрелил и Сальваторе Конторно. Он вел прицельный огонь, а потому, как говорится, был обречен на успех.

Он увидел, как Пино Греко откинулся назад, раненный, несомненно, в грудь. Падая, он не выпустил из рук оружия и продолжал нажимать на гашетку. Очередь, пущенная снизу вверх, ударила в железную решетку закрытого магазина и рикошетом попала в стену в нескольких метрах над головой Сальваторе Конторно.

Только тогда Сальваторе Конторно понял, что легко ранен: осколки стекла порезали ему лоб, а одна из очередей вырвала клочок волос. Вот какой он был счастливчик...

Сальваторе Конторно повернулся и побежал через лабиринт улочек Бранкаччо, странно притихших, в то время как до ночи было еще далеко.

Выжженная земля

Было самое время «делать ноги».

Сальваторе Конторно затаился в одной из своих берлог — а может быть, он нашел убежище в Риме? — и у него было достаточно времени, чтобы узнавать из

газет, каковы первые итоги инцидента на мосту. Конторно, увидевший, как упал Пино Греко, был убежден, что смертельно ранил его в грудь. Однако ни в одной газете не сообщалось ни о каких трупах, найденных на месте перестрелки. Может быть, «бойцы» «семьи» Чакулли унесли на себе тело своего шефа? Или он был всего лишь только ранен?

Ответ не замедлил себя ждать.

На другой день после перестрелки Пино Греко видели в плавках на одном из пляжей недалеко от Палермо. На его теле не было не только раны, но даже малейшей царапины. Когда об этом сообщили Сальваторе Конторно, он понял, что совершил непростительную ошибку, целясь Пино Греко в грудь. Идя в засаду, шеф «семьи» Чакулли не забыл поддеть под пиджак надежный пуленепробиваемый жилет, который и спас ему жизнь. Зная Пино Греко не понаслышке, Сальваторе Конторно отдавал себе отчет в том, что это была лишь отложенная партия. Теперь уже никогда, покуда жив Пино Греко, Сальваторе Конторно не будет знать покоя. Охота началась.

Пино Греко был странным охотником, замашки которого говорили о том, что он предпочитает обычному гону тактику выжженной земли. Говорили, что в гневе Пино Греко сначала разделался с шестью или семью близкими родственниками Сальваторе Конторно, которые были членами клана Мандалы, контролировавшего часть Корсо дей Милле и представлявшего главную опору Сальваторе Конторно в квартале Бранкаччо. Несомненно, что именно за гостеприимство, оказанное Сальваторе Конторно, или за помощь при побеге через несколько недель после засады на мосту были убиты его дядя, Гаэтано Мандала; сводный брат его тещи, Сальваторе Корсино; его двоюродный брат Франческо Мандала; его племянник Пьетро Мандала и муж его двоюродной сестры Каллоджеро Беллини.

Ходят слухи, что после того как Сальваторе Конторно был ранен во время перестрелки, его тайно лечил хирург госпиталя Чивико, профессор Себастьяно Бозьо. Он также был убит. Немного времени спус-

тя Сальваторе Конторно имел смелость послать в палермскую ежедневную газету «Ора» телеграмму, в которой опроверг эти слухи и заявил, что никогда не встречал *профессоре* Бозьо и тем более никогда не лечился у него.

Скорее всего, телеграмму следует рассматривать не как документ, а как желание подразнить тех, кто готов был перевернуть вверх дном весь Палермо в надежде напасть на след улетевшей дичи. Ведь, не чувствуя себя победителем, Пино Греко решил ввести в действие все силы и средства ради того, чтобы добраться наконец до человека, которого отныне все «люди чести» города называли Кориоланом, или, по сицилийски, Курьяно.

КОМНАТА СМЕРТИ

Новичок

Построенный возле руин древнего города, квартал Спероне является естественным продолжением Бранкаччо. Именно здесь родился и вырос Винченцо Синагра — на улице, у которой даже нет названия и которую люди то ли в спешке, то ли от собственной ограниченности обозначили лишь буквой и цифрой: С-3.

Винченцо Синагра был молодым жителем Палермо, совершенно таким же, как все; к тому времени ему исполнилось уже двадцать два года, и горизонт его ограничивали скопления домишек и невзрачных барачков, разбросанных по побережью в двух шагах от моря, казавшегося таким далеким на фоне этих неприглядных строений, число которых росло из года в год.

Винченцо Синагре, кажется, суждено было всю жизнь скитаться среди купальных домиков на виа Мессина, битком набитых с первых чисел мая, несмотря на то, что рядом с ними висел плакат, запрещающий купание в отравленных отбросами водах. У Винченцо Синагры не могло быть другой цели в жизни, кроме как быть замеченным главой мафиозной «семьи», которая контролировала территорию, простиравшуюся от Бранкаччо до Спероне и, соответственно, включавшую в себя подавляющую часть южного побережья города. Во время своей непродолжи-

тельной учебы, прерванной в конце третьего класса начальной школы, Винченцо Синагра сумел получить достаточно знаний, чтобы уметь различать буквы, составляющие его имя, которое он даже мог начертать весьма корявым почерком, напоминающим почерк то ли старика, разбитого болезнью Паркинсона, то ли неграмотного, но старательного заморыша.

Детство Винченцо Синагры прошло в работе — за-солке анчоусов в деревянном чане на маленьком лесопильном заводике, расположенном в этом же квартале. В предместьях Спероне было много таких, кто считал Винченцо Синагру славным малым, называя его Ундли (Динь-Динь), в память о его давней ребяческой страсти к погремушкам и всяким колокольчикам.

Это прозвище к тому же отличало его от двоюродного брата, также Винченцо Синагры, которого «люди чести» прозвали Гроза, поскольку, к несчастью Винченцо Синагры (Динь-Динь), его двоюродный брат был членом жуткой «семейки» Корсо дей Милле. Но, как это ни парадоксально, и к счастью тоже, поскольку только благодаря этому он и смог выжить. Немного удачи, много терпения и еще больше старания, — у Винченцо Синагры тоже были очень хорошие виды на то, чтобы однажды вступить в ряды мафии, в недрах которой он вполне мог сделать себе карьеру, поднимаясь ступенька за ступенькой. Много было званных, но заметно меньше было избранных. Во всяком случае, в мирное время...

Зато с началом войны все резко изменилось. Занятые главным образом тем, как бы половчее изорвать друг друга в клочья, разные «семьи» города стали гораздо менее разборчивыми, когда речь шла о достоинствах новичков, ибо отныне главное было — не качество, а количество. Уже не соблюдался ритуал посвящения, о «кодексе чести Коза ностры» все позабыли; а «крестным отцам» нужна была свежая кровь, пополнение, призванное заменить павших на поле боя «бойцов», расстрелянных на улицах города или с тихим плеском опустившихся на дно моря. Вот тогда-

то, несколько месяцев спустя после начала боевых действий, Ундли чуть ли не силой затащил в «Коза ностру» его двоюродный брат.

Винченцо Синагра никогда не забудет тот злосчастный день, когда Гроза ввел его в организацию. Посвящение проходило в одном из баров, расположенных на побережье, где оба брата любили коротать денечки в компании таких же, как они, бездельников. Если они не вымогали деньги у какого-нибудь незадачливого торговца, не обчищали магазины и не уничтожали себе подобных, Гроза и его бандиты отлично проводили время в ожидании новых славных дел, вполголоса комментируя свои подвиги или обсуждая, как покончить с войной между «семьями». Поскольку он долго общался со своим кузеном, Винченцо Синагра уже знал о его преступной деятельности, и многие тайны брата за это время стали и его тайнами. Было поздно сожалеть об этом: Гроза уже относился к нему скорее как к своему доверенному лицу, а не как к статисту. Но настало время назвать вещи своими именами.

— Ты должен сделать выбор, — сказал Гроза своему кузену. — Либо ты продолжаешь работать как раньше, либо связываешь свою жизнь с нами.

На самом деле Винченцо Синагра уже довольно хорошо изучил этот мир, чтобы не знать, что его отказ мог означать смерть. Он знал слишком много, чтобы остаться жить, и слишком мало, чтобы спокойно уйти в тень. И в то же время он не мог пожаловаться, что его об этом не предупредили.

— Будешь делать, что тебе скажут, — коротко сказал Гроза.

Это значило, что Винченцо Синагра должен был быть готовым ко всему, в том числе взрывать и убивать. Взамен ему обещали деньги, от 200 до 400 тысяч лир.

— Когда кончится война, — заключил Гроза, — ты получишь сразу много денег, и тебе не придется беспокоиться о будущем.

Винченцо Синагра понял, что все к лучшему в этом худшем из миров, и ему оставалось лишь слепо

подчиняться приказам «людей чести» «семьи» Корсо дей Милле. Будущее было обозначено довольно четко. И всякий раз, когда им доводилось встречаться с убийцей из Корсо дей Милле, Гроза говорил брату:

— Советую тебе быть таким же жестоким, как он.

Кровная связь

Из всех «людей чести», с которыми Винченцо Синагре довелось повстречаться в недрах «Коза ностры», главным был, безусловно, Филиппо Маркезе, который поразил его своей безграничной жестокостью. Молодой человек сразу понял, что шефа «семьи» Корсо дей Милле явно прозвали Баклажаном исключительно за коренастую фигуру, но что его поведение и манеры никак не могли ассоциироваться с этим столь популярным и любимым на Сицилии овощем. С 1979 года этот человек хозяйской рукой вел дела одного из самых беспокойных «семейств» острова, и управлял он им скорее с помощью страха, чем убеждения.

Кажется, назначение Филиппо Маркезе главой «семьи» Корсо дей Милле, неуправляемость которой стала притчей во языцех, произошло после прямого вмешательства ряда влиятельных членов Капитула. До назначения Филиппо Маркезе не нашелся ни один такой «человек чести», во власти которого было навязать свою волю бандитам, которые контролировали Бранкаччо и Спероне. Регент, который возглавлял «семью» в 70-е годы, некий Франко Ното, был и остался невежественным незнакомцем, неспособным управлять. И если был в «Коза ностре» человек, способный взять ситуацию в свои руки, то этим человеком был, конечно, Филиппо Маркезе.

Уже прославившийся своей жестокостью, Филиппо Маркезе к тому же породнился с «семьей» Корлеоне, влияние которой в Капитуле все росло. Одна из родственниц Филиппо Маркезе была помолвлена с одним из убийц из клана корлеонцев, Леолоукой Бага-

реллой. И если «люди чести» еще испытывали уважение к социальным институтам, то одним из них, если не единственным, был институт брака, а тем более те новые родственные связи, которые из этого брака проистекали. Ничто, кроме смерти одного из молодых, не могло нарушить обет верности, который дали друг другу во время венчания корлеонский убийца и юная Маркезе, венчания, которое не столько сулило им счастье, сколько увлекало их родственников перспективой, открывавшейся через новые родственные связи.

Филиппо Маркезе пользовался тем большим авторитетом на своей территории и в городе, что он уже породнился с двумя основными бандитскими группировками этой местности, Цанка и Тиннирелло. Бенедетто Тиннирелло женился на одной из сестер Филиппо Маркезе, и последний таким образом стал родственником множества Тиннирелло. Эти Тиннирелло неоднократно породнились с кланом Цанка, которые, в свой черед, насчитывали множество близких родственников среди Верненго. Короче, не ошибусь, если скажу, что Филиппо Маркезе доводился родственником практически всем «людям чести» своего квартала. А значит, он был идеальным человеком, чтобы их возглавить.

Во власти «крестного отца»

Винченцо Синагра много раз имел возможность убедиться, как далеко простиралась власть Филиппо Маркезе. От Бранкаччо до Спероне редко можно было встретить торговцев и предпринимателей, которые отказывались бы платить рэкетирам из Корсо дей Милле. Таких было немного. Синагра знал лишь двоих-троих, магазины или заводики которых ему довелось сровнять с землей. Филиппо Маркезе принадлежали несколько строительных площадок и множество торговых точек, которыми управляла целая армия его «шестерок». В один прекрасный день он здорово отделал гарсона из бара «Гурмет» на пло-

щади Торрелунга лишь за то, что заведение, по его мнению, плохо обслуживалось.

— Разве тебе не известно, кто тут хозяин? — вопил Маркезе. — Запомни это!

Тогда-то «люди чести» из квартала Бранкаччо и узнали, что их любимый бар принадлежит главе почтенного «семейства».

Вес Филиппо Маркезе был виден по размаху его деятельности и по той свободе, которой он при этом пользовался. В то время, когда Винченцо Синагра был принят в «семью» Корсо дей Милле, Филиппо Маркезе разыскивала палермская полиция за совершение нескольких преступлений. Можно не уточнять, что цены за его поимку со временем росли, учитывая место Баклажана в иерархии «Коза ностры». Карабинеры и судьи легко поддались искушению обвинить его в совершении чуть ли не всех преступлений в Бранкаччо, а то и на всемоштрове. И чем больше скапливалось у них нераскрытых убийств, тем больше прилагали они стараний, чтобы его найти. В то же время Филиппо Маркезе практически ни в чем не изменил своим привычкам. Положение человека вне закона, в котором он оказался, не поставило его перед необходимостью покинуть свою территорию.

Хотя Филиппо Маркезе и перестал жить у себя дома, куда время от времени без особой надежды заглядывала полиция, зато он располагал большим числом отличных убежищ, разбросанных повсюду на подконтрольной ему территории. Маркезе не только не пытался получше и подальше спрятаться, но, напротив, места, где он обычно располагался, были известны всем. Так-то Винченцо Синагра и узнал несколько адресов, по которым мог скрываться глава «семьи» Корсо дей Милле.

Если его не было на вилле номер 1317 в Корсо дей Милле, значит Филиппо Маркезе останавливался неподалеку оттуда в небольшом невзрачном домишке с садиком, окна которого выходили на кирпичный завод и который он использовал как почтовый ящик и одновременно телефонный узел. В случае необходимости в его распоряжении было еще маленькое по-

мещение, расположенное почти у самого моря, на улице Мессина Марина, рядом с торговой точкой, хозяином которой был один из убийц «семьи». Кроме затерянного в полях деревенского домишки Филиппо Маркезе владел еще виллой, расположенной на границе лимонников Виллабате, в нескольких километрах к югу от Корсо дей Милле. Там у него был своего рода салон и там любил он принимать Микеле Греко, Папу, президента мафиозной республики.

Налетчики-воры

В начале августа 1981 года, спустя немного времени после того, как его представили Филиппо Маркезе, Винченцо Синагра смог сам убедиться, на что способен глава «семьи» Корсо дей Милле. Винченцо Синагра получил приказ отправиться в бар «Калифорния» на окраине Бранкаччо в компании Грозы и еще одного двоюродного брата по имени Антонино, чтобы отыскать там двух мелких бандитов, «нанесших оскорбление» Филиппо Маркезе.

Двое молодых людей, Маурицио Ло Версо и Джованни Фаллука, ограбили почтовый вагон в пригороде Палермо, Фикараццелли. Филиппо Маркезе негодовал по поводу проведенной операции, и не только потому, что она была произведена на «пограничной» территории, но еще и потому, что, как он полагал, идею налета эти двое «украли» у него.

— Я первым придумал этот налет, — возмущался он на каждом углу. — У меня увели мою идею. Пусть этих проходимцев приведут ко мне!

Для того чтобы усыпить бдительность молодых людей, тихонько сидевших в углу бара, братья Синагра предложили им новое дельце.

— Мы знаем тут одного, который имеет дело с побрякушками, — сказал один из них. — Он вхож в приличные дома. Мы можем с его помощью сделать несколько налетов на ювелирные магазины, или напасть непосредственно на торговых представите-

лей ювелирных фирм. Пойдемте с нами, мы вас познакомим.

Сказано — сделано. Все трое братьев усадили молодцов в свой синий «фиат-126», припаркованный напротив бара. Они тронулись.

Самого молодого из них, Маурицио Ло Версо, с раннего детства все звали «Маленький папа», поскольку однажды он целый день бродил в слезах по кварталу в поисках своего отца. Чувствительность, не помешавшая ему стать преступником, с годами не притупилась; по мере того как они приближались к месту назначения, он становился все беспокойнее.

— Куда мы едем? — спросил Маленький папа.

— Не дергайся, — ответил Винченцо Синагра, — доверься нам. Мы возем вас на встречу с нашим другом из ювелирного.

На самом деле, как уже догадался читатель, этих двух несчастных везли к Филиппо Маркезе.

В последний раз Винченцо Синагра видел Фаллуку и Ло Версо на маленьком заводике, на котором изготавливали плитку для пола, в городке Виллибате, где их ожидал Филиппо Маркезе с десятком других мафиози. Что с ними случилось, Винченцо Синагра не увидел. Он ретировался, доставив добычу к ногам Маркезе. Но он легко мог себе представить их дальнейшую судьбу. Немного времени спустя Гроза сообщил ему, что тела этих двух парней были брошены в бидон с кислотой.

— Это была кислота отличного качества, — уточнил Гроза. — Из тех, что растворяет все, кроме часов.

Винченцо Синагра начинал понимать, на что способен Филиппо Маркезе. И это было далеко не последнее его открытие.

«Отцы»-палачи

Расположенная в южной оконечности порта Палермо бухточка Святого Эразма служила своего рода границей между историческим центром города и районами новостроек. Там, на молу, расположилось

несколько рыбацких лодок, в ожидании лучших времен, когда их окатят водой, поволокут по гальке и спустят в неглубокую бухту. Немного дальше, между двумя автозаправочными станциями, был переоборудован в бар небольшой подвальчик.

Именно здесь обычно ошивалась во всякий час дня и ночи странная компания, к которой принадлежал Винченцо Синагра. Это были люди самых разных возрастов, развязные, оборванные, праздные, которых, кажется, никакая сила на заставила бы покинуть это убогое заведение, предоставляющее, среди прочих удовольствий, возможность поиграть в бильярд в зальчике гораздо более грязном, чем забегаловка напротив.

Религиозный институт Падре Мессина занимает северную часть побережья. Напротив института, перед полоской земли, где регулярно скапливалось множество кубометров всевозможных отходов, стоит группа грязных, явно заброшенных домишек. Здесь-то 8 ноября 1981 года у Винченцо Синагры и проходила важная встреча.

Несколько нищих обитали в наиболее пригодных для жилья помещениях, квартиры же самые порушенные были давно пусты. Именно в одну из таких квартир и направился Винченцо Синагра, толкнув ржавую дверцу ворот дома номер 8 на виа Понте Марина. Он прошел в арку, едва переводя дыхание от густой и отвратительной вони, стоявшей в воздухе. Обойдя несколько куч какого-то мусора, он оказался в тускло освещенном маленьком дворике. Винченцо Синагра направился к покосившемуся домишке, явно предназначенному на снос. Проскользнув на лестницу, такую же убогую, как и все в этом месте, Винченцо Синагра вошел в квартиру на втором этаже, где Гроза обещал ждать его. Было около десяти часов утра, когда Синагра вошел в гостиную. Вид у помещения был плачевный: стол, несколько стульев, облупившиеся стены, растрескавшийся потолок, — ничто в этой обстановке не указывало на те жуткие дела, которые здесь творились и из-за которых это помещение окрестили «комнатой смерти».

В этой самой комнате его поджидал третий из братьев, бандит по имени Антонино, которого Гроза тоже позвал на подмогу. Оба они отлично знали, за чем пришли. Гроза им все объяснил.

В это время Гроза и еще один убийца «семьи» Корсо дей Милле, Антонио Ротоло, входили в бар, расположенный меньше чем в километре от вышеописанных развалин. У них была назначена встреча с «человеком чести» по имени Антонино Руньетта.

Будучи честным контрабандистом, Антонино Руньетта не мог упустить выгодного дельца. Как все, делая бизнес на транспортировке героина, Антонино Руньетта был одним из немногих, кто еще занимался и сигаретами тоже. Гроза и Ротоло это знали.

— Пойдем с нами, — сказали они Руньетте, — у нас есть партия сигарет. Дело выгодное. Это недалеко отсюда.

Им не пришлось повторять дважды, Руньетта тут же согласился последовать за ними. Он оставил, как полагал, ненадолго, свой автомобиль перед банями Вирзи и уселся в «фиат-131», в котором его уже ждали Гроза и Ротоло. Антонино Руньетта не знал, что этот «фиат» был накануне угнан и, уж конечно, не мог и предполагать, для чего все это предназначалось.

Антонино Руньетте ни к чему было быть настороже, поскольку он всегда держался в стороне от клановых и «семейных» разборок, стараясь делать свое дело как можно лучше, то есть как можно ловчее. Никогда он не ссорился с себе подобными, и единственные законы, которые нарушал, были законы Итальянской республики. Вот почему он с легким сердцем отправился с Антонио Ротоло и Грозой в квартиру в доме номер 8 по улице Понте Марина, где, как мы уже знаем, его с нетерпением поджидали Винченцо Синагра и его кузен.

Едва он вошел в комнату смерти, как все четверо набросились на него, и он опомнился лишь тогда, когда его привязали к стулу.

Но в чем могли они его обвинить?

Как всякий уважающий себя «человек чести», Ан-

тонино Руньетта отлично знал, что такие вещи происходят, когда дело касается «Семьи», Чести или Денег. Но поскольку он не допустил никаких промашек и никого не надул, во всяком случае из ближайшего окружения, он был в совершенном изумлении. Без сомнения, его изумление еще больше возросло, если это, конечно, возможно, когда он увидел, что в комнату с угрожающим видом входят примерно десяток «людей чести». Надо сказать, что окружающая обстановка наверняка усиливала чувство исходившей от них опасности.

И хотя Винченцо Синагру меньше всего волновала судьба Антонино Руньетты, он не мог, в свою очередь, не поразиться появлению такого впечатляющего числа «людей чести». Он узнал среди них Филиппо Маркезе, Баклажана, главу «семьи» Корсо дей Милле, который явился в окружении самых ловких убийц из своей банды, таких как Пьетро Верненго. Винченцо Синагра не рассмотрел хорошенько всех тех, что пришли и уселись напротив жертвы, да у него и времени не было их разглядывать. В его присутствии больше не было необходимости, и его попросили на несколько минут удалиться.

— Подожди нас в другой комнате, — услышал он приказ.

Не дожидаясь, чтобы его просили дважды, Винченцо Синагра быстро перебрался в соседнюю комнату. Там, где он находился, он мог не напрягаясь слышать все, что происходило по соседству. Как только все расселись, начался допрос.

— Где Курьяно? — спросил чей-то голос.

— Кто это?

— Курьяно! Лесной Кориолан. Где он? Говори, где он прячется.

Вот оно что. Филиппо Маркезе поймал Антонино Руньетту в ловушку исключительно ради того, чтобы заставить сказать, где в настоящий момент находится его друг, Сальваторе Конторно, счастливчик Лесной Кориолан, который будто улетучился после той перестрелки. Антонино Руньетта несколько раз вел с ним дела. Вот почему Филиппо Маркезе и его убий-

цы решили, что Руньетта может знать, где скрывается его деловой партнер.

— Поверьте, — взмолился Антонино Руньетта, — я не знаю, где он скрывается. Если бы знал, я сказал бы. Если вы отпустите меня, клянусь вам, я его отыщу и предоставлю в ваше распоряжение.

В этот момент Винченцо Синагра заметил, что может еще и видеть, что происходит в соседней комнате, так как в стене, к своему ужасу, обнаружил дырку.

Один из убийц сидел за столом, на котором лежало несколько листков бумаги и карандаш — на случай, если придется что-то записать. Остальные окружили пленника, который дергался в безумной надежде освободиться от своих пут.

Видя, что Антонино Руньетте действительно нечего им сообщить, человек, изображавший секретаря суда, поднялся. Винченцо Синагра увидел его лицо. Это лицо он никогда не смог бы забыть, он видел его потом много раз, в том числе на фотографии, которую показали ему карабинеры и под которой стояло имя: Пино Греко.

Присутствие главы «семьи» Чакулли в этих местах, относительно удаленных от его территории, могло удивить лишь непосвященных. У Пино Греко были веские причины находиться в этот день в комнате смерти.

Читатель помнит, что во время перестрелки в Бранкаччо Сальваторе Конторно чуть было не убил его и что его спас бронезилет. С того самого дня Пино Греко с помощью кровожадного Филиппо Маркезе неустанно разыскивал Кориолана, проверяя все возможные варианты. Если он даже и верил, что Антонино Руньетта может привести его к Кориолану, то очень быстро понял, что это ложный след. Оставив в покое бумагу и карандаш уже спустя несколько минут после начала допроса, Пино Греко подошел к пленнику. Вид его был ужасен.

Винченцо Синагра утверждает, что сам видел, как Пино Греко обошел вокруг Руньетты и остановился позади него, затем набросил на шею пленника веревку, концы которой намотал на палку. Эту палку он

стал поворачивать, так что веревка натягивалась все сильнее. Как рассказал Винченцо Синагра, два других убийцы придерживали судорожно бьющееся тело, навалившись на ноги, пока не наступила смерть. Как это было на самом деле, мы сказать не можем, но факт остается фактом: через некоторое время после исчезновения бедняги Антонино Руньетты полиция нашла его тело, на шее которого остался след веревки.

Теперь от тела надо было поскорее избавиться.

О перевозке трупов

Ясно, что когда от Винченцо Синагры потребовали, чтобы он избавился от трупа Антонино Руньетты, ему, в отличие от Грозы, такое задание показалось ужасно сложным.

— Ты можешь войти, — сказал Гроза Винченцо Синагре после того, как Антонино Руньетта простился с жизнью.

Винченцо Синагра увидел, как один из убийц разрезал веревки, которыми тело было привязано к стулу, и опустил его на пол. Надо было действовать, пока тело еще не остыло. Труп был быстро перевязан; лодыжки и кисти рук связаны вместе и приторочены к телу за спиной, на уровне поясницы.

Винченцо Синагра, присутствуя при этом, узнал одну из тайн, которая не давала покоя палермской полиции и местной прессе. Уже не один раз полиция обнаруживала трупы связанными именно так. Пораженные таким странным видом мертвецов, следователи полагали, что людей так связывают живыми, и эта поза представляет собой некую особую, необычайно жестокую пытку. Они даже думали, что связанные таким образом люди умирают от самоудушения, пытаясь освободиться. Такие трупы даже стали называть специальным словом *incaprettati*, по аналогии с животными, связанными наспех пастухами в горах.

Винченцо Синагра понял, что на самом деле трупы связывали по той простой причине, что в таком

виде их было так же легко перевозить, как любой обычный груз.

После того как тело Антонино Руньетты было связано, его удалось легко поместить в большой пакет для мусора. Винченцо Синагру и Грозу Филиппо Маркезе назначил ответственными за страшный груз. Они подняли труп и с трудом вынесли его из комнаты смерти.

«Фиат», на котором Антонино Руньетта совершил свое последнее путешествие при жизни, стал его первым погребальным катафалком. Автомобиль стоял перед домом, братья не церемонясь закинули пакет в багажное отделение. Если бы кто-либо оказался на улице в эту минуту, он не нашел бы в их поведении ничего необычного. Было около одиннадцати, когда автомобиль с двумя братьями и мертвым телом направился к центру города.

Это было смело с их стороны, ибо как раз тогда было увеличено число полицейских кордонов на улицах в надежде если не остановить войну «семей», то по крайней мере, пересадав «бойцов», уменьшить число жертв. В этот день братьям необыкновенно повезло, потому что их не только не остановил ни один кордон, но они еще и смогли без особого труда припарковаться в самом центре города, в двух шагах от казармы налоговой полиции на виа Кавур, недалеко от знака, запрещающего не только стоянку, но и остановку автомобилей.

Ясно без слов: то, что они оставили труп в багажнике украденного автомобиля, припарковав его в двух шагах от поста полиции, было скорее бравадой, принятой у террористов, чем соблюдением обычая «Коза ностры». Впрочем, чтобы еще подчеркнуть свою роль в этом деле, глава «семьи» Корсо дей Милле Филиппо Маркезе не счел за труд позвонить в редакцию «Джорнале ди Сицилия», чтобы тело Антонино Руньетты было найдено как можно скорее.

Возможно, он ожидал, что сообщение о страшной находке будет уже в вечерних газетах, и в таком случае был сильно разочарован. По странной иронии судьбы, его звонок не повлек за собой никаких по-

следствий. Предупрежденные слишком поздно, полицейские из уголовного розыска не имели времени, чтобы обнаружить тело. Поскольку автомобиль был припаркован в месте, где запрещено даже останавливаться, его тут же отвезли на специальную стоянку, куда помещаются автомобили до выплаты штрафа. Размещение неправильно припаркованных автомобилей на специальной стоянке, как нетрудно догадаться, — одна из тех обязанностей, которые полиция города выполняет с необыкновенным тщанием, поскольку это наиболее редкий вид правонарушений со стороны граждан Палермо.

В тот же вечер, вновь обретя свою собственность, владелец автомобиля был неприятно поражен, открыв задний капот и обнаружив тело Антонино Руньетты в таком странном и страшном виде, упакованное в пластиковый мешок.

Зачем нужны врачи?

Чем дальше Винченцо Синагра находился в рядах мафии, тем яснее понимал истинную сущность своих «новых друзей» и то, как мало значила для них человеческая жизнь. Его брат Гроза в одном из разговоров невольно приоткрыл ему, сколь сильна была жажда крови у этих людей.

— В нашу «семью» входит один врач, — пояснил он брату. — Этот врач выхаживает наших раненых, и поэтому сбирь ничего о них не знают. Он оказывает нам и другие услуги. — И Гроза доверительно понизил голос: — Если, к несчастью, во время покушения наши киллеры кого-нибудь не добьют и того отвезут в госпиталь, нашему другу поручается завершить работу. Он делает так, что раненые не поправляются. — Немного подумав, Гроза добавил, продемонстрировав логику столь же странную, сколь и обезоруживающую: — В конце концов, надо, чтобы и врачи делом занимались.

И хотя Винченцо Синагра никогда и ни от кого потом не слышал о раненых, которых приканчивал

бы на больничной койке некий доктор, сказанное Грозой вовсе не казалось ему неправдоподобным. Он знал, что влияние Филиппо Маркезе в Палермо соизмеримо тому ужасу, который вызывает его имя.

Патология

Когда Филиппо Маркезе что-то приказывал, никто не осмеливался ему перечить. Все в его манере держаться указывало на то, что он не потерпит никаких обсуждений: властный тон, которым он отдавал приказания, суровое выражение лица, не менее красноречивый взгляд мгновенно пресекали всякое поползновение «людей чести» вспомнить о диалектике. Тем более что все знали, на что он способен.

Поскольку Винченцо Синагра сам видел, как Филиппо Маркезе собственноручно мучал, а потом убивал людей, он был убежден, что Маркезе испытывает удовольствие от этой своей роли палача. Помимо того, что Баклажан исполнял функции главы «семьи», он еще имел обыкновение ни за что приговаривать людей к смерти, и каждый раз, когда это было возможно, он лично приводил свой приговор в исполнение. Как-то раз, во время одного из таких «сеансов по удушению», Филиппо Маркезе выбрал Винченцо Синагру, заметив его болезненную, впрочем, вполне объяснимую реакцию на происходящее.

— Не делай такое лицо! — заорал Маркезе. — Ведь совсем нетрудно сменить выражение.

Можно не сомневаться, что Синагра взял себя в руки и соорудил мину сколь возможно бесстрастную, наблюдая, как Маркезе приканчивает свою жертву. Если бы он этого не сделал, он вряд ли вышел бы оттуда живым. Во всяком случае, сам он в этом не сомневался, поскольку точно знал, во что оценивал Филиппо Маркезе человеческую жизнь. Гроза постарался детально объяснить ему положение вещей. Примеров безумной кровожадности главы «семьи» Корсо дей Милле было немало.

Сальваторе Бушеми был «человеком чести» не-

много слишком надменным и имел обыкновение часто посещать рестораны, расположенные в районе площади Святого Эразма, где обратили внимание на его дурные манеры и привычку уходить не расплатившись. Все владельцы этих ресторанов находились «под крышей» Филиппо Маркезе. В один прекрасный день, в то время как Бушеми прогуливался по улице, мимо него проехал автомобиль, раздались выстрелы, и застреленный Бушеми упал как подкошенный на мостовую.

Джузеппе Финоккьо был капитаном футбольной команды и немного слишком увлекался женщинами. Он сильно надоел своими ухаживаниями одной проститутке, которая, конечно, была «подопечной» Филиппо Маркезе. Этого тоже застрелили.

Пьетро Пагано был нищим бродягой, который имел обыкновение приворовывать несколько камней или труб на стройплощадках, принадлежавших Филиппо Маркезе. Застрелили и его.

Джинетто Тальявия был слишком независим и ни с кем не считался. Так, по крайней мере, решил Филиппо Маркезе. Когда Винченцо Синагра в последний раз увидел Тальявию, тот только что съел порцию морских ежей, которую купил у уличного торговца на площади Святого Эразма. Когда двое убийц Филиппо Маркезе подошли к нему и предложили следовать за ними, Джинетто Тальявия ничего не сказал. Он только поблел. Его не застрелили, как узнал об этом позже Винченцо Синагра, его задушили, а тело бросили в кислоту.

Разговоры в бистро

Гроза словно испытывал странное удовольствие, рассказывая брату в деталях об этих убийствах. Никакая подробность не ускользала от его внимания, так что он обязательно называл и имена убийц, задействованных в каждой операции. Гроза часто и сам принимал участие в этих «сходках». И обо всем подробно рассказывал потом брату. Винченцо Сина-

гра каждый день все больше убеждался, как же легко убивать. Во всяком случае, в Палермо.

Однажды, в декабре 1981 года, когда братья прогуливались перед пиццерией, они увидели двух убийц из «семьи» Корсо дей Милле, которые не спеша вышли из автомобиля и подошли к ним. В это время издалека донесся вой полицейских сирен. Лица «людей чести» были бесстрастны, как всегда. Следуя обыкновению, они решили выпить кофе, беседуя о том о сем. На улице тем временем появилось множество полицейских. Мимо проносились автомобили с воющими сиренами, и это означало, что произошло нечто серьезное. Через несколько минут те двое ушли, а Винченцо Синагра смог наконец узнать, что же случилось.

— Они только что пришили одного контрабандиста по имени Орацио Фьорентино, — пояснил Гроза.

Убийство произошло неподалеку, метрах в пятистах, на виа Аллоро, в историческом центре города, в арабской его части. Человек этот был застрелен в своем автомобиле. Убийцы стреляли влет, обогнав его машину. Они ехали в том самом автомобиле, который спустя считанные секунды остановился возле братьев Синагра.

— А за что они его убили?

Ответ был на удивление прост. Орацио Фьорентино был человеком бывалым, всю свою жизнь профессионально занимаясь контрабандой. Поскольку контрабанда сигарет в Палермо практически прекратилась, он осмелился попросить у одного из «людей» Филиппо Маркезе разрешения на торговлю героином.

— Фьорентино сочли человеком глупым, — сказал Гроза, — он ни в коем случае не должен был проситься в такой бизнес. За это Маркезе и приговорил его к смерти.

Сын Орацио Фьорентино знал Винченцо Синагру и понаслышке, и лично. Он решил, что Синагра сможет оказать ему посильную помощь в свалившемся на него горе. Вот почему он обратился к нему с просьбой как можно скорее достать какое-нибудь ог-

нестрельное оружие. Естественно, Винченцо Синагра тут же сообщил об этом Грозе.

— Он хочет отомстить за отца, — сказал Гроза. — Присмотри за ним. Как только он узнает имена киллеров, дай мне знать, и его уберут.

К счастью для него, молодой Фьорентино ни о чем не подозревал. А если все же и догадывался, то сохранил свои догадки в тайне от Винченцо Синагры. Через несколько недель Винченцо Синагра перестал вести за ним наблюдение.

Его призвали выполнить не менее гнусную работу для главы «семьи» Корсо дей Милле.

МОРСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Следы на песке

С начала весны жизнь на окраинах, а особенно в самом городе становится намного тяжелее, чем зимой. Жара, помноженная на избыток света, придает особый колорит грязным и зловонным жилищам, достойным какого-нибудь азиатского портового города. Ничуть не смягчая зрелища, синева небес и моря растворяет все другие цвета, так что глазам делается больно смотреть на эту бесконечную синеву.

Когда наступает чудный месяц май, город вообще превращается в ад. Этот цветущий сад, в котором так славно жилось на заре XX века, эти квадратные мили бывшего рая, благоухавшие некогда запахом цветущих жасмина и лимона, словно вдруг превратились в гигантский котел, в котором какой-то черт вымачивал туземцев, получая из этих пузатых людишек, пропитанных горячими испарениями битума, смешанными с запахами столь же смутными, сколь и отвратительными, драных голодных котов.

Винченцо Синагра так привык париться в этой бане, что ему нипочем была сильнейшая жара, которая наступила уже в начале мая 1982 года.

Не будучи настоящим «человеком чести», Винченцо Синагра уже мог похвастать, что ему доверял сам Филиппо Маркезе, человек, который был тираном и деспотом всего квартала. Глава «семьи» Корсо дей

Милле звал Винченцо Синагру только Ундли, к вящей гордости последнего. Винченцо Синагра очень дорожил такой близостью к шефу, приказы которого отныне исполнял беспрекословно.

Вот почему в течение нескольких месяцев Винченцо Синагре довелось участвовать в ряде вооруженных нападений: на склад электробытовой техники, на торговца вином, на ювелирный магазин, — а также во взрыве нескольких лавочек, владельцы которых отказывались платить «дань» Филиппо Маркезе. И хотя он не получил за это никакого материального вознаграждения, — один только раз Филиппо Маркезе дал ему в лирах сумму, составляющую примерно 10 тысяч франков, — Винченцо Синагра, должно быть, лелеял мысль, что после каждой такой операции он хоть немного вырастал в глазах остальных бандитов или хотя бы только в глазах шефа «семьи» Корсо дей Милле. И хоть ритуал его посвящения так и не был проведен, он чувствовал себя если не неотъемлемой частью «Коза ностры», то по крайней мере полноправным «бойцом» маленькой армии Филиппо Маркезе.

Прошло чуть больше шести месяцев с тех пор, как Винченцо Синагра впервые в жизни присутствовал при убийстве человека, а у Филиппо Маркезе, как ему казалось, уже не было от него никаких секретов.

Военные хитрости по большей части были недоступны Винченцо Синагре. Однако он знал, что отныне мир «людей чести» разделится на два лагеря: победителей и побежденных. Он также знал, что его «семья» примкнула к лагерю победителей и что по указке Микеле Греко и его союзников-корлеонцев она занялась систематическим истреблением «побежденных». Что до остального, то причин многих происходивших на его глазах экзекуций он совершенно не понимал. Надо признать, что Винченцо Синагра был не один такой: в начале лета 1982 года в Палермо убивали вообще чуть ли не просто так. Словно кровожадность «людей чести» возросла от усилившейся жары.

Случайная жертва

26 мая 1982 года жара началась с самого утра. В это утро Родольфо Бускеми, один молодой, очень амбициозный масон, рано вышел из своей квартиры, расположенной в квартале Спероне. Это был молодой брюнет, который прятал свои глаза за задымленными стеклами солнцезащитных очков. Он встретился со своим шурином, Маттео Ридзутто, и они усадились в «фиат-127», который позже нашли припаркованным на улице Пиччотти, недалеко от недоброй памяти комнаты смерти на площади Святого Эразма.

Было около десяти часов, когда Родольфо Бускеми и его родственник встретили на улице Грозу и его двоюродного брата Антонино, а также «человека чести» по имени Сальваторе Ротоло. Все они выросли в этом квартале, но знали друг друга весьма поверхностно.

Утро было жарким, а значит, не слишком располагало к работе. На улице все было тихо, они разговорились обо всем и ни о чем. О погоде, о том, как бежит время, и дальше в таком же духе. После обмена банальностями Гроза уверенно, но стараясь никак не выдать своей заинтересованности, чтобы Родольфо не почувствовал неладное, сказал:

— Мне тут ремонтируют квартиру недалеко отсюда. Пойдем, посмотрим.

— А как же мой шурин?

— Пускай идет с нами, это займет не больше пяти минут.

По дороге они встретили еще одного «человека чести» из «семьи» Корсо дей Милле, имени которого карабинерам впоследствии выяснить не удалось. Этот молодой человек приятной наружности тоже не знал чем заняться. Почему бы и ему не пойти посмотреть, как идет ремонт?

Было начало одиннадцатого, когда они вошли в затхлый подъезд дома номер 8 по улице Понте Марина, где, как помнит читатель, находилась комната смерти.

Читатель несколько не удивится, если узнает, что

Винченцо Синагра был уже там, поджидая очередную жертву и ее сопровождение.

Едва Родольфо Бускеми и его родственник вошли в квартиру, как с ужасом увидели, что их спутники достали оружие и взяли их под прицел.

У них не было времени разобраться, что произошло, а их уже крепко связали, заткнули рты и усадили.

— Не рыпайтесь, — сказал властный голос, — ничего плохого не случится. Просто кое-кто хочет с вами поговорить.

Если у Родольфо Бускеми и могла шевельнуться смутная догадка о том, кто же были эти люди, что так хотели с ним поговорить, то его шурин вовсе ничего не понял, а потому был до смерти напуган. Все это было сплошное недоразумение. Почему схватили именно его, человека, который вовсе не причастен к делам «Коза ностры»? Кажется, только потому, что в то утро он был с Родольфо Бускеми. Что бы там ни было, оба они уже догадывались о том, что будет дальше.

Около часа прошло в ожидании, пока один из бандитов, Антонино, уходил, чтобы сообщить таинственным заинтересованным в такой странной встрече людям, что все готово к «разговору». Ждать оставалось недолго, так как Родольфо Бускеми услышал на лестнице шаги.

Дверь квартиры открылась, и вошли пятеро бандитов во главе с Филиппо Маркезе, который был мрачнее тучи. За ним следовал Пино Греко, глава «семьи» Чакулли, физиономия которого вряд ли была приветливее.

— Уведите его в другую комнату, — сказал Маркезе, указывая на шурина, который явно интересовал его значительно меньше, чем Родольфо Бускеми. Шурина, стул, веревки и все такое прочее быстро перетащили в соседнюю комнату.

Допрос Родольфо Бускеми можно было начинать.

— Как ты осмелился мутить мое питье? — спросил его Филиппо Маркезе словами волка из басни Лафонтена. Дело в том, что Родольфо Бускеми действительно перебежал ему дорогу: он попытался нало-

жить дань на торговцев Багерии и Виллабате, которые «ходили» под Филиппо Маркезе и Пино Греко.

— На кого ты работаешь?

— Кто позволил тебе доить торговцев, которые живут под нашей «крышей»?

— Назови имена сообщников.

Родольфо Бускеми не знал, что отвечать на этот град вопросов.

Да, он не мог отрицать очевидного. Он пытался получить деньги с торговцев, но не знал, что они уже под чьей-то «защитой». Он даже пытался утверждать, что не знал, каким «семьям» принадлежит территория, на которой расположены эти пригороды.

Сидя в углу, Винченцо Синагра, естественно, помалкивал и усиленно соображал. Он на зубок знал, как разделены зоны влияния в Палермо, и знал, конечно, каким «семьям» что принадлежит. Всякий «человек чести» или претендующий на это звание должен был знать эту географию. Из чего, естественно, Синагра заключил, что Бускеми лгал. Как мог он не знать, что Багерия была под Пино Греко, а Виллабате — под Филиппо Маркезе?

— Кто твои сообщники? — спрашивали тем временем у Бускеми.

— У меня их нет, — все тише отвечал тот. И потом все же добавил: — Антонино Мильоре.

— Я такого не знаю, — сказал Гроза. — Каков он из себя?

— Двадцать шесть лет, усы, живет возле площади Скаффа или в Корсо дей Милле.

Этого было, конечно, маловато, но вполне достаточно для Филиппо Маркезе, чтобы быстро отыскать этого Мильоре. Допрос был окончен.

Как глава «семьи» Корсо дей Милле, Филиппо Маркезе должен был сам решить участь Родольфо Бускеми, поскольку последний жил на его территории. Но как потерпевший, Пино Греко тоже должен был сказать свое слово: один из торговцев, как мы уже слышали, платил «дань» «семье» Чакулли. Так что можно поверить Винченцо Синагре, который уверяет, что Маркезе и Пино Греко вдвоем прикончили

Бускеми с рвением, всегда сопутствовавшим им в таких делах.

Зная их патологические наклонности, можно поверить также и тому, что, покончив с Бушеми, оба убийцы отправились в соседнюю комнату, чтобы задушить и беднягу Маттео Ридзутто, у которого, хоть он и был ни при чем, не было никаких шансов остаться в живых.

Как они избавляются от трупов

Прежде чем покинуть комнату смерти, все трое братьев Синагра и их товарищи засунули тела убитых в большие пакеты для мусора. Они решили избавиться от трупов с наступлением темноты. А пока оставили страшный багаж в квартире безо всякой охраны. Они знали, что здесь не бывает никого кроме крыс.

Была уже поздняя ночь, когда Винченцо Синагра и Антонино пробрались в маленькую гавань Святого Эразма у религиозного института Падре Мессина, совсем близко от комнаты смерти. Через несколько минут они спустили на воду рыбацью лодку и направили ее к стоявшим на приколе темным кораблям. Лодка принадлежала брату Антонино, который, не будучи членом мафии, даже не подозревал, для каких целей она могла понадобиться.

В это самое время, в нескольких десятках метров отсюда, на другой стороне площади Святого Эразма, Гроза и еще два «человека чести» запихивали два трупа в багажник угнанного по случаю «фиата-ритмо». В этот час благодаря жаре народу на улицах было не очень много. По вечерам жители Палермо предпочитают прохаживаться по одной или двум главным улицам в центре города, еще они имеют обыкновение дышать прохладой с балконов, но в таком случае решительно не обращают внимания на то, что делается внизу. И даже если бы кто-то посмотрел сверху на их возню, Гроза и его сообщники плевать на это хотели. Они имели полное право перево-

зять какие угодно пакеты в багажном отделении автомобиля, тем болсе что везти-то было совсем недалеко.

Покончив с этим делом, все три брата пересели в лодку, в то время как один из их сообщников остался, чтобы убрать подальше от берега автомобиль.

В лодке лежали два больших тяжелых камня. Это были очень удобные «якоря», с помощью которых можно было навсегда поставить «на прикол» трупы в прибрежных водах Палермо.

В пригодном для такого дела и четко зафиксированном ими месте братья Синагра бросили трупы в воду. Карабинерам пришлось надевать скафандры и спускаться на глубину в несколько десятков метров, чтобы отыскать это морское кладбище, где, в абсолютной темноте, находили свой последний приют жертвы «семьи» Корсо дей Милле.

Эскадроны смерти

Сколько было предпринято таких морских путешествий? Мы об этом никогда не узнаем. Было ли это место единственным у берегов Палермо? Эта тайна тоже вряд ли когда разъяснится. Вода, течения и рыбы сделали свое дело, в большинстве случаев не оставив и следа от жертв палачей из Палермо.

Если верить Винченцо Синагре, по крайней мере еще одно такое путешествие состоялось примерно через неделю после того вечера, о котором мы только что рассказали.

Ясно, что предпринято оно было ради Антонио Мильоре, сообщника по рэкету Родольфо Бускеми. Понятно, что палачами были все тот же Филиппо Маркезе и Гроза, хладнокровный родственник Винченцо Синагры. Понятно также и то, что жертва была задушена.

И если автор так настойчив в деталях, что даже рискует лишиться интеллигентного читателя, который не может не испытывать отвращение от обилия всех этих ужасов, то только потому, что для него, автора,

очень важно не только показать атмосферу, которая царила в ту пору в Корсо дей Милле и во всем Палермо, но также обозначить, в чем заключалась в этот период повседневная жизнь «людей чести».

Антонио Мильоре схватили, когда он мирно сидел в своем «фиате», ожидая удобного момента, чтобы съехать к Бранкаччо. Братья Синагра и убийца, уже известный нам Антонио Ротоло, отвечали за проведение операции, простота которой вызывает удивление. Под угрозой трех дул Антонио Мильоре вынужден был пересесть на заднее сиденье своего автомобиля. И машина как ни в чем не бывало проследовала мимо обычных для этого времени прохожих и других автомобилистов, руливших себе ни о чем не подозревая.

По дороге один из братьев спросил Мильоре, знали ли он покойного Бускеми. Другой, чтобы успокоить, сказал, что они собираются сообщить ему кое-что новенькое об исчезновении Бускеми, которого семья и товарищи еще надеялись увидеть живым.

— Мы везем тебя к одному дяде, который расскажет тебе об исчезновении Бускеми, — сказал он Мильоре.

Читатель, конечно, догадался, что дядей этим был не кто иной, как Филиппо Маркезе. Неизвестно, по какой причине, то ли из лени, то ли из желания перемен, глава «семьи» Корсо дей Милле потребовал, чтобы жертву ему доставили не в комнату смерти, а на маленькую виллу, окруженную садом, недалеко от улицы Джафар, в пяти минутах от проезда на Бранкаччо.

Нам нечего сказать о допросе бедняги Мильоре, который признал все, в чем его обвинил Маркезе, а также и о его трагическом конце. Но нам известно, что сказал Филиппо Маркезе Винченцо Синагре после того, как все было кончено.

— Избавься от трупа.

— Куда мне его деть? — спросил Синагра. — Если хотите, я могу оставить его на площади Политеама.

Филиппо Маркезе немного подумал. Может быть, его привлекла идея оставить труп в самом центре Па-

лермо, сделав это с такой же легкостью, как обычно избавляются от мусора. Но тем не менее он не согласился.

— Нет, будет лучше, если он исчезнет. Брось в море, как предыдущих.

Сказано — сделано.

Что случается с занудами-автомобилистами

Чем дальше жарило лето, тем большим ужасом был объят Палермо. Шестой день месяца июня начался уже десять часов назад, когда обычная жара повисла над кварталом Бранкаччо, к большому неудовольствию многих «людей чести», которые населяли Корсо дей Милле со стороны площади Торрелунга. Кармело Ло Джакомо бродил в толпе таких же, как он, людей, всякий час готовых посостязаться в наглости, в ожидании какой-нибудь важной встречи и в надежде удачно совершить очередное преступление. Если у него и водились грешки, то они Ло Джакомо нисколько не тяготили, и шаг его был спокоен.

Правда, ему явно было в чем каяться, поскольку Филиппо Маркеше отправил своих людей, чтобы они привезли к нему Ло Джакомо. Живым, разумеется.

Его прихватили, угрожая пистолетами, потом бросили в «мини-минор», который резко взял с места. Для обитателей квартала и для всех ротозеев его похищение не было чем-то особенным, и все бы прошло отлично или, по крайней мере, как всегда, если бы, выезжая с площади Торрелунга, автомобиль похитителей не столкнулся с другим автомобилем, тоже «мини-минором», но припаркованным. К несчастью, владелец поврежденного автомобиля все видел. Возмущенный, этот храбрец подбежал к своей машине, завел ее и попытался настичь нарушителей, не представляя себе опасности, которой при этом подвергался.

Поднявшись на вершину Гранди, первый «мини-минор» остановился. Второй последовал его примеру.

Убежденный в своей правоте, водитель второго

автомобиля, карабинер в отставке по имени Антонио Пери, желал только одного: установить истину и восстановить справедливость.

Скорее всего, у Антонио Пери не было времени сформулировать то, что он хотел сказать своим высоким приятным голосом: один из пассажиров первого «мини-минора» вышел из автомобиля. «Человек чести» спокойно подошел к Антонио Пери и, не говоря ни слова, выпустил ему в голову три пули.

Несколько секунд спустя раздалось еще несколько выстрелов. Они прозвучали из первой машины. Кармело Ло Джакомо тоже был убит, кажется, за то, что попытался бежать.

Но если люди Филиппо Маркезе спокойно могли бросить на улице тело Антонио Пери, они не могли поступить так же с Кармело Ло Джакомо. Смерть первого неминуемо должна была быть отнесена к очередной стычке между автомобилистами, но второй труп мог скомпрометировать главу «семьи» Корсо дей Милле. А потому им следовало привезти тело Ло Джакомо к Филиппо Маркезе, который сам должен был решить, как с ним поступить.

Говорят, Маркезе был просто в бешенстве, когда узнал о смерти Кармело Ло Джакомо. Мало того, что нерасторопность его людей привела к бессмысленной жертве, которая была записана на его счет, инцидент к тому же помешал ему подвергнуть свою жертву допросу с пыткой, а следовательно, получить необычайно ценную информацию, которая способствовала бы усилению его власти в районе Корсо дей Милле и в других местах. Дело было тем более возмутительным, что вновь поставило его перед проблемой, как избавиться от трупа.

О кислоте, в которой растворяют трупы

Не будучи в курсе всех секретов своего грозного шефа, Винченцо Синагра знал, что Филиппо Маркезе имел обыкновение тела некоторых своих

жертв бросать в гигантский бидон, содержащий десятки литров кислоты светло-коричневого цвета. Речь шла об исключительно едком веществе, используемом, кажется, серебряных дел мастерами; его покупали в одной компании, расположенной в предместье Чинизи, недалеко от Палермо. Поскольку Винченцо Синагра сам присутствовал при уничтожении нескольких трупов, он утверждал, что испарениями, исходившими от этой кислоты, было невозможно дышать, а если капля жидкости попадала на землю, то в течение длительного времени на ней оставалось белое пятно. Но это было одно из наиболее действенных средств, которым располагал Филиппо Маркезе, чтобы уничтожить следы своих преступлений. Особенно если кислота была хорошего качества.

Правда, так было не всегда. Например, спустя немного времени после того, как тело несчастного Кармело Ло Джакомо было утоплено в двухсотлитровом бидоне кислоты, в жидкости еще плавали человеческие останки. По крайней мере, так утверждает Винченцо Синагра, которого позвали на подмогу, когда нужно было уничтожить эти останки.

Не акцентируя больше внимания на этой жуткой истории, необходимо все же добавить, что происходила она на вилле, расположенной в палермской провинции. Под присмотром Филиппо Маркезе братья Синагра вылили содержимое бидона на землю, а затем, надев резиновые перчатки, собрали то, что осталось, в пластиковый пакет для мусора. Этот пакет с привязанным к нему тяжелым камнем был также утоплен ими в том месте, которое мы прозвали морским кладбищем.

Генерал Далла Къеза

Надо ли уточнять, что «семья» Корсо дей Милле, обуреваемая безумной жадной крови, была далеко не единственной в Палермо тем жарким летом 1982 года? За редким исключением, все «люди чести» всех

«семей» города оказались заложниками этого убийственного безумия. Прошло уже больше года со времени убийства двух секретарей Капитула Стефано Бонтате и Сальваторе Инцерилло, а война банд, начавшаяся после смерти этих глав «семей», казалось, никогда не кончится. И даже наоборот. Отныне стало не только невозможным установить точное число убитых и пропавших, но даже порой казалось, что причины некоторых убийств были неясны и самим заказчикам. В большинстве своем они безжалостно осуществлялись в ходе той кампании, которую вели корлеонцы и Микеле Греко против горстки непримиримых «бойцов», преданных памяти своих покойных шефов Стефано Бонтате и Сальваторе Инцерилло, но число жителей Палермо, которые были уничтожены по причинам совершенно ничтожным, было ничуть не меньшим: одни поплатились жизнью за то, что оскорбили, сами того не зная, главу «семьи» или кого-то другого в пылу ссоры, другие — в результате простого недоразумения.

Официальное число убийств превысило уже сотню, когда итальянское правительство решило, что настало время восстановить в Палермо законный порядок. Для этого на остров был послан генерал карабинеров Карло Альберто Далла Кьеза, который прославился на севере страны своей борьбой с терроризмом. Прибыв в воскресенье 2 мая 1982 года по случаю похорон депутата-коммуниста Рио Ла Торре и его шофера Ленина Манкузо, расстрелянных из «калашникова», генерал Далла Кьеза приступил к исполнению обязанностей префекта города Палермо, которые ему довелось осуществлять в течение ста дней, пока он сам не пал, сраженный пулями своих врагов.

Ничто не дает оснований с уверенностью полагать, что назначение генерала Далла Кьеза во главе префектуры Палермо вызвало сильное недовольство Филиппо Маркезе или какого бы то ни было «человека чести» города. Однако нам известно, что уже месяца через два после прибытия генерала на остров глава «семьи» Корсо дей Милле занимался подготовкой

покушения на его жизнь. Можно не сомневаться, что сделано это было с «папского» благословения генерального секретаря Капитула Микеле Греко. Убийство генерала Далла Кьеза могло произойти только с разрешения правительства «Коза ностры».

Надо убить генерала

В отличие от подавляющего большинства других итальянцев, Винченцо Синагра, безусловно, узнал о существовании генерала Далла Кьеза очень поздно. Синагра никогда не читал газет и, похоже, услышал о присутствии генерала на острове именно в тот момент, когда ему предложили участвовать в покушении на его жизнь. Впервые о генерале заговорил Гроза.

— Надо убить Далла Кьеза, — сказал Гроза Винченцо Синагре. — Филиппо Маркезе решил, что так будет лучше. Он зуб на него имеет.

Винченцо Синагра так и не узнал, почему Маркезе ополчился против генерала. Немного времени спустя Синагра получил подтверждение о предстоящем деле из уст самого Сальваторе Ротоло, «человека чести», которого Филиппо Маркезе назначил ответственным за проведение операции.

Сальваторе Ротоло по прозвищу Анатредда (позицийски Лис) был одним из убийц «семьи» Корсо дей Милле. Винченцо Синагра встречал его в комнате смерти во время проведения нескольких операций, а также в бухте Святого Эразма при перевозке трупов. Филиппо Маркезе высоко ценил таланты Сальваторе Ротоло, который умело изготавливал бомбы, предназначенные для того, чтобы запугать торговцев и предпринимателей, не желавших платить рэкетирам. Доверие, которое глава «семьи» Корсо дей Милле испытывал к Сальваторе Ротоло, было так велико, что тот пользовался его услугами в самых щекотливых случаях; бывало, что последний состоял охранником у босса в особо опасные моменты или, например, шпионил за генералом Карло Альберто Далла Кьеза.

Можно себе представить, с какой легкостью Сальваторе Ротоло мог следить за перемещениями генерала, поскольку известно, что к концу жизни последний счел излишними предосторожности, какими пользовался в прошлом, во время своей борьбы с террористами из «красных бригад». Задача Ротоло была предельно проста: ему надо было наблюдать за виллой, расположенной на склоне горы Пелегрино; генерал Далла Кьеза имел обыкновение часто ее посещать.

Неизвестно, как Филиппо Маркезе узнал, что генерал был частым гостем в этом доме, где встречался с обществом достойных людей; установлено, что глава «семьи» Корсо дей Милле именно там собирался устроить ему засаду. Сальваторе Ротоло понадобилось всего несколько дней, чтобы выяснить, что виллу, хорошо укрытую от глаз, невозможно атаковать с фасада. Зато после тщательных проверок Сальваторе Ротоло понял, что гораздо проще убить генерала Карло Альберто Далла Кьеза в момент, когда он приезжает на один из палермских пляжей, чтобы искупаться.

Но план Сальваторе Ротоло не был осуществлен, и 3 сентября 1982 года генерал Карло Альберто Далла Кьеза был убит в самом центре Палермо вместе со своей женой и охранником, который следовал за ними в бронированном автомобиле. Ничто не дает оснований утверждать, что именно Филиппо Маркезе разработал план этой операции, так же как, несомненно, мы никогда не узнаем имен десятка «людей чести», участвовавших в этой засаде. Но судьи и полицейские убеждены, что во главе операции стоял не кто иной, как генеральный секретарь Капитула Микеле Греко, который, безусловно, поручил нескольким близким к нему людям, таким как Филиппо Маркезе, разработать различные сценарии, чтобы уничтожить генерала, столь надоевшего в Палермо и не пользовавшегося поддержкой в Риме.

— Мне кажется, я понял новые правила игры, — заявил генерал Карло Альберто Далла Кьеза незадолго до своей гибели. — Теперь человека при власти уби-

вают только в том случае, когда обнаруживается некое фатальное совпадение: он становится слишком опасен и совсем не пользуется поддержкой правительства.

Читая эту выдержку из интервью, опубликованного римской газетой «Република», многие «люди чести» должны были сказать себе, что дни генерала сочтены.

Враждебность, если не сказать ненависть, которую испытывали к генералу Далла Кьеза политические деятели Рима и Палермо, уже не были секретом ни для кого, тем более для генерального секретаря Капитула Микеле Греко, у которого было немало друзей в христианско-демократической партии, как это нам уже известно. Что же касается опасности, которую представлял собой Далла Кьеза, то о ней «люди чести» узнали в начале июля, когда судебным властям города был представлен полицейский «рапорт-162».

«Рапорт-162»

Подписанный различными начальниками полиции города, этот рапорт на почти двухстах страницах разоблачал преступную деятельность ста шестидесяти двух жителей города, обозначенных в документе как наиболее влиятельные и опасные члены «Коза ностры». Дело в том, что изложенные в рапорте факты были в подавляющем большинстве точны, к тому же в списке тех, кого должна была арестовать полиция города Палермо, впервые фигурировало имя Микеле Греко.

Для правосудия генеральный секретарь Капитула до сих пор оставался всего лишь крупным землевладельцем, другом самых влиятельных лиц города, который, правда, запятнал свое имя некой крупной суммой неотмытых денег, полученных от торговли наркотиками. До той поры Микеле Греко делал все, чтобы защитить свое «честное» имя, и «люди чести» города знали, что генеральный секретарь Капитула не колеблясь предаст смерти любого из близких, ес-

ли тот, к несчастью для себя, упомянет его имя в каком-то криминальном контексте. А это значит, что рапорт не мог не вывести Микеле Греко из себя.

Рапорт был тем более опасен для «Коза ностры», что в первый раз некоторые из «людей чести» нарушили знаменитый обет молчания, *omerta*, согласившись помогать полиции. Точность фактов, о которых было доложено в рапорте, объяснялась наличием по меньшей мере трех источников информации в недрах самой мафии, при этом у нас есть все основания полагать, что имена этих людей нам с вами уже хорошо знакомы: Сальваторе Конторно, доблестный Кориолан, который все еще находился в бегах; инженер *Игнацио Ло Прести*, двоюродный брат недавно убитого Нино Сальво; и, наконец, глава «семьи» Риези Джузеппе Ди Кристина, о печальном конце которого читатель уже знает. Видя, к чему идет дело, все трое не сговариваясь доверили свою судьбу карабинерам, при условии, что их никогда не вызовут в суд и их имена никогда не будут названы.

Сам факт существования этих беспрецедентных признаний «людей чести» представлял действительную опасность, которая подстерегала «Коза ностру». Что же до остального, то передача рапорта судебным властям города и тот факт, что в результате были подписаны ордера на арест указанных в рапорте людей, мало повлияли на повседневную жизнь мафиози. Те из ста шестидесяти двух, кто еще не перешел на нелегальное существование, просто-напросто сменили жилье, и не думая сворачивать свою преступную деятельность.

За несколько дней до представления рапорта все «люди чести» острова были о нем предупреждены. И прежде чем завыла полицейская сирена, все они приняли свои меры, чтобы уйти от преследования. Филиппо Маркезе приказал своим «людям чести» стараться какое-то время дома не ночевать. Гроза сообщил об этом своему брату Винченцо Синагре, добавив, что сам он отправляется в одну надежную гостиницу, расположенную недалеко от Палермо.

— Делай, как я, смени жилье.

Винченцо Синагра ответил, что считает маловероятным, чтобы его имя фигурировало в списке тех, кого собиралась арестовать полиция, ибо она охотится за мафиози значительно более крупного масштаба.

— Это неважно, — отрезал Гроза. — Тебя могли видеть в их обществе.

Осторожность никогда никому не мешала.

Сообщники в полиции

Когда Винченцо Синагре рассказали, что Филиппо Маркезе знал все о рапорте до того, как с ним ознакомились судебные власти, он не очень-то удивился. Ему было известно, что важные чины в полиции, а возможно, и в палермском суде прикрывают преступную деятельность главы «семьи» Корсо дей Милле.

Его кузен Гроза дал ему понять, что «семья» располагает очень влиятельным союзником в самом Дворце правосудия города, но Винченцо Синагра так и не узнал, о ком шла речь. Может быть, это был один из заместителей прокурора или даже кто-то из тех следователей, которые были призваны бороться с мафией.

Такие случаи, конечно, редки, но можно все же сказать, что сговор между некоторыми государственными чиновниками и «семьями» «Коза ностры» происходит чаще, чем хотелось бы. В Палермо один судья был отстранен от занимаемой должности из-за какой-то темной истории, в то время как у одного заместителя прокурора Республики Трапани обнаружили огнестрельное оружие со сбитыми номерами, снабженное глушителями, а также десятки миллионов лир в крупных купюрах; на другом конце острова, в городе Катании вся судебная власть оказалась под подозрением в связях с мафией. Все же необходимо признать, что тут и там горстка стойких чиновников, смелостью которых нельзя не восхищаться, всегда обеспечивала бесперебойный огонь по пози-

циям «Коза ностры», и доказательства тому мы увидим в ходе дальнейшего повествования.

Винченцо Синагре было известно, что «семья» Корсо дей Милле пользовалась услугами целого ряда полицейских. Гроза объяснил ему, что Филиппо Маркезе регулярно платил трем руководителям палермской полиции, одному комиссару, одному лейтенанту и одному полковнику, которые служили в главном управлении сил общественного порядка в Кестуре на виа Рома. Поскольку он некоторое время занимался контрабандой сигарет и наркотиков в компании Пьетро Верненго, Гроза вполне мог пользоваться услугами тайных сообщников «семьи», которые находились в другом подразделении полиции, призванном обеспечивать охрану границ.

Если верить Винченцо Синагре, близкие к мафии полицейские постоянно оказывали услуги некоторым «людям чести». Однако ему стало известно лишь немного из того, что свидетельствовало о такой широте подхода к своим обязанностям со стороны некоторых полицейских чинов.

После одной ссоры, которая окончилась перестрелкой, к счастью, не повлекшей за собой жертв, у Винченцо Синагры отобрали удостоверение личности и стали регулярно вызывать для дачи показаний в районное отделение палермской полиции, так что он стал опасаться, как бы его не арестовали. Неприятное дельце, которое требовало вмешательства «семьи».

В один прекрасный день Винченцо Синагра отправился в комиссариат первого района вместе с «человеком чести» Корсо дей Милле, одним из братьев Савока, известным своими связями с полицией.

— Подожди меня здесь, — сказал Савока перед входом в комиссариат.

Через несколько минут Винченцо Синагра увидел, что его товарищ делает ему знаки из окна на одном из верхних этажей. Зайдя в здание, Винченцо Синагра был очень тепло принят одним из друзей Савоки, сержантом, который вернул ему удостоверение, извинившись за то, что в документе проставлена от-

метка, ограничивающая передвижения названного лица за пределами страны. Если бы Синагра уведомил о своих неприятностях раньше, дело, безусловно, не зашло бы так далеко, якобы заметил при этом полицейский чин.

Через несколько недель Винченцо Синагра видел этого любезного полицейского в квартале Корсо дей Милле. Сержант вошел в бар на площади Святого Эразма с пустыми руками; он вышел оттуда, держа красиво упакованные коробки с пирожными. Потом он зашел в рыбный магазин некоего Тальявия, предположительно «человека чести», а вышел еще и с дамами моря.

— Он из наших, — сказал Гроза, который тоже все это видел.

Такие унаследованные от прошлого связи до того времени были чем-то само собой разумеющимся в мире «людей чести». Но вскоре положение изменилось, и стало все сложнее добиваться услужливости от полицейских. С наступлением времени массовых убийств ничто уже не напоминало прошлые времена.

«Треугольник смерти»

Никогда на памяти жителей Палермо не было еще такого тяжелого августа. Можно было подумать, что сирокко, зарождавшийся в пустынях Ливии и временами налетавший на город, вдохнул знойное безумие в головы «людей чести». В течение пяти дней полиция обнаружила одиннадцать трупов, а точного числа пропавших было просто невозможно установить. Настораживало то, что все эти расправы происходили словно нарочно в одном и том же районе города, в своеобразном треугольнике, ограниченном жилыми массивами Кастельдакья, Багерии и Альтавиллы, и этот треугольник не замедлили окрестить «треугольником смерти». Такой образ кажется неверным лишь с точки зрения географической: все три района находятся на одной ломаной линии, — но за-

то он придает событиям значение какой-то тайной войны, за ходом которой можно было бы следить по карте и которая как будто назревала на этом участке побережья.

Пролегающая на высоте Багерии магистраль уже не была больше похожа на проселочную дорогу в сицилийской провинции, по которой носились лишь трехколесные грузовые мотороллеры, украшенные, как их недавние предшественники-телеги, какими-то незатейливыми и аляповатыми рисунками. Генерал Карло Альберто Далла Кьеза разбил этот треугольник на секторы, и посты вооруженных автоматами карабинеров были расставлены повсюду, чтобы осуществлять контроль за лабиринтом проселочных дорог, теряющихся в прибрежных зарослях лимонных деревьев. Именно здесь находились загородные резиденции большинства «людей чести» города. Например, если говорить о Филиппо Маркеше, то он располагал в этом «треугольнике смерти» даже не одним убежищем. Сказать по правде, присутствие карабинеров генерала Далла Кьеза в этих краях слишком большого беспокойства не вызывало.

В то время у главы «семьи» Корсо дей Милле были другие заботы. Только что убили одного из его родственников, и Филиппо Маркеше, который чуть ли не присутствовал при убийстве, решил отомстить за эту смерть. Это был не только вопрос чести, но и вопрос безопасности. У Филиппо Маркеше было столько причин умереть, что и он, и окружающие полагали: единственная для него возможность выжить — выказать себя более вероломным и безжалостным, чем те, кто его атаковал. Вскоре после убийства родственника Филиппо Маркеше знал уже одно имя: Чезаре Манцелла, бывший рабочий завода «Фиат», тридцати восьми лет; кажется, он лучше других знал об этом деле.

Несмотря на усиленные посты полиции, Чезаре Манцелла был похищен утром 8 августа и отвезен в заброшенный магазин, расположенный в местности под названием Балате, недалеко от Виллабате, на границе «треугольника смерти». Там, в присутствии не-

скольких «людей чести», среди которых были Винченцо Синагра и глава еще одной «семьи», Филиппо Маркезе подверг его допросу. Человек этот утверждал, что ничего не знает об этом деле, но что некий механик из Багерии по имени Игнацио Педоне наверняка имеет что сообщить.

— Приведите мне этого Педоне! — приказал Филиппо Маркезе.

На то, чтобы съездить в Багерию и отыскать там Педоне, ушло чуть больше десяти минут.

Несчастный механик знал не больше, чем его товарищ. Если верить его словам, он всего-навсего починил машину одного толстяка, предполагаемого убийцы родственника Филиппо Маркезе. Но этого было достаточно, чтобы умертвить и его. Винченцо Синагра утверждал, что оба этих человека, Чезаре Манцелла и Игнацио Педоне, были задушены сразу же по окончании допроса. Но на этот раз у Филиппо Маркезе не было желания растворять трупы в кислоте, а уж тем более бросать их в море. У него была еще более гнусная идея.

Вызов

Размещение карабинеров генерала Далла Кьеза в «треугольнике смерти» было расценено «людьми чести» как оскорбление действием. Они не могли не отреагировать на это. Телефонные звонки раздавались в различных комиссариатах; неизвестные брали на себя ответственность за те или иные преступления. Указывая, где можно отыскать очередные трупы, убийцы из «треугольника смерти», как они себя называли, уточняли: «Операция, которую мы условно называем «Карло Альберто» в честь префекта, подходит к концу. Повторяем: подходит к концу!»

Мысль бросить вызов карабинерам тем более соблазняла Филиппо Маркезе, что он уже пытался однажды поиграть с ними, выдав им тело, но, как мы видели, безуспешно. На этот раз глава «семьи» Корсо

дей Милле решил ничего не пускать на самотек, чтобы все получилось так, как было задумано.

В «треугольнике смерти» уже наступила ночь, когда в казарме карабинеров в Кастельдачче зазвонил телефон. И хотя это место расположено в самом центре поля боя мафии, в двух минутах от Багерии, оно всегда было на удивление тихим. Дежурный карабинер, который снял трубку, должно быть, немало удивился, услышав голос, с сильным сицилийским акцентом говоривший такие слова:

— Перед казармой припаркован зеленый «фиат-127». Подойдите и для интереса загляните, что там внутри.

В автомобиле карабинеры обнаружили тела Игнацио Педоне и Чезаре Манцеллы, которые были доставлены сюда по приказу Филиппо Маркезе. Когда генералу Карло Альберто Далла Кьеза доложили об этом, он, конечно, не мог не поразиться наглости «людей чести». Возможно, он даже не понял, что хотя Чезаре Манцелла и Игнацио Педоне были убиты по оставшимся для него невыясненным причинам, тот факт, что их тела подбросили к казарме карабинеров, означал вызов лично ему, префекту Палермо. В знаковой системе мафии это было больше, чем предупреждение, это был приговор. Именно ему. И меньше месяца спустя генерал Карло Альберто Далла Кьеза, его жена и охранник были расстреляны из «калашникова» в самом центре Палермо. Но мало кто в те дни понимал, что это убийство стало доказательством беспрецедентного кризиса в недрах мафии, который угрожал отныне самому существованию «Коза ностры».

ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ

Правосудие в осаде

Расположенный на площади Витторио Эмануэле Орландо, на границе исторического центра города, Дворец правосудия представляет собой любопытное смешение бетона и мрамора, которым тщательно облицовано все, что только можно. В конце марта 1984 года, то есть спустя около трех лет после начала войны «семей», это здание, остов которого напоминает гигантский бункер, сильно смахивало на осажденную крепость. К лестницам дворца были приделаны наклонные плоскости, так чтобы бронированные автомобили могли подъезжать прямо к входной двери. Когда-то вход во дворец был свободным. Теперь даже парковка автомобилей в окрестностях дворца была запрещена. Посетители и подсудимые должны были, переступив порог, пройти через ряды фотографирующей техники, а затем передать свой документ, удостоверяющий личность, бесстрастным полицейским для снятия с него копии. После чего можно было наконец перейти в огромный зал, который по будним дням был очень похож на растревоженный улей.

В главном холле Дворца правосудия с 9 до 13 часов проходило что-то вроде ярмарки мафиози. Именно здесь находились те «люди чести», которые могли в открытую показаться своим адвокатам. Первых можно было узнать по их бычьим шеям и мане-

ре одеваться, которая заключалась либо в следовании стилю нуворишей, либо в проявлении обычного сицилийского дурновкусия; их защитники в большинстве случаев были всегда хорошо одеты: летом — в льняные, зимой — в тонкой шерсти костюмы, с палермским лоском. Надо видеть, как они вели свои дела посреди Дворца правосудия, где их ожидали еще и близкие родственники убитых и пропавших мафиози. Делегации находившихся на нелегальном положении «семей», как правило, состояли из маленьких, одетых в черное старушек в сопровождении неразговорчивых деревенских баб.

В коридоре, ведущем вокруг холла налево, с десяток молодых людей окружают охрану, стоящую у входа в кабинеты следователей. Им всем примерно лет по двадцать пять, и в большинстве своем это карабинеры. У них довольно необычная униформа: джинсы «венеттон», рубашка от Черутти, а через плечо — португепя с кобурой из хорошей кожи, в которой хранится крупнокалиберное оружие, обычно 357-й «магнум». Снаружи они прохаживаются с автоматическими пистолетами в руке, готовые открыть стрельбу при малейшей опасности. Говорят, все они — чемпионы по стрельбе на звук. Пожелаем же им приятного и неопасного для жизни времяпрепровождения. Ночью и днем они начеку, чтобы защитить следователей и судей, которые благодаря своему мужеству и настойчивости стали смертельными врагами «людей чести». Мысль о том, что вам придется постоянно жить в присутствии этих парней, вечно стоящих за вашей дверью, будь то дверь в служебный кабинет или в туалет у вас дома, может напрочь лишить присутствия духа самого отпетого оптимиста.

— На Сицилии государство представляет горстка осажденных людей, — объяснял старейшина палермского суда *консильере* Рокко Кинничи. — Достаточно лишь выйти из этого бункера и пройтись по жалким улочкам, на которых каждый платит дань рэкетирам, потолкаться в этой наглой и ни во что не верящей толпе, где наемный убийца стоит всего не-

сколько лир, чтобы понять, насколько одинок сегодня тот, кто борется против мафии.

Консильере Кинничи был человеком полным, скрывавшим свою железную волю под внешностью добродушного чревоугодника. Именно по его настоянию палермские власти возглавили крестовый поход против мафии. Его убийство продемонстрировало, что такое правосудие по-сицилийски.

Когда правительство мафии принимает решение, оно должно быть выполнено любой ценой. Так, в начале лета 1983 года Капитул решил, что *консильере* Рокко Кинничи должен быть уничтожен, без сомнения, потому что он «прижал» Папу, Микеле Греко. Как и всех других представителей власти, Рокко Кинничи нельзя было бы назвать легкой мишенью. Постоянно окруженный примерно пятью телохранителями, этот человек почти нигде не бывал. Для того чтобы получить возможность убить его, «людям чести» пришлось пойти на чрезвычайные меры. 29 июля 1983 года в 8 часов 08 минут, когда *консильере* Кинничи выходил из дома, автомобиль, начиненный по меньшей мере пятьюдесятью килограммами взрывчатки, взорвался, разнеся на части самого следователя, троих его телохранителей и привратника дома, в котором он жил.

После смерти *консильере* Кинничи сотрудники палермского Дворца правосудия поняли, что отступить в любом смысле этого слова уже невозможно. Нельзя было дать задний ход машине правосудия: за последние четыре года они доставили слишком много неприятностей «людям чести». И если «Коза ностре» понадобилось бы убить любого из них, ничто не могло бы этому помешать. Это был бы лишь вопрос времени и средств.

Итак, не питая особых иллюзий, власти усилили меры по обеспечению безопасности внутри Дворца правосудия и создали команду следователей, которые должны были вести одни и те же дела. И жизнь пошла своим чередом. По утрам во дворце было все так же оживленно. В коридорах адвокаты продолжали сговариваться со своими клиентами, время от времени мимо них проходили следователи и судьи,

окруженные телохранителями так плотно, что, казалось, они ожидали, что сразу по выходе из дворца на них непременно будет совершено покушение.

В послеполуденное время, когда во дворце становилось пустынно и «смотреть» адвокатов и их подзащитных оканчивался, запертые в своих бронированных кабинетах следователи работали в полной тишине и полной тайне. Если у них не было назначено встречи с информаторами — полицейскими или служащими банков, — чиновники приступали к опросу обвиняемых или к очным ставкам.

Из всех чиновников, сидевших во Дворце правосудия, Джованни Фальконе был, несомненно, самым грозным для мафии города. Это был человек с виду очень мягкий, с небольшой бородкой, внешность и обходительность которого вызывали всеобщее восхищение. У Джованни Фальконе было больше, чем у кого бы то ни было во Дворце правосудия, причин оказаться в списке убитых. Не только оттого, что он был из тех, кто, не щадя жизни, отчаянно бросился на борьбу с мафией, но и потому, что ему еще и многого удалось добиться. Джованни Фальконе понял, что единственно верное средство победить «людей чести» — подорвать финансовую основу их деятельности, и ему удалось успешно провести целую серию банковских расследований, благодаря которым более чем против ста мафиози было возбуждено уголовное дело по факту торговли наркотиками.

Банковские расследования

Прежде чем целиком окунуться в бизнес, связанный с наркотиками, «Коза ностра» получала свои, хоть и тоже несправедные, но гораздо меньшие доходы от другой преступной деятельности. Раньше различные «семьи» жили благодаря рэкету, который они осуществляли в отношении торговцев каждого палермского квартала, а также благодаря спекуляции недвижимостью и контрабанде сигарет. И как бы ни были значительны доходы от такого рода деятельно-

сти, они были несопоставимы с теми прибылями, которые мафиози стали получать от торговли так называемыми тяжелыми наркотиками.

Захват в 1979 году в аэропорту Палермо чемодана, в котором находилось 600 тысяч долларов, в первый раз показал властям, каковы размеры доходов «Коза ностры». Если верить утверждениям американского Агентства по борьбе с распространением наркотиков, мафия выручает с каждого килограмма героина, присылаемого в Нью-Йорк, 250 тысяч долларов. Больше того. Поскольку, деля один килограмм героина, получают 33 тысячи доз, это равнозначно полутора миллионам долларов. Понятно, что при таком раскладе привлеченные легкими и быстро оборачиваемыми барышами очень многие торговцы недвижимостью, ювелиры и другие связанные с «Коза нострой» коммерсанты отказались от своей первоначальной деятельности в пользу торговли героином.

На заре 80-х годов на Сицилии действовало по меньшей мере пять подпольных лабораторий по производству героина, каждая из которых могла перерабатывать по 50 килограммов опиума, производя соответствующее количество белого порошка, столь же чистого, сколь и смертельного. И хотя лаборатории работали не на полную мощность, предположительно две тонны наркотиков каждый год переправлялись в Соединенные Штаты, что составляло значительную долю всего потребления героина в США. В обмен на Палермо и окрестности пролился буквально золотой дождь, то есть десятки миллионов долларов.

Вначале, не слишком долго раздумывая, «люди чести» помещали наркодоллары на свои счета в банках, а то и прямо расплачивались за свои покупки зелеными бумажками с изображением Джорджа Вашингтона. Именно Фальконе первым заметил, какую ценную информацию могло дать изучение банковских счетов некоторых «людей чести» и тех сумм, которые по этим счетам проходили. Именно благодаря этому ему удалось загнать в угол торговцев недвижимостью, и не какую-нибудь мелочь, а

Розарио Спатолю, пятого по богатству человека в Италии, двоюродного брата Сальваторе Инцерилло. Но самой знаменитой жертвой дотторе Фальконе стал, несомненно, мэр Багерии Микеланджело Айелло, который получил на один из текущих счетов около двух миллионов наркодоолларов из банка с Багамских островов через одно швейцарское кредитное учреждение.

С начала проведения банковских расследований двадцать четыре карабинера днем и ночью обеспечивали безопасность Джованни Фальконе. Этот человек стал в Палермо легендой. Каждый знал, что для его пущей безопасности перед домом, в котором жил Джованни Фальконе, была поставлена бронированная будка, снабженная системой телеслежения. Весь город был в курсе личной жизни *дотторе*: каждый раз, когда он наносил визит своей невесте, квартал переходил на осадное положение. Утверждали даже, что, когда Джованни Фальконе купался, телохранители прохаживались взад-вперед перед ванной. Человек этот не был предоставлен самому себе даже на отдыхе. Для того чтобы отдохнуть, он вынужден был в августе отправляться на островок Азинара, остров Дьявола по-итальянски, расположенный на широте Сардинии. На острове этом была тюрьма, которая славилась своей охраной.

Ни на кого не похожий обвиняемый

30 марта 1984 года в 17.40 *дотторе* Джованни Фальконе в своем бронированном кабинете во Дворце правосудия собирался провести одну очную ставку, обещавшую быть очень интересной. Он пригласил участвовать в действе двух своих коллег. В кабинете также присутствовали два адвоката, их клиент (бывший коллега). Напротив него сидел молодой человек, немного взволнованный, с ужасными приключениями которого читатель уже знаком. Это был Винченцо Синагра, тот самый, который выполнял наиболее грязную работу в «семье» Корсо дей Милле,

будучи чуть ли не неизменным атрибутом «комнаты смерти».

Винченцо Синагра был арестован 11 августа 1983 года, потому что слишком уж зарвался. Читатель помнит, что он был человеком, оказывавшим самые разнообразные услуги «семье» Корсо дей Милле, которая в течение шести месяцев привлекала его к делам то по ликвидации трупов, то по вымогательству денег у торговцев. Но чем дальше шло дело, тем более требовательным становился его шеф, Филиппо Маркезе.

Так случилось, что за несколько часов до своего ареста Винченцо Синагра получил приказ убрать своего друга детства по имени Диего Ди Фатта, который был виновен в том, что выхватил из рук одной дамы сумочку, не спросив на то разрешения у кого-нибудь из членов «семьи», контролировавшей территорию. Винченцо Синагре неспроста предложили участвовать в убийстве Диего Ди Фатты: перво-наперво его, конечно, хотели проверить, а кроме того, он должен был послужить своеобразной «приманкой». Никогда Диего Ди Фатта не заподозрил бы своего закадычного друга, Винченцо Синагра же был, естественно, в компании своих братьев, Грозы и Антонино.

Ловушка сработала, как и было рассчитано. Диего Ди Фатта разъезжал на мотороллере по улочкам древней арабской части города, Кальсы, недалеко от порта, когда услышал, как Винченцо Синагра позвал его по имени. Он остановился и увидел Винченцо и Грозу, выходящих из «фиата-126». У него, конечно, не было времени подумать, зачем он мог им понадобиться. Подойдя к нему, Гроза выпустил ему в голову несколько пуль. Винченцо Синагра тоже открыл огонь, но в этот момент что-то на него нашло. Несмотря на все усилия, он не мог потом вспомнить, куда целился и в какую часть тела разрядил свой пистолет. В спешке он забыл свое оружие в «фиате», который они бросили недалеко от места преступления. В результате в тот же вечер все три брата были арестованы и отправлены в тюрьму Уччардоне.

Раскаяние

Спустя примерно восемь месяцев Винченцо Синагра оказался в кабинете следователя Джованни Фальконе как свидетель обвинения. Пережив ужас от воспоминаний о том, что ему довелось проделать, потрясенный убийством своего друга Ди Фатты, Винченцо Синагра согласился сотрудничать с полицией и правосудием, когда находился в психиатрической больнице Монтелупо Фьорентино в Тоскане. С тех пор ему много раз пришлось повторять свои показания судьям и полицейским. Именно это он готов был сделать и теперь, но на этот раз уже в присутствии «человека чести», которого он обвинял.

Винченцо Синагре пришлось пережить многие сомнения, прежде чем он решился давать показания против членов своей «семьи». Он пошел на это, как он говорил, не ради гипотетического наказания, которое должны были понести преступники, но в надежде заслужить прощение родственников погибших. Винченцо Синагра знал, на что способен его бывший «крестный отец», он знал, что Филиппо Маркезе пользуется услугами своих сообщников, сидящих даже во Дворце правосудия Палермо. Вот почему вначале Винченцо Синагра согласился рассказать все, что знает, только после того, как его вывезли с острова, когда он находился в пенитенциарном психиатрическом заведении, врачи которого пришли к заключению, что он вполне вменяем.

Одолев свои страхи, Винченцо Синагра согласился вернуться на Сицилию, чтобы указать следователям места, где происходили все те жуткие события, о которых он им рассказал. Кроме того, ему надо было еще ответить на вопросы, которые хотели задать ему несколько посвященных в дело следователей. До встречи с палермскими следователями он не знал имен большинства из них, но среди них было все же имя, которое он слышал уже много раз. Это было имя Джованни Фальконе.

Винченцо Синагра знал, что его шеф Филиппо Маркезе питал глубокую ненависть к этому человеку,

в котором видел смертельного врага. Филиппо Маркезе считал Джованни Фальконе главной причиной тех репрессий, которым подверглись многие «семьи» «Коза ностры». Глава «семьи» Корсо дей Милле был убежден, что именно вмешательством таких, как Фальконе, объясняется тот факт, что итальянский парламент принял законы, предусматривающие конфискацию имущества у членов мафии.

Достояние «Коза ностры»

Гнев Филиппо Маркезе тем более понятен, если знать, что у «людей чести» очень развито чувство собственности. Тот факт, что «Коза ностра» была изначально организацией феодального типа, достаточно объясняет невероятную привязанность «людей чести» к земле. А потому нет ничего удивительного, что добрая часть денег, полученных от торговли наркотиками, была истрачена ими на приобретение роскошных вилл на палермском побережье, а также нескольких гектаров плодородных земель.

Так, генеральный секретарь Капитула Микеле Греко в течение нескольких лет стал одним из самых крупных землевладельцев острова. Намеренно или случайно, но одно из сельскохозяйственных обществ, которое Микеле Греко благодаря наркодолларам поставил на ноги, *Derivati Elaborati di Agrumi*, имело те же инициалы, что и подразделение американской полиции, призванное бороться с наркотиками: DEA.

Если большинство «людей чести», которые занимались контрабандой героина, владели впечатляющим числом вилл на Сицилии — по крайней мере по одной на каждое время года, — тем не менее случалось и так, что они размещали свое состояние за границей.

Пиццерии в Испании, латифундии в Латинской Америке — владения «людей чести» соответствовали их обыденным представлениям о жизни. Известен даже случай, когда «крестный отец» вместе с одним бандитом из Неаполя хотел купить сырный заводик в Нормандии.

«Люди чести» не брезговали вкладывать свои наркодоллары и в промышленность Сицилии. Торговцы недвижимостью, ювелиры, торговцы предметами гигиены, фабриканты, производившие известь, открывали счета своих компаний благодаря подарку судьбы в виде наркодолларов. Следователи обнаружили, что промышленность Сицилии служила средством для отмыывания наркоденок, вот почему и был принят закон, позволяющий конфисковывать имущество мафиози и их сообщников. Проявив себя одним из самых ярких сторонников принятия этого закона, следователь Фальконе применял его с большим рвением после того, как парламент наконец за него проголосовал.

Винченцо Синагра знал, что Филиппо Маркеше поручил нескольким своим людям следить за малейшими передвижениями следователя, чтобы устранить его. Но до настоящего времени главе «семьи» Корсо дей Милле не удавалось осуществить задуманное. Это не могло не вывести его из себя. Винченцо Синагра помнил, как Филиппо Маркеше сказал однажды Пино Греко, главе «семьи» Чакулли:

— Надо убить Фальконе, он начинает хватать нас за яйца.

То, что он сидел в кабинете у человека, который не только осмелился вывести из себя главу «семьи» Корсо дей Милле, но и смог уйти от его убийц, конечно, усиливало доверие Винченцо Синагры, которое он испытывал к Фальконе. А он в этом очень нуждался.

Дело в том, что задача, которая стояла в тот день перед Винченцо Синагрой в бронированном кабинете Дворца правосудия, была не из легких. Ему предстояла очная ставка с «человеком чести», а обвинять всегда тяжело, тем более человека, о котором ты точно знаешь: он опасен.

Адвокат или сообщник

Обвиняемый был толстый человек, который слишком часто моргал, чтобы скрыть нервный тик. По трагической иронии судьбы, человек этот вошел

к следователю в наручниках и с конвоем, в то время как привык входить в этот кабинет совсем в другом качестве, в качестве защитника. Сальваторе Каракане, так его звали, был членом коллегии адвокатов города Палермо. Он сделал себе карьеру, защищая «людей чести» в городском суде, и должен был, среди прочего, заняться защитой интересов Винченцо Синагры. А этот самый Синагра обвинил его сегодня в том, что он является сообщником главы «семьи» Корсо дей Милле.

Составленный во время очной ставки протокол гласит, что первым слово взял обвиняемый.

— Я хотел бы, — сказал адвокат Сальваторе Каракане, — чтобы синьор Синагра повторил в моем присутствии те гнусные наветы, которые он счел возможным произнести в мой адрес, извратив то, что я ценю превыше всего: мою деятельность в качестве адвоката.

Легко можно представить себе возмущение, которое двигало адвокатом Каракане в момент, когда он произносил вышеприведенные слова, облеченные в юридически точные формулы. Дело было тем более серьезным, что речь шла о легальной защите «людей чести», которая вдруг оказалась под вопросом в кабинете следователя Фальконе.

Не будучи самым красноречивым в коллегии адвокатов, Сальваторе Каракане принадлежал к тому поколению, которое привлекало к себе растущее число потенциальных клиентов, мафиози, в ущерб своим старшим товарищам. Адвокаты новой мафии были людьми странными. Они знали, что защищать мафиози — верный способ сделать себе состояние в Палермо, однако они знали также, что это возможно только при условии, что ими всегда будут соблюдаться жесткие правила игры.

Одно из главных правил гласило, что адвокат никогда не должен говорить с подзащитным о деньгах. Об этом первыми должны были заговаривать «люди чести»; они сами называли сумму гонорара, который выплачивался регулярно и был довольно значительным. И когда «люди чести» говорили о расходах на

свою защиту, они никогда не выказывали ни малейшего недовольства.

Но в то же время адвокат не должен был принимать слишком крупных сумм, отчасти из опасения сойти за сообщника подзащитного мафиози в глазах закона, но главным образом из страха перед теми возможными услугами, которых могут от него потребовать в обмен на впечатляющее вознаграждение.

Адвокаты должны были также обращать особое внимание на каждое свое слово, на тон, в котором они вели беседу с «людьми чести»; последние общались главным образом на жаргоне, и слова их, как мы уже говорили, были полны скрытого смысла; это могло повлечь за собой трагические недоразумения.

Ко всем этим сложностям отныне добавлялась еще и необходимость соблюдать величайшую осторожность. Поскольку с тех пор, как в Палермо и его предместьях началась война, судьи и полицейские пытались применить «тактику выжженной земли», чтобы изолировать «людей чести» от их сообщников. Вот почему некоторые адвокаты, как, например, Каракане, сами оказались теперь под прицелом у правосудия.

Во время допросов Винченцо Синагра показал, что господин Каракане был не просто защитником интересов Филиппо Маркезе, он назвал его советником «семьи», рекомендации которого «семья» учитывала во всех своих делах. Настало время подтвердить столь серьезные обвинения.

— Повторяю, что я познакомился с адвокатом Каракане, — сказал Винченцо Синагра, — когда приходил к моему брату (Грозе) и некоему Сальваторе Ротоло.

Для того чтобы придать показаниям Винченцо Синагры больше веса, ему был задан уточняющий вопрос, из ответа на который следовало, что он часто посещал вышеуказанных «людей чести» в «преступных целях».

Синагра рассказал, что нередко сопровождал Ротоло и Грозу до двери кабинета Каракане, где он и поджидал, пока они освободятся. Конечно, в самом

этом факте не было никакого состава преступления. Уголовный кодекс не запрещал адвокату принимать в своем кабинете клиентов, даже если то были «люди чести». Дело принимало совсем совсем другой оборот, когда вышеуказанные клиенты имели столь скверную репутацию у властей и разыскивались полицией, как это было, например, с Филиппо Маркезе.

— Когда я приезжал навестить Филиппо Маркезе на виллу, которую я называл выше, — продолжал Винченцо Синагра, — я часто видел его в обществе адвоката Каракане. Они имели обыкновение прогуливаться по саду.

Винченцо Синагра был не единственным свидетелем этих встреч главы «семьи» Корсо дей Милле и его защитника. При этом присутствовали многие «люди чести», что было явным «преступным деянием», как образно сказано в протоколе.

Защищаясь, Сальваторе Каракане заявлял, что его встречи с Филиппо Маркезе были чистой случайностью, и если он и отправлялся на указанную виллу, то исключительно с намерением поговорить с супругой главы «семьи» Корсо дей Милле, его клиента, который случайно оказывался там. Объяснение это было явно неудовлетворительным, тем более что Винченцо Синагра утверждал, что ни разу в жизни не видел синьору Маркезе, и ему можно верить. Может быть, для Сальваторе Каракане было бы лучше, если бы он признал факты, ссылаясь на то, что Филиппо Маркезе был его клиентом.

Если бы дело кончилось только этой очной ставкой, адвокату Каракане, возможно, удалось бы выйти сухим из воды. Многие его коллеги имели обыкновение встречаться в различных местах города с «людьми чести», находящимися на нелегальном положении, и можно даже с уверенностью сказать, что Сальваторе Каракане был не единственным адвокатом, который регулярно посещал Филиппо Маркезе.

В Палермо было уже около ста «людей чести», которые перешли на нелегальное положение. Из-за признаний, сделанных такими же «раскаявшимися», как Синагра, их число очень быстро росло. Как мы

уже видели, жить в Палермо вне закона не представляло особого труда, но накладывало на человека определенные ограничения: так, например, следовало вести скромный образ жизни, чтобы не скомпрометировать тех граждан, которые были выше всяких подозрений и сопричастность которых к «людям чести» была совершенно немыслима. Что до остального, то людям, находившимся вне закона, вовсе не приходилось менять образ жизни и даже привычки. Мафиози ни в грош не ставили правосудие в своей стране, как и жизнь своих сограждан, а потому им недолго приходилось жить легально и гласно. Откуда и вытекало значение адвокатов.

В порядке анекдота можно вспомнить, что именно благодаря тем же адвокатам «людям чести» удавалось быть в курсе бесконечных интриг, которые раздирали сообщество. Таким образом, и слух о смерти Филиппо Маркезе, без сомнения, небеспочвенный, начал циркулировать в этих кругах спустя всего четыре месяца после того, как некоторые защитники главы «семьи» Корсо дей Милле видели его в последний раз.

Часто навещая Филиппо Маркезе, Сальваторе Каракане был не более виновен, чем другие его коллеги. И если их не беспокоили, то лишь потому, что следователям не удавалось заполучить против них таких верных свидетельских показаний, как показания Винченцо Синагры, но это происходило еще и потому, что толстяк адвокат, кажется, временами серьезно превышал свои адвокатские полномочия. Доказательством тесной дружбы, которая связывала его с ужасным главой «семьи» Корсо дей Милле, были те жаркие объятия, в которые, по свидетельству Винченцо Синагры, они всякий раз при встрече заключали друг друга.

Поскольку правонарушение в виде объятий не предусматривалось Уголовным кодексом, в показаниях Винченцо Синагры должны были содержаться более веские обвинения, обосновывающие вызов в суд обвиняемого Каракане. Действительно, если верить бывшему верному помощнику Филиппо Марке-

зе, адвокат обеспечивал главным образом интересы «семьи», помогая тем ее «людям чести», которые в то время содержались в тюрьме Уччардоне.

«Люди чести» в Уччардоне

Преднамеренное убийство, за которое Винченцо Синагра и его братья были арестованы, относится к тем преступлениям, за совершение которых обвиняемых обычно держат в полной изоляции до вызова к следователю. Братья Синагра, помещенные в специально предназначенные для этого камеры, узнали, что в Палермо «изоляция» — пустое слово. Им не только передавали приветы от других «людей чести», содержащихся в тюрьме, но у них еще и была возможность болтать как ни в чем не бывало.

Братья обсудили положение дел. Затем они обратились к делам «семьи». Там, на воле, жизнь стала еще более жесткой, чем прежде. Так, из уст своего брата Грозы Винченцо Синагра узнал, что Филиппо Маркезе приказал убить судебно-медицинского эксперта по имени Паоло Джаконе, виновного только в том, что он идентифицировал отпечаток пальца, который один из родственников главы «семьи» Корсо дей Милле имел неосторожность оставить на месте преступления.

Всего через несколько часов после ареста Винченцо Синагру посетили два «человека чести», Франческо Спадаро и Джузеппе Цанка, которые пришли, чтобы продиктовать ему инструкции шефа. У этих двух мафиози явно были очень важные сообщники, поскольку они не только пользовались относительной свободой передвижения в самой тюрьме, но, кроме того, имели еще и доступ к отделению, где находились одиночные камеры.

— Будь спокоен, — сказали они Синагре, — мы свяжемся с тобой позже.

Немного спустя, то ли назавтра, то ли через день, оба они вновь пришли к Винченцо Синагре. И начали с того, что упрекнули его за забывчивость, имея в

виду оставленный в машине пистолет, из которого он стрелял в несчастного Ди Фатту. Из-за этой ошибки и он, и его братья Гроза и Антонино оказались в трудном положении.

— Они сказали мне, — поведал позже Синагра, — что нужно сделать только одну вещь. По рекомендации адвоката Каракане мы должны были симулировать сумасшествие. Я должен был говорить: «Я хочу на рыбалку»; Антонино: «Я хочу мою мать»; Гроза: «Я хочу лодку».

Эти простые фразы, повторяемые при всяком удобном случае перед судьями и полицейскими, повлекли за собой мгновенное изменение режима содержания братьев Синагра, которые были иммобилизованы, помещены в постели в ожидании тщательного обследования психиатра. Приказав им симулировать сумасшествие, руководители мафии знали, что делали: когда-то немалое число «людей чести», арестованных примерно при таких же обстоятельствах, были помещены в психиатрическую лечебницу, а затем освобождены, поскольку у них были обнаружены симптомы тяжелого заболевания мозга. Главное состояло в том, чтобы удачно вести свою роль. А это, несмотря на кажущуюся легкость, на самом деле было трудным делом.

Как это ни покажется странным после того, что мы узнали о Винченцо Синагре, но все, что он видел, и то, что он делал, позволило ему сохранить свой ум здоровым. Необходимость изображать сумасшествие поставила в затруднение Винченцо Синагру, который присутствовал при множестве убийств через удушение, выбросил в море сколько-то трупов и взорвал еще больше лавочек строптивных торговцев. Хотя после убийства закадычного друга он все же начал бредить, а какое-то время спустя у него появились первые признаки настоящего душевного расстройства. Для него стало невыносимым проводить время привязанным к кровати в обществе своих братьев, находившихся в таком же положении, как и он сам. Время от времени их навещали «люди чести». Они вставали напротив окна палаты, в которой лежали

связанные все трое братьев, и уговаривали их держаться:

— Для вас это единственный шанс выйти отсюда, — говорили они уходя.

Гроза объяснил Винченцо Синагре, что один из них — Джованни Бонтате, брат Стефано Бонтате, как мы уже знаем, убитого корлеонцами.

— Джованни Бонтате принадлежал к прежней мафии, — пояснил Гроза. — Он связался с нами, потому что у него не было выбора после смерти брата. Бонтате — влиятельное лицо, и он может очень часто вступать в контакт с адвокатами.

Как мы помним, Джованни Бонтате не был в хороших отношениях со своим братом Стефано, который возглавлял «семью» Санта Мария ди Джезу с конца 60-х до начала 80-х годов. Со смертью брата Джованни Бонтате не испытывал никаких затруднений, присоединившись к лагерю его противников. В то время, когда он уже находился в Уччардоне, Джованни Бонтате за лояльность был официально назначен преемником нового главы «семьи», и это событие было должным образом отпраздновано в тюрьме Палермо: в камерах, где сидели «люди чести», шампанское лилось рекой.

Джованни Бонтате, кажется, слишком уж близко к сердцу принял судьбу братьев Синагра, безусловно, по команде Филиппо Маркезе, их шефа. Так, в один из следующих визитов он пообещал Винченцо Синагре сделать все, чтобы помочь ему.

— Я передам тебе лезвие для бритвы, — сказал ему Джованни Бонтате, — и ты сможешь нанести себе порезы, которые станут красноречивым свидетельством твоего сумасшествия.

Несмотря на эту заботу, Винченцо Синагра больше не мог изображать слабоумие. После непродолжительного пребывания в психиатрической больнице Святого Эразма в Неаполе Винченцо Синагра вновь вернулся в тюрьму Палермо, где его должны были обследовать дополнительно. На пределе сил Винченцо Синагра передал Джованни Бонтате устное послание через заключенного, работавшего в санчасти.

— Я больше не хочу строить из себя помешанного, — велел он сказать. Ответ не замедлил себя ждать.

Не так уж много времени прошло после этого, и вот два «человека чести» склонились над лежащим Винченцо Синагрой. Их лица были, должно быть, столь же ужасны, как и весть, которую они принесли.

— Ты будешь изображать сумасшедшего, — сказали они молодому человеку, — а если откажешься, тебе отрежут голову.

Винченцо Синагра мгновенно понял, что последние слова сказаны не просто так, что ими действительно обозначена та участь, которая ему уготована, если он откажется от роли сумасшедшего.

И напуганный Синагра продолжал бесконечно твердить о своем желании пойти на рыбалку всякий раз, когда его вызывали на допрос. В остальное время он лежал в своей кровати связанный, говоря с братьями все об одном и том же и бесконечно жалуясь на судьбу.

— Ты испортил нам жизнь, — сказал однажды Антонино Грозе. — Это ты ввел нас в твою новую мафию. И вот результат.

— Заткнись, — отвечал Гроза. — Не нервничай, все будет хорошо. Дядюшка Микеле знает, что надо делать.

Дядюшкой Микеле был, конечно, не кто иной, как глава мафиози, генеральный секретарь Капитула Микеле Греко, о котором «люди чести» говорили, что у него в Палермо власти больше, чем у папы в Ватикане.

Винченцо Синагре было плевать на «дядюшку Микеле», все, что он хотел знать, — это когда его наконец выпустят из тюрьмы. Братья сказали ему, что их дело ведет адвокат Каракане; тогда он спросил, почему же адвокат ни разу не навестил их. Вопрос не был лишен здравого смысла, но Каракане явился пред светлы очи Винченцо Синагры лишь несколько месяцев спустя, в кабинете следователя Фальконе. Ответ, который получил тогда Винченцо Синагра на свой вопрос, был очень простым.

— Он не приходит, чтобы никто не догадался, что

мы и адвокат — то же самое, — объяснили братья, используя термин, принятый в мафии.

Если допустить, что Винченцо Синагра говорит все как было, то, скорее всего, следует предположить, что у адвоката были другие, более основательные причины не навещать своих подзащитных. Господин Каракане в то время вел защиту целого ряда «людей чести» и делал это не особенно удачно, в рамках нескончаемого судебного разбирательства; у него, конечно, не было времени на братьев Синагра, обвиняемых в таком банальном преступлении, как преднамеренное убийство.

Тот, кто должен умереть...

Тюрьма Уччардоне, как мы уже знаем, в то время целиком контролировалась мафиози, которые могли проникнуть туда когда хотели. Вначале Винченцо Синагра все удивлялся и говорил об этом с Грозой. В конце концов, разве Уччардоне не подчинялась официально итальянскому министерству правосудия, которое было призвано следить за исполнением законов республики? Гроза потешался над глупостью брата и рассказывал ему о различных способах обходить закон.

Винченцо Синагра запомнил урок. Он не лишил себя удовольствия повторить его во время очной ставки с синьором Каракане, обвинив его в сговоре с другими заключенными Уччардоне.

Сообщив о том, что адвокат передал одному из заключенных по меньшей мере один пакет с наркотиком, Винченцо Синагра добавил:

— Гроза говорил мне, что по распоряжению Филиппо Маркезе адвокат Каракане протаскивает в Уччардоне все что угодно.

Обвинение было серьезным: оно свидетельствовало о том, что адвокат был одним из самых опасных и усердных прислужников главы «семьи» Корсо дей Милле. Человек, обвиненный в этом, не мог оставить такие слова без ответа.

Можно вообразить, с каким возмущением синьор Каракане произнес:

— Да простит тебе Господь то, что ты говоришь!

Словно услышав в этой фразе какую-то угрозу, Винченцо Синагра не без пафоса ответил:

— Я знаю, что должен умереть. Но, адвокат, не забывайте, что Самсон умер вместе со всеми филистимлянами. Я раскаялся в том, что делал, и горжусь этим.

Один из присутствовавших при очной ставке воспользовался тем, какой поворот принял разговор, чтобы попытаться нанести решающий удар по адвокату. Обращаясь к Винченцо Синагре, он спросил:

— Известно ли вам о принадлежности синьора Каракане к мафии?

— Для меня принадлежность синьора Каракане к мафии очевидна, и сразу по нескольким причинам. Не только потому, что, как я вам уже говорил, я много раз видел его в обществе Филиппо Маркезе, но еще и потому, что Гроза и Сальваторе Ротоло говорили мне, что он из наших. — И чтобы придать больше веса словам «людей чести», которые он привел, Винченцо Синагра добавил: — Его отец был мафиози, он был «крестным отцом» Филиппо Маркезе и контролировал территорию, примыкающую к площади Торре-лунга.

Шокированный адвокат ответил Синагре, что тот недостойн упоминать имя его отца, и отверг эти утверждения, назвав их «гнусными». Позже другие «люди чести» показали, что, действительно, в начале 50-х годов был такой глава «семьи» Пьетро Каракане, который в самом деле контролировал территорию, указанную Винченцо Синагрой. Нам неизвестно, был ли это на самом деле отец нашего адвоката, но следует заметить, что на Сицилии простого факта принадлежности одного из ваших родственников, тем более близких, к мафии достаточно, чтобы считать доказанными обвинения в ваш адрес.

Великое сумасшествие

Если главное, в чем обвинения Винченцо Синагры были уязвимы, заключалось в том, что в большинстве случаев это были сведения не из первых рук, тем не менее целый ряд других свидетельств подтвердили затем его слова. Так, заключенным удавалось предупредить Винченцо Синагру всякий раз, когда следователь собирался подвергнуть его внезапному допросу, что, безусловно, свидетельствовало об утечке информации если не из самого Дворца правосудия, то по крайней мере из коллегии адвокатов. А потому Синагре без особого труда удавалось играть свою роль помешанного перед легковверными следователями.

И поскольку Синагра по-прежнему отказывался отвечать на вопросы, следователь всякий раз приказывал вновь подвергнуть его иммобилизации. Тактика Винченцо Синагры, кажется, давала свои результаты, поскольку его несколько раз направляли на другой конец Апеннинского полуострова в различные психиатрические заведения, где он делал невозможное, чтобы не выдать себя.

И все шло хорошо до того дня в ноябре 1983 года, когда в палате психиатрического госпиталя Монтелупо Фьорентино Винченцо Синагра сломался. Усталость от бесконечного повторения своей роли сумасшедшего притупила в нем страх расправы, и тогда бывший подручный Филиппо Маркеше попросил, чтобы к нему пригласили следователя. Он готов был рассказать все, что знал об ужасной «семье» Корсо дей Милле.

«Семейный» лабиринт

То, что рассказал Винченцо Синагра, содержится более чем на трехстах страницах протокола, который вела небольшая группа следователей. Ничего не утаивая, бедняга поведал в мельчайших деталях о жизни «семьи» Филиппо Маркеше, описывая с тошно-

творной тщательностью убийства, свидетелем которых он был; он не колеблясь, когда было нужно, приводил карабинеров на место преступления, так что им становились все более понятны те чудовищные ритуалы, которые проводили «люди чести».

Так, однажды молодой человек привел следователей в ту знаменитую «комнату смерти», в которой Филиппо Маркезе и Пино Греко на его глазах собственными руками задушили по меньшей мере четверых. В этом же доме полиция обнаружила огнестрельное оружие, несколько граммов кокаина, который, как полагают, предназначался для воодушевления палачей, а также шнур, на котором были обнаружены волоски и кровь по меньшей мере трех разных людей.

Но если рассказ об убийствах и других преступлениях, совершенных людьми Филиппо Маркезе, о которых поведал Винченцо Синагра, вдаваясь в мельчайшие детали, вполне совпадал с заключениями специалистов и данными экспертиз, то было одно уязвимое место в обвинениях Синагры: имена. Молодой человек оказался не в состоянии правильно называть имена жертв и сообщников, за исключением, что вполне понятно, имен людей, которых он близко знал.

Хотя Винченцо Синагра более шести месяцев являлся членом «семьи» Корсо дей Милле, он все еще плохо ориентировался в джунглях «Коза ностры». Если он знал в лицо большинство «людей чести» своего квартала, то чаще всего понятия не имел, как их зовут. К тому же во многих «операциях» он участвовал, не имея ни малейшего представления о личности жертвы. Проблема идентификации стала практически неразрешимой, когда Винченцо Синагру попросили назвать «людей чести» из других «семей».

В его оправдание следует сказать, что в то время редки были люди, которые могли ориентироваться в этом лабиринте палермских «семей». Вряд ли нашелся бы специалист, способный нарисовать генеалогическое древо мафии, где часто родственные связи удваивались или утраивались через женитьбу или кре-

щение, и уже одним своим существованием усиливали «семейную» сцепку. Сложность задачи усугублялась еще и тем, что нередко можно было встретить с десяток членов одной и той же «семьи», носивших одни и те же имя и фамилию. Приходилось различать их по отцу или в крайнем случае по бабушке. Между ними, правда, принято было давать друг другу прозвища, что, безусловно, облегчало дело. Что касается мелких сошек, как Винченцо Синагра или его братья, то такого сорта люди и не должны были знать имена «людей чести», достаточно было того, что они знали их в лицо и видели, на что они способны.

Как установить имя «человека чести»

Вот почему Винченцо Синагра долго не знал имени Пино Греко, главы «семьи» Чакулли, которого много раз видел в обществе Филиппо Маркезе, в частности, во время некоторых «операций». Его брат Гроза как-то сказал ему, что этот человек — тоже Греко, добавив между прочим, что зовут его Джованелло.

Действительно ли Гроза заблуждался, или он просто хотел посмеяться над своим братом? То, что он назвал Пино Греко именем его брата Джованелло, было значительной оговоркой, а может, просто шуткой. Особенно если учесть ту ненависть, которую питали друг к другу оба брата.

Карабинеры, которые допрашивали Винченцо Синагру, были в сильном замешательстве в связи с присутствием в его рассказе некоего Джованелло Греко. Все, что поведал им Синагра, прекрасно совпадало с тем, что они уже знали о «Коза ностре» и всех ее подразделениях, с которыми им уже приходилось иметь дело, за исключением этого якобы Джованелло Греко, который считался смертельным врагом Филиппо Маркезе. После того как Винченцо Синагре был продемонстрирован альбом с фотографиями всех известных людей города, карабинеры вздохну-

ли с облегчением. Синагра узнал на фото своего «Джованелло» Греко, который на самом деле оказался не кем иным, как Пино Греко, главой «семьи» Чакулли.

Атриды в стране мафии

Если читатель позволит, нам надо вернуться к печально известному Пино Греко и рассказать о ссоре, которая сделала его врагом не менее ужасного Джованелло Греко. Хоть мы и рискуем запутать и без того сложную фабулу нашего рассказа, за этим эпизодом скрывается очень показательная история из жизни «Коза ностры», невольно напоминающая нам об Атридах.

Нам точно неизвестно, когда произошла ссора двух братьев, которые после того столкнулись в нешуточной схватке. Нам и поныне неизвестна даже ее причина. Известно лишь следующее: ненависть двух кузенов вспыхнула весной 1981 года, немного спустя после начала войны «семей», и была усугублена по меньшей мере двадцатью трупам. Ее жертвами в основном пали родственники и друзья Джованелло Греко.

Совсем как его брат Пино, Джованелло Греко был «человеком чести» печально знаменитой «семьи» Чакулли. Он, конечно, зря выбрал лагерь противников корлеонцев, в то время как его родственник, Папа, Микеле Греко, стал осуществлять их систематическое уничтожение. В недрах самого сообщества «людей чести» все знали, какая крепкая дружба связывала Джованелло Греко и покойного Сальваторе Инцерилло, об отношении которого к корлеонцам мы уже говорили. Возможно, что именно эта злосчастная дружба послужила причиной изгнания Джованелло Греко из «семьи», после которого клан Греко приговорил его к смерти.

Будет слишком долго и обременительно перечислять здесь все те убийства, которые последовали за изгнанием Джованелло Греко. Достаточно сказать, что, не имея возможности добраться до кузена, Пино Греко стал систематически истреблять его близких и то-

варищей, где бы они ни находились. От тюрьмы Уччардоне до пригорода Милана Пино Греко прочесывал весь Апеннинский полуостров, безжалостно уничтожая близких к Джованелло Греко людей: там был зверски убит заключенный чуть ли не тридцатью ударами ножа, здесь обнаружили обугленное тело молодого человека; правда, в те же дни в Палермо убивали и стариков, и, кажется, до поры до времени просто так.

Битва при Чакулли

История, которая нас интересует, произошла в самый разгар этого избиения, рождественским утром 1982 года. В тот день Джованелло Греко и один его друг, «человек чести» Джузеппе Романа по прозвищу Американец, решили положить конец кровавому безумию, которое обуяло брата Греко. Они оба отправились во владение Башмачка, в Чакулли, намереваясь, как было после сказано, «пожелать ему несчастливому Рождества».

Нам неизвестны детали этого инцидента, мы знаем лишь, что, по свидетельству многих «людей чести», Пино Греко чудом удалось избежать западни, которую приготовил ему его кузен с помощью Американца. Спустя немного времени все «люди чести» Палермо уже знали, что в горах возле Чакулли идет перестрелка; вооружившись до зубов, они сидели по домам в ожидании развития событий.

Продолжение же было ужасным. Вскоре сообщник Джованни Греко, Американец был убит в Калифорнии, где скрывался от людей Пино Греко. А на Сицилии этот чудовищно жестокий мафиози провел широкомасштабную карательную операцию, вошедшую в историю «Коза ностры» под названием «перерасчет Чакулли».

Пино Греко, как мы помним, был, несмотря на свою молодость, главой «семьи» Чакулли. В этом качестве он мог делать на своей территории все, что считал нужным. Очевидно, полагая, что городок Чакулли больше не является для него надежным прибе-

жищем, он решил изгнать из него силой оружия всех тех, чье присутствие в городе было если не подозрительным, то, во всяком случае, нежелательным. Невозможно вычислить точное количество таких депортаций — говорят, их были десятки, — ни даже узнать, как они проводились, — но было, кажется, и несколько неудач. Большинство высланных не состояли напрямую в «Коза ностре»; их вина заключалась лишь в том, что кто-то из их родственников-мафиози оказался в лагере противников Пино Греко. Самый известный случай — это случай со вдовой, которая отказалась уехать, и люди Пино Греко стали замуровывать ее дом, так что ей пришлось бежать, чтобы не оказаться заживо в нем погребенной. Даже еще сегодня ее дом без окон и дверей является одной из достопримечательностей Чакулли.

Для того чтобы подвигнуть своих бывших друзей на скорый отъезд, Пино Греко посылал им записки, одну из которых следователям удалось заполучить. «Мой дорогой, — было написано в ней от руки, — у тебя есть месяц, в течение которого ты должен покинуть Чакулли вместе со всем семейством. Дальше, у тебя есть год для того, чтобы продать принадлежащее тебе здесь имущество. Если через месяц ты все еще будешь в городе, тебя и твоих близких ожидают крупные неприятности. Пока. Палермо, 7 января».

Нормализация обстановки в Чакулли была достигнута в течение 1983 года. По примеру Палермо городок подвергся опустошительному террору Греко. Имя Микеле Греко, Папы и главы Капитула, значилось уже в списках разыскиваемых по всему миру; в полиции постепенно начинали понимать, какова была роль его родственника Пино Греко. Не следовало думать, что «Коза ностра» выиграла войну, которую она развязала против итальянского государства несколько лет назад. На деле все вышло совсем иначе. Очень скоро в тиши Дворца правосудия или в казармах карабинеров «люди чести» или некоторые из их подручных, такие как Винченцо Синагра, стали соглашаться дать показания против своих бывших хозяев. После времени убийств наконец настал час раскаяния.

ЧЕЛОВЕК ИЗ РИО

Странный пассажир

Далеко, очень далеко от Палермо, в первом ряду бизнес-класса в самолете, летевшем из Рио в Рим, сидел укутанный в плед человек лет шестидесяти; лицо его скрывали солнечные очки в массивной оправе. Смертельная бледность свидетельствовала об очередном приступе болезни: сердцебиение, тошнота, холодный пот, — но врач, находившийся рядом с ним, не выказывал особого беспокойства. Проверив пульс человека в темных очках, он повернулся к третьему пассажиру и сообщил ему, что все в порядке, во всяком случае, опасаться нечего.

Таинственный больной рейса Рио — Рим не был похож на других пассажиров, если судить по тем предосторожностям, с какими его препроводили в самолет, и по тому сопровождению, с которым он летел — около десятка итальянцев, — причем сразу ясно, что полицейских в штатском: кто бы еще мог лететь обычным рейсом, вооруженный до зубов?

Лицо человека было, по словам свидетелей, из тех, которые внушают уважение, из тех, что трудно забыть, хотя и невозможно объяснить почему. Ходили слухи, что его внешность несколько раз менялась в результате пластических операций, которые делали ему латиноамериканские хирурги, после которых лицо обрело черты мексиканского индейца — выда-

ющиеся подбородок и скулы и высокий лоб — внешность, которой он так гордился, если верить откровениям его жены, опубликованным в различных итальянских и бразильских газетах. Стекольщик по происхождению, много раз приговоренный к длительному тюремному заключению, содержавшийся под стражей в США, Бразилии и Италии за нелегальную торговлю, в частности, наркотиками, человек этот был неотъемлемой частью того, что палермцы на своем жаргоне называют *pezzi da novanta* — «орудия 90-го калибра» — за ту огневую поддержку, которую целое «нечто» может обеспечить благодаря своей численности и моральной и физической мощи. Он не в первый раз оказался в щекотливой ситуации, однако на этот раз, пристегнутый к креслу самолета компании «Алitalia», человек этот, кажется, чувствовал себя выбитым из седла. Он лишился своей ставшей легендарной самоуверенности, с которой когда-то заявил одному журналисту: «Если быть мафиози значит обладать достоинством и ни от кого не зависеть, тогда, я — мафиози».

Это было за несколько месяцев до его ареста в Сан-Паулу на редкость неподкупной бразильской полицией.

— Он сказал нам, что сказочно богат, и предложил все свои деньги в обмен на свободу, — сообщил позже представитель полиции Сан-Паулу. Но всего через несколько недель одно ужасное событие сломало гордость этого человека, и теперь, 14 июля 1984 года, в кресле самолета, летевшего из Рио в Рим, сидел не он, а только тень того, кого когда-то официально именовали Томмазо Бускеттой, близкие — Домом Мазино, а жители Палермо — боссом двух континентов.

Южноамериканские сообщники

Нам известно, при каких обстоятельствах Томмазо Бускетта покинул Палермо три года назад, укрывшись в Бразилии. Этот «человек чести» сбежал с Си-

цилии накануне начала войны «семей», незадолго до убийства его друзей Стефано Бонтате и Сальваторе Инцерилло. Предчувствуя самое плохое, Томмазо Бускетта предпочел покинуть родную землю, чтобы не оказаться перед необходимостью выбирать между кровожадным безумием корлеонцев и их гораздо менее агрессивными противниками, обозначаемыми как «проигравшая сторона», главным занятием которых было то, что они уничтожали друг друга.

Как мы знаем, к концу 60-х годов Томмазо Бускетта уже несколько лет жил в Бразилии. Что он там делал и чем занимался там же десять лет спустя, остается тайной, раскрыть которую оказались не в состоянии даже итальянские следователи. Очевидно только одно, что во время своего последнего пребывания в Бразилии Томмазо Бускетта жил если не бедно, то очень скромно. Похоже, у него действительно нет никакого состояния, а если даже и есть, то он его отлично спрятал. Единственной принадлежавшей ему недвижимостью Томмазо Бускетта владел вместе со своим шурином Омеро Гимаресом. Речь идет о земельной собственности в двадцать пять тысяч гектаров, сданной им обоим в аренду бразильским правительством с правом дарения. Эти расположенные в северной части страны, недалеко от Сан-Паулу земли они, проделав титаническую работу, попытались очистить от девственного леса.

У этого «человека чести», кажется, были большие связи, судя по тому, с какой легкостью ему в марте 1981 года удалось получить парагвайский паспорт на имя Томмазо Роберто Феличе. Удивляться тут нечему, если принять во внимание легенду, что он является кокаиновым королем. Кокаин — самый доходный продукт местного производства. Если это действительно так, то можно считать вполне резонными предположения некоторых следователей, что Томмазо Бускетта — отпетый преступник, который умело скрывает свои наркодоллары в каком-то швейцарском банке в ущерб интересам семьи.

Официально Томмазо Бускетта выдавал себя за торговца стройматериалами. Сразу по приезде в Бра-

зилию он посетил несколько лесопильных заводов, выказывая живой интерес ко всему, что касалось переработки леса и торговли им. Эта новая страсть, кажется, проявилась в нем довольно поздно. Впрочем, как дело обстоит в действительности, знают лишь сам Бускетта, Господь Бог и спиленные деревья... Но что известно нам доподлинно, это то, что, помимо своей деятельности арендатора амазонских лесов — этот «человек чести» не отказывал себе в удовольствии частенько навещать себе подобных.

Маленькая бразильская Италия

В это самое время в Бразилии образовалось довольно значительное сообщество «людей чести» из Палермо, которые в содружестве с неаполитанскими ворами легко сбывали все что только можно. В недрах этой «маленькой Италии», безусловно, одним из самых влиятельных людей был Антонио Саламоне, который, как мы помним, сохранил самые прочные связи с Сицилией. Глава «семьи», которая происходила из городка Сан Джузеппе Ято, расположенного недалеко от Палермо, Антонио Саламоне являлся также членом правительства «Коза ностры». Антонио Саламоне знал Томмазо Бускетту на протяжении долгих лет. Ничего удивительного, что, как только Бускетта появился в Бразилии, между ними установились самые тесные отношения.

К концу июля 1982 года, когда война «семей» в Палермо достигла пика, в доме Томмазо Бускетты раздался телефонный звонок. Звонил Антонио Саламоне:

— Возможно, Гаэтано Бадаламенти приедет навесить тебя в Бразилии, — сказал ему Саламоне. — Постарайся сделать так, чтобы он тебя не встретил, иначе у тебя будут сплошные неприятности.

Томмазо Бускетта знал, что Гаэтано Бадаламенти самым позорным образом был изгнан из сообщества «людей чести». Мы помним, что этот «крестный отец» грубоватой наружности, который возглавлял до 1978

года Капитул, был просто-напросто устранен от своей должности, а также от должности главы «семьи» Чинизи, после чего вообще исключен из «Коза ностры» по причинам, оставшимся невыясненными. По также не вполне понятным причинам Гаэтано Бадаламенти пользовался, однако, определенным авторитетом среди «людей чести». Злые языки и полицейские говорили, что это было связано с той мощной сетью торговли героином, которую продолжал контролировать этот человек. Бускетта, познакомившийся с Гаэтано Бадаламенти в тюрьме десять лет назад, всегда отказывался подчиняться правилам, по которым мафиози, изгнанного из сообщества «людей чести», а в данном случае бывшего главу «семьи» Чинизи, следовало обходить как зачумленного. И он продолжал встречаться с ним, несмотря ни на что.

Вот почему Томмазо Бускетта сухо ответил Антонио Саламоне:

— Если Гаэтано Бадаламенти хочет приехать в Бразилию, я не могу ему в этом помешать.

Антикорлеонский заговор

Томмазо Бускетта несколько не удивился, когда через несколько дней у него в квартире раздался телефонный звонок от Гаэтано Бадаламенти, хотя, возможно, ему и показалось странным, каким образом «крестный отец» Чинизи смог заполучить его номер телефона в Рио. Томмазо Бускетта, должно быть, подумал, что раздобыть номер телефона человека, который этот номер не афиширует, не могло составить особого труда для того, кто был способен покупать у турецких торговцев тонны опия, перерабатывать их в героин и перепродавать в США.

— Я хотел бы приехать в Бразилию, чтобы поговорить с вами, — сказал Гаэтано Бадаламенти.

Спустя несколько дней Томмазо Бускетта отправился в международный аэропорт в Рио, чтобы встретить Гаэтано Бадаламенти. Ему не терпелось узнать причину этого визита. Долго ждать не при-

шлось. Едва сойдя на землю, Гаэтано Бадаламенти посвятил его в свои планы.

Томмазо Бускетте не надо было сообщать детали. Как и всякий другой, он знал о том, что происходило в «Коза ностре», и знал, кто в этом виноват. Желая исправить положение, Гаэтано Бадаламенти предложил Томмазо Бускетте свой план, который Бускетта тут же категорически отверг.

— Я приехал, — сказал Бадаламенти, — чтобы убедить вас, что вы должны вернуться в Италию. Как только вы приземлитесь, вы возглавите борьбу против корлеонцев.

Томмазо Бускетта прекрасно знал жестокость, с которой «семья» корлеонцев под покровительством секретаря Капитула Микеле Греко преследовала тех, кто осмеливался восстать против ее засилья. И он вежливо заметил Гаэтано Бадаламенти, что его идея самоубийственна.

— Было бы безумием полагать, что я могу одним своим появлением в Италии исправить эту безнадежную ситуацию, — ответил ему Бускетта.

Враг

Томмазо Бускетта не питал особых иллюзий по поводу внезапных дружеских чувств, которые ему демонстрировал приехавший в Рио Гаэтано Бадаламенти. Как истинный «человек чести», он прекрасно понимал, что главной целью бывшего «крестного отца» Чинизи было использовать имя Томмазо Бускетты как знамя, под которым можно было собрать всех противников корлеонцев.

Похоже, что Гаэтано Бадаламенти возлагал на Томмазо Бускетту свои последние надежды. По крайней мере, это можно было заключить из той услуги, о которой Бадаламенти попросил его после очередного настоящего приглашения в Италию.

Гаэтано Бадаламенти хотел, чтобы Томмазо Бускетта воспользовался теми знакомствами, которые завязались у него в тюрьме с различными представи-

телями мафиозных кругов Милана и Катании, чтобы договориться с ними об убийстве одного заключенного. И не просто заключенного: Лучано Лиджио, главы «семьи» Корлеоне, человека, который, как говорили, руководил «Коза нострой» прямо из тюрьмы и который сумел разжечь к себе ненависть Гаэтано Бадаламенти своими насмешками и издевательствами. План был тем более трудноосуществимым, что все «люди чести» знали: за войной, бушевавшей в Палермо, стояла гигантская тень ужасного Лучано Леджо.

— Это безумная затея, и я не могу ее осуществить, — ответил Томмазо Бускетта. — Я не имею права просить кого бы то ни было пойти на такое сложное дело!

Неприятно пораженный планами, которые вынашивал Гаэтано Бадаламенти, Томмазо Бускетта тем не менее часто навещал его в последующие недели.

История умалчивает, какие дела объединяли этих людей. Некоторые судьи считают, что те частые встречи отнюдь не сводились к простому обмену идеями и что их совместные усилия породили новую разветвленную сеть международной контрабанды наркотиков. Поскольку нам нечего сказать по этому поводу, мы удовольствуемся тем, что расскажем об их дружеских связях. Можно с уверенностью утверждать, что вечером 3 сентября 1982 года Томмазо Бускетта находился перед экраном телевизора вместе с Гаэтано Бадаламенти и сыном последнего Леонардо в отеле «Режен де Белам». Все трое остановились в отеле под фальшивыми именами и утверждали, что приехали в Белам с намерением посетить лесопильный завод. Оставим в покое их алиби, поскольку единственное, что нас интересует, — это то, что они смотрели телевизионные новости.

Хотя Бразилию и отделяет от Сицилии безбрежный океан, некоторые сицилийские новости не может обойти своим вниманием даже частная бразильская телекомпания. В тот вечер не только Томмазо Бускетта, Гаэтано Бадаламенти, но и многие их «коллеги» узнали, что генерал Карло Альберто Далла

Къеза, префект Палермо, только что расстрелян из «калашникова» вместе со своей женой и охранником. Можно догадываться, какое потрясение пережили эти два «человека чести», когда услышали новость. Не потому, что они испытывали личную приязнь к генералу, и не в связи с абстрактными представлениями о человечности, от которых оба были далеки, а потому, что они сразу поняли, какое трагическое продолжение последует за этим убийством.

Когда Гаэтано Бадаламенти добрался до Сицилии, он не отказал себе в удовольствии прокомментировать это чрезвычайное событие. Он видел в нем демонстрацию наглости корлеонцев, которые так отреагировали на вызов, брошенный генералом Далла Къеза сто дней назад по прибытии в Палермо. По мнению Гаэтано Бадаламенти, успех этой операции был на руку одному политическому деятелю, которого бывший «крестный отец» Чинизи отказался назвать, уточнив, что этот человек избавился наконец от генерала, не дававшего ему спокойно сотрудничать с мафией.

У Гаэтано Бадаламенти была своя идея о том, кто убил генерала. Он был убежден, что на эту роль выбрали людей из «семьи» Катания. Идею нельзя назвать беспочвенной: катанцы были особенно близки к корлеонцам. Использование катанцев в качестве убийц было тем более оправданным, что, поскольку покушение было совершено в самом центра города, элементарная осторожность требовала, чтобы его осуществили люди со стороны, которых не могли бы опознать случайные прохожие.

Если верить Гаэтано Бадаламенти, использование команды убийц из «семьи» Катания при убийстве генерала можно было объяснить еще тем, что это был обмен любезностями. Незадолго до того, 16 июня 1982 года в 10.45, «люди чести», близкие к корлеонцам, оказали важную услугу главе «семьи» Катания ужасному Нитто Сантапаола, убив одного из его заклятых врагов Альфио Ферлито, его бывшего заместителя. Операция проводилась в условиях, сходных с теми, которые были разработаны для убийства гене-

рала Далла Кьеза: несчастный Альфио Ферлито был убит вместе с пятью полицейскими, которые конвоировали заключенных, и произошло это посреди палермского бульвара.

Смерть детей

Томмазо Бускетта знал, что ему нельзя появляться на людях в компании Гаэтано Бадаламенти. Если бы корлеонцы разнюхали, что эти двое частенько видятся друг с другом, они могли составить против них какой угодно заговор и, в опережение, могли пойти на убийство, а на это они были большие мастера. Вот почему еще до того, как Гаэтано Бадаламенти приземлился в Бразилии, Томмазо Бускетта несколько раз советовал ему держать в секрете цель своего путешествия. Гаэтано Бадаламенти поклялся, что о том, куда он едет, никто не знал, но очень скоро Томмазо Бускетта стал сомневаться в честном слове «крестного отца» Чинизи, во всяком случае, в том, что касалось именно этого дела.

Приезд Гаэтано Бадаламенти совпал с целой серией несчастий, которые постигли семью Томмазо Бускетты. Вначале исчез шурина Омеро Гимарес, брат его жены Кристины. Омеро Гимарес был очень близок к Томмазо Бускетте, с которым они, несомненно, обделяли всякие делишки. Незадолго до этого Омеро Гимарес был ранен во время перестрелки с бразильскими полицейскими, которых он принял за мафиози, пришедших свести счеты с Бускеттой.

Томмазо Бускетта увидел в исчезновении шурина знак, что враг не дремлет. На памяти местного преступного мира не было случаев, чтобы убитые исчезали с лица земли. Речь шла о замашках типично сицилийских, и Томмазо Бускетта очень скоро понял, что корлеонцы, несомненно, убили его шурина, поскольку в противном случае тот непременно каким бы то ни было образом дал о себе знать.

Но трагедия Томмазо Бускетты еще только началась.

11 сентября 1982 года, накануне дня рождения его жены, Томмазо Бускетта позвонил в Палермо, чтобы узнать, как дела у сына Антонио, который только что вышел из тюрьмы. Ему ответила сноха, Иоланда де Альмагро. Она была в слезах. Ее муж исчез три дня назад. Новость была тем более убийственна для Томмазо Бускетты, что Антонио исчез не один, а со своим братом Бенедетто, и их обоих одновременно поглотил палермский ад. Без особой надежды Томмазо Бускетта посоветовал Иоланде заявить об исчезновении мужа и его брата в полицию. Никогда не знаешь, может, их за что-то арестовали. Когда он позвонил еще раз, Иоланда подтвердила его опасения: она узнала, что ни Антонио, ни Бенедетто арестованы не были. Их обоих, очевидно, похитили корлеонцы, и, конечно, к этому времени они были уже мертвы. Во всяком случае, это было лучшее из того, что можно было им пожелать.

Когда через несколько дней Гаэтано Бадаламенти принес Томмазо Бускетте свои соболезнования, он не упустил случая еще раз оказать на него давление, с тем чтобы Бускетта решился наконец встать во главе антикорлеонского бунта.

Осторожный Бускетта вновь отклонил предложение. Он сказал своему «коллеге», что больше не питает иллюзий относительно участи, постигшей сыновей, и что возлагает все свои надежды на великодушные корлеонцев. Томмазо Бускетта решил ничего не предпринимать, не мстить за сыновей; он надеялся, что, видя его состояние, корлеонцы откажутся от мысли продолжать свои атаки и, что особенно важно, не тронут оставшихся в живых его детей.

Предлагая Томмазо Бускетте применить закон мести, Гаэтано Бадаламенти сказал, что Бускетта может в ответ убить Джованни Греко, сына секретаря Капитула Микеле Греко. Возмущенный Бускетта отклонил предложение, отчасти из-за того, что, зная этого молодого человека, не был уверен, что тот принадлежит к «Коза ностре», поскольку лучшее время он проводил, снимая комедии, такие как «Хлеб, шоколад и перец», единственным достоинством которой было то,

что в ней снималось голым юное создание с замашками субретки. Гаэтано Бадаламенти напрасно убеждал его, что Джованни Греко если даже и не был «человеком чести», все же участвовал в делах мафии. Томмазо Бускетта отказывался применять методы, которые только что стоили жизни двум его сыновьям.

Оставив Томмазо Бускетту одного переживать свое горе, Гаэтано Бадаламенти на некоторое время уехал из Бразилии. Сидя в своей квартире в Рио, печальный Бускетта наверняка проклинал своего «товарища», ответственного за новые несчастья, молясь о том, чтобы не случилось ничего худшего. Но напрасно, ибо на Сицилии чаще, чем где бы то ни было, именно худшее-то и случается.

Смерть родных

В Палермо до сих пор вспоминают следующий после Рождества день в том страшном 1982 году. Что-то ужасное словно висело в воздухе и должно было неминуемо нарушить привычный ход жизни «людей чести», но город жил так спокойно, словно ничто не могло испортить этот чудесный праздник. К концу дня 26 декабря примерно в 17.30 весь персонал пиццерии «Нью-Йорк Плейс» был, если можно так сказать, в состоянии боевой готовности, ожидая наступления одного из самых шумных праздничных вечеров и даже не подозревая о том, какой оборот вскоре примут дальнейшие события.

Расположенная на виа Артильере, возле парка Фаворита, пиццерия была очень людным местом, за которым присматривал единственный в своем роде Джованни Дженовезе, зять Томмазо Бускетты. Все в Палермо знали, что пиццерия принадлежит клану Бускетты и что ею управляли до своего исчезновения Антонио и Бенедетто. До той поры заведение это считалось относительно спокойным, хоть и было расположено на территории, контролируемой вначале «семьей» Джардино Инльезе, а потом — «семьей» Резуттана, причем обе они были союзницами корле-

онцев. Только один раз «человек чести» Резуттаны попытался получить «дань» с заведения, но дело закончилось ничем.

Кто мог бы разгадать истинные намерения молодого человека, вошедшего в пиццерию 26 декабря около 17.30 и заказавшего шесть пицц, которые он намеревался взять с собой? Правда, его поведение все же могло показаться подозрительным, ибо, едва сделав заказ, он быстро покинул заведение. Через несколько минут этот чужак вернулся вместе с еще одним молодым человеком, и они оба отправились напрямиком на кухню.

— Нам надо видеть хозяина, — бросил один из них, когда кассирша что-то сказала, находя их поведение вызывающим. Пройдя на кухню, эти двое достали огнестрельное оружие и принялись стрелять по всему, что двигалось. В первый же момент замертво упали Джузеппе Дженовезе и один из его близких родственников, некий Антонио Д'Амико, затем настала очередь Орацио Д'Амико, который попытался завладеть оружием одного из убийц. Полиция сочла, что причиной этой расправы стало одно-единственное имя: Томмазо Бускетта. Первой жертвой, как мы видели, стал его зять, двое других были сыновьями его первой жены.

Мы помним, что семейство Томмазо Бускетты состояло прежде всего из стекольщиков. Отец его, как говорят, был в этом деле необычайно искусен. Томмазо Бускетта любил вспоминать, что много лет назад и сам он был специалистом по изготовлению резных зеркал и что их семейное предприятие даже получило несколько призов. И хотя Томмазо Бускетта оставил семейный бизнес, того же нельзя сказать об остальных членах клана: маленькую отцовскую лавочку им удалось превратить в уважаемое предприятие, у которого был большой магазин на виа делла Анти, неподалеку от центра города, в современном квартале. Достойные представители рода Бускетты, мужчины, женщины, дети, — все были заняты в бизнесе, который успешно возглавлял Винченцо, брат Томмазо.

Винченцо Бускетта был мастером своего дела, и его единственным недостатком было родство с Томмазо. Уверенный в своей репутации, убежденный, что находится под защитой собственного честного имени, он и не подумал позаботиться о своей безопасности после убийства в пиццерии. Впрочем, если бы он даже и пожелал что-либо сделать, вряд ли смог бы действительно себя обезопасить. Разве только навсегда исчезнуть?

В рабочие дни его всегда можно было видеть в собственном кабинете на виа делла Альпи; для этого надо было просто войти в небольшую металлическую дверь, на которой была вывеска: «Стекло, зеркала, небьющиеся витрины». Именно там и отыскивали его два молодых человека в то дождливое утро 29 декабря, около 11 часов. Через несколько минут они выбежали на улицу, оставив после себя два трупа: старика Бенедетто Бускетту и его сына Винченцо, которого они перед тем всего-навсего попросили показать им образцы зеркал.

Вот тогда-то палермские газеты заговорили о возвращении Томмазо Бускетты в Палермо. Благородные журналисты и полицейские приписали ему по меньшей мере два десятка убийств, якобы совершенных им для того, чтобы отомстить за своих погибших родственников. Мы никогда, конечно, не узнаем, правда ли, что Томмазо Бускетта отправился в Палермо на другой день после того грустного Рождества. Но можно с полной уверенностью утверждать, что после убийств в пиццерии и магазине зеркал друзей у него в городе не осталось. Самых верных из них истребили корлеонцы, а оставшиеся в живых родственники прокляли его имя. Беспрецедентным для Сицилии стало согласие одной из тех, кого мафия сделала вдовой, а именно — жены бедного Винченцо Бускетты, встретиться с журналистами. Она без обиняков заявила им по поводу своего деверя:

— Говорят, Томмазо вернулся в Сицилию. Если бы у меня было ружье, я бы его пристрелила. Не для того, чтобы отомстить за мужа и свекра, а для того, что-

бы уничтожить навсегда причину наших несчастий. Носить фамилию Бускетта, — заключила она, — это носить на себе проклятие.

Навязчивый друг

Проклятие, которое пало на Томмазо Бускетту в Бразилии, было совсем другого порядка и называлось оно — Гаэтано Бадаламенти. В течение всего февраля 1983 года навязчивый «крестный отец» Чинизи все возвращался в Бразилию, чтобы повидаться с Томмазо Бускеттой. Начал он с того, что принес свои искренние соболезнования по случаю тех несчастий, которые обрушились на членов семейства, оставшихся в Сицилии, затем, как обычно, Гаэтано Бадаламенти вновь стал уговаривать его возглавить антикорлеонскую борьбу.

— Ваша осторожность вам не помогла, — говорил ему Бадаламенти, — коварная кровожадность наших врагов собирает большую жатву из ни в чем не повинных людей.

Это было уже чересчур. Томмазо Бускетта ответил, что у него нет никакого желания возвращаться в ряды мафиози. И затем обвинил Гаэтано Бадаламенти в том, что это именно он стал косвенной причиной недавних убийств, после которых все члены семьи Бускетта оделись в траур.

— Это все из-за вас, — сказал Бускетта. — Если бы вы не пытались вовлечь меня в эту бессмысленную войну, ничего этого бы не случилось.

Желая отвести от себя обвинения, Гаэтано Бадаламенти заметил Томмазо Бускетте, что у убийств его родичей были и другие, еще более нелепые причины. К тому же не только клан Бускетты испытал на себе жестокие удары на следующий день Рождества 1982 года. В целом за эти дни было убито и исчезло более тридцати человек.

Причина этого массового избиения зимой 1982—1983 года нам известна. Речь идет о покушении в Рождество на жизнь главы «семьи» Чакулли Пино

Греко, которого ему удалось избежать. Не зная, кого лучше уничтожить, чтобы отомстить, ужасный Пино Греко решил разом перебить своих предполагаемых или действительных противников. Глава «семьи» Чакулли, может быть, был в курсе дела о бразильских встречах Бускетты и Бадаламенти. Если это так, то именно в наказание за эти частые встречи Пино Греко приказал убить пятерых родственников Бускетты.

Повод этих убийств может показаться ничтожным и непостижимым для любого, кто не знает, в какой обстановке они происходили. В то время понятия у «людей чести» настолько смешались, что убийство вообще представлялось их любимым делом. Вот почему в начале года поползли слухи, что глава «семьи» Партанна, ужасный Розарио Риккобоно, прозванный Террористом из-за того, что очень уж низко оценивал жизни себе подобных, а также 17 человек из его ближайшего окружения были отравлены во время таинственной трапезы, организованной неизвестно кем. Местные газеты увидели за этим массовым отравлением тень Томмазо Бускетты. Последний спокойно отвечал своим обвинителям, что его отношения с Розарио Риккобоно были таковы, что для него было невозможным назначить встречу с главой «семьи» Партанна, а уж тем более пригласить его на ужин. Если Розарио Риккобоно со своими людьми был действительно отравлен, то только кем-то из тех, кому он вполне доверял, сказал Бускетта. То есть главой клана корлеонцев.

За решеткой

По настоянию жены Томмазо Бускетта решил уехать из Рио, чтобы жить уединенно, если не счастливо, в своей фазенде в окрестностях Сан-Паулу. Это было не так-то легко сделать, но у истинного «человека чести» слова не должны расходиться с делами.

1983/84 учебный год еще только начался, а Томмазо Бускетта уже приехал в Сан-Паулу, где его и арестовали ранним утром 24 октября 1983 года, когда он от-

правился в лицей, в который намеревался определить своих детишек. Арестовывали его около сорока полицейских, специально для этого приехавших из Рио. Он заметил, что вид у них был довольно усталый, словно им пришлось дожидаться его несколько дней.

Мы опустим подробности ареста, запомнив лишь немаловажную деталь о деньгах. Начальник полиции впоследствии заявил, что во время ареста имела место попытка подкупа должностного лица; в то же время Бускетта утверждал, что у него дважды вымогали деньги в размере от 40 тысяч до одного миллиона долларов.

Действуя в соответствии с международным ордером на арест и поручением бразильского прокурора, местная полиция, возможно, действительно рассчитывала кое-что получить с этого человека, которого она уже арестовывала десять лет назад. В таком случае полицейские должны были быть сильно разочарованы, когда несколько дней спустя после ареста готовый к бою Томмазо Бускетта принял в своей камере нескольких местных журналистов. То, что он им сообщил, было на удивление просто: нет, он никогда не был в мафии; да, он рассчитывал остаться в Бразилии навсегда.

Примерно те же речи держал Томмазо Бускетта и перед двумя следователями из Палермо, Джованни Фальконе и Винченцо Джерачи, которые прибыли несколько месяцев спустя, чтобы допросить его в тюрьме Рио. Правда, говорят, что в конце этой, в сущности, пустой встречи Томмазо Бускетта попрощался с ними, явно на что-то намекая:

— Надеюсь, скоро увидимся.

В мире намеков и скрытых смыслов такая фраза сошла бы за некий тайный призыв, если, конечно, «человек чести» не потерял разум или не разучился говорить.

Его слова были встречены с пониманием обоими следователями, которые с тех пор сделали все возможное, чтобы добиться передачи Бускетты в руки итальянского правосудия в надежде, что, приехав в Италию, он откроет все свои карты.

Самоубийство

3 июля 1984 года Верховный суд Бразилии утвердил решение о передаче Томмазо Бускетты итальянским властям. Через четыре дня итальянские и бразильские полицейские предприняли первую попытку препроводить Томмазо Бускетту в аэропорт Рио-де-Жанейро.

В пути Томмазо Бускетта думал только об одном. У него была идея, идея безумная, от которой непременно отказался бы истинный «человек чести»: он хотел покончить с собой. Во всей истории «Коза ностры» еще не было случая, чтобы мафиози наложил на себя руки: с одной стороны, конечно, потому, что восприятие жизни «человеком чести» сильно притупляется легкостью, с которой он справляется с себе подобными; с другой же стороны, мысль убить самого себя просто не может прийти в голову «человеку чести», ибо менталитет мафиози основан исключительно на идее выживания его «семейной» ячейки, а это значит, что его собственная жизнь принадлежит не ему, а его «семье».

Томмазо Бускетта собирался убить себя, придя к этому логическим путем, и логика эта была специфическая, свойственная как раз, пожалуй, истинному «человеку чести», каким он и был на самом деле. Это вовсе не было жестом слабости с его стороны и уж тем более не означало, что в его психике произошли необратимые перемены. Еще меньше следовало понимать его поступок как реакцию на страх быть убитым теми, кто так жестоко расправлялся с его родственниками на протяжении нескольких последних месяцев. Речь шла о поступке, продиктованном понятием чести и вызванном отношением к жене и детям, это было проявлением любви к тем, кто стал теперь для него смыслом жизни. Он полагал, что, покончив с собой, облегчит жизнь своей семье. И тогда, прежде чем сесть в самолет, который должен был доставить его в Рим, Томмазо Бускетта раскусил ампулу стрихнина, которую потихоньку достал из кармана. После чего упал как подкошенный.

Человек слова и дела

Томмазо Бускетта всегда имел при себе маленькую ампулу с ядом, он говорил, что ампула была нужна ему на случай, если он попадет в руки врагов, таких же жестоких, как «люди чести» из «семьи» Корлеоне или Чакулли. Похоже, что ему не стоило труда сохранить яд во время ареста, поскольку, по его словам, его даже не обыскали. К несчастью для Бускетты, стрихнин не успел сделать свое дело. Через несколько часов яд полностью вывели из его организма, а спустя еще три дня Томмазо Бускетту вновь привезли в аэропорт, чтобы посадить в самолет, совершавший обычный рейс из Рио-де-Жанейро в Рим.

И если автор позволил себе в начале настоящей главы задержать внимание читателя на присутствии Томмазо Бускетты в самолете, который уносил его к родным берегам, и если мы вновь вернулись к этому полету, то только потому, что во время принудительного путешествия в Италию в голове у Томмазо Бускетты произошел переворот, который не только в корне изменил его жизнь, но и буквально стал переломным для истории мафии.

Томмазо Бускетта, как мы знаем, всегда стоял на том, что честно выполнял все приказы мафии. И если уж он и нарушил некоторые из ее установлений, регулирующих повседневную жизнь мафиози, то его мелкие грешки объясняются тем, какое неотразимое впечатление производил на него прекрасный пол. Но он никогда не нарушал основополагающих принципов «Коза ностры». Для него до настоящего времени обет молчания был тем законом, который «человек чести» должен соблюдать любой ценой. Бразильской полиции, которая имела с ним дело в первый раз в 1972 году, это было хорошо известно. Напрасно полицейские самым диким образом пытались его, прикладывая электроды ко всем мыслимым и немыслимым частям тела, вырывая ногти, а после поджаривая на солнце, привязав на несколько часов к столбу и накрыв лицо капюшоном. Несмотря на все ухищрения мучителей, Бускетта не заговорил. Де-

сять лет спустя, в то время как его тело сохраняло на себе следы выпавших на его долю мучений, Томмазо Бускетта всерьез думал о том, чтобы довериться полиции по доброй воле. Теперь, когда его никто не мучал, что-то вдруг побудило Томмазо Бускетту нарушить обет молчания.

Где-то на пути между Рио и Римом, на высоте около десяти тысяч метров над седым океаном, Томмазо Бускетта принял окончательное решение. Он наклонился к одному из сотрудников криминальной полиции Италии из группы сопровождения.

— Дотторе, — сказал Бускетта, которому было явно не по себе, — я должен вам кое-что сказать... Наклонитесь ко мне... Когда мы прилетим... через несколько часов... я скажу вам очень важные вещи... вам и следователям... Я плохо себя чувствую... Я решил рассказать все, что знаю о мафии...

Признания Томмазо Бускетты

В протоколе, зарегистрированном в канцелярии суда города Палермо, можно прочесть о допросе Томмазо Бускетты следователем Джованни Фальконе, который начался 16 июля 1984 года в 12.30.

Томмазо Бускетта настоял на том, чтобы в протоколе было четко записано, что он никогда не был платным шпионом итальянского правосудия и что заявления, которые он намеревался сделать, не были продиктованы никакими корыстными соображениями.

— Я был мафиози, и я совершал ошибки, — читаем мы в протоколе допроса, подписанном им собственноручно. — Я готов вернуть свои долги правосудию, не претендуя ни на какое снисхождение. В интересах общества, моих сыновей, молодежи я готов рассказать все, что знаю, об этой раковой опухоли под названием мафия, чтобы жизнь следующих за нами поколений была более достойной и человеческой.

Томмазо Бускетте понадобилось больше месяца, чтобы рассказать свою историю, уместившуюся на

349 страницах. И хотя он был очень сдержан в том, что касалось его собственных дел, Бускетта охотно высказывался, когда речь заходила о «Коза ностре» в целом. Он объяснил следователям, как осуществляется контроль за территорией, квартал за кварталом, каким образом различные «семьи» установили свою диктатуру почти на всей западной части Сицилии. Томмазо Бускетта назвал сообщников мафии, содействовавших сокрытию преступлений организации, которой он верой и правдой служил более четверти века.

Если бы судебный следователь Фальконе хоть на минуту усомнился в точности сообщаемых Томмазо Бускеттой сведений, разрешить его сомнения было бы очень легко: то, что рассказывал ему бывший «человек чести», совпадало с информацией, собранной во время предыдущих расследований.

Когда Томмазо Бускетта заканчивал давать показания, он потребовал, чтобы в протокол было занесено его последнее заявление, которое можно назвать идейным завещанием. Он хотел, чтобы все знали, что смерти он не боится и не испытывает страха при мысли о том, что его настигнет пуля врагов. Он утверждал, что сделал окончательный и бесповоротный выбор и готов посвятить все свои силы тому, чтобы уничтожить мафию.

Сидевший напротив следователь Фальконе его уже не слушал. Палермские власти готовились нанести по мафии такой удар, каких ей еще не доводилось испытывать.

Облава

На заре 29 сентября, в день Архангела Михаила, небесного покровителя итальянских сил правопорядка, три тысячи полицейских и карабинеров штурмовали Палермо. На основании имеющихся у нее ордеров на арест полиция одновременно врывается в жилища, расположенные во всех концах города. За несколько часов десятки «людей чести» были

арестованы и препровождены в аэропорт Пунта Райзи, где их ожидал специальный самолет, который должен был доставить арестованных в различные тюрьмы на севере Апеннинского полуострова, более надежные, чем палермская тюрьма Уччардоне.

Палермские власти понимали, что выиграли всего одно сражение. Сражение, символическое значение которого ни от кого не ускользнуло, и уж тем более от прессы. Газеты всего мира, а особенно американские еженедельники, посвятили ему свои передовицы.

Однако из трехсот шестидесяти шести человек, которых должны были арестовать в этот день, более половины оказались в бегах. План операции был явно недостаточно разработан для дела такого масштаба. И хотя «Коза ностра» была сильно обескровлена, ее главные органы не стали от этого менее мобильными. Во время облавы было арестовано всего шестьдесят шесть человек, сто сорок из этого списка уже сидели в тюрьме, остальные же продолжали и, конечно, будут и дальше продолжать играть с полицией в кошки-мышки. Те, кому удалось бежать, были по большей части влиятельными членами «Коза ностры», представителями Капитула, главами «семей» или же убийцами. Их власть столь велика, что итальянскому государству, даже помогай ему с десятков таких, как Бускетта, понадобится немало лет для того, чтобы довести дело до победного конца.

Благословение

Через три дня после облавы еще один «человек чести» решился, в свою очередь, нарушить обет молчания. Человек этот нам известен — это Сальваторе Конторно, бывший «боец» Стефано Бонтате, которому удалось избежать расправы в Бранкаччо. С тех пор Сальваторе Конторно укрывался в Риме, намереваясь, как он говорил, уничтожить там своих врагов-корлеонцев. Арестовав его, карабинеры не оставили ему шанса исполнить задуманное.

Читатель помнит, что Сальваторе Конторно неза-

долго до ареста уже сообщил кое-какие сведения полиции, те сведения, которые, в частности, были использованы в знаменитом «рапорте-162», составленном по приказу генерала Карло Альберто Далла Кьезы. Сальваторе Конторно сохранил тогда свое имя в тайне, он фигурирует в полицейском рапорте как «первый обнаруженный источник». Теперь, когда заговорил Томмазо Бускетта и об этом стало известно, положение в корне изменилось. Сальваторе Конторно тоже выразил согласие, чтобы его имя фигурировало в протоколе. Но при условии: он хотел вначале сам удостовериться, что то, о чем сообщали итальянские газеты, было правдой.

В одно прекрасное утро осенью 1984 года кортеж бронированных автомобилей, в одном из которых находился Сальваторе Конторно, выехал из Тосканы и направился в окрестности Рима в некое укрепленное сооружение, до которого они добрались через несколько часов езды.

Нетрудно себе представить волнение Сальваторе Конторно, когда, войдя в дом, он убедился, что достиг конечной цели своего путешествия. Его провели в комнату, в которой находилось несколько полицейских, два следователя и один «человек чести», очень хорошо одетый, совсем как в добрые старые времена. Увидев Томмазо Бускетту, Сальваторе Конторно сказал:

— Я хочу остаться наедине с Доном Мазино.

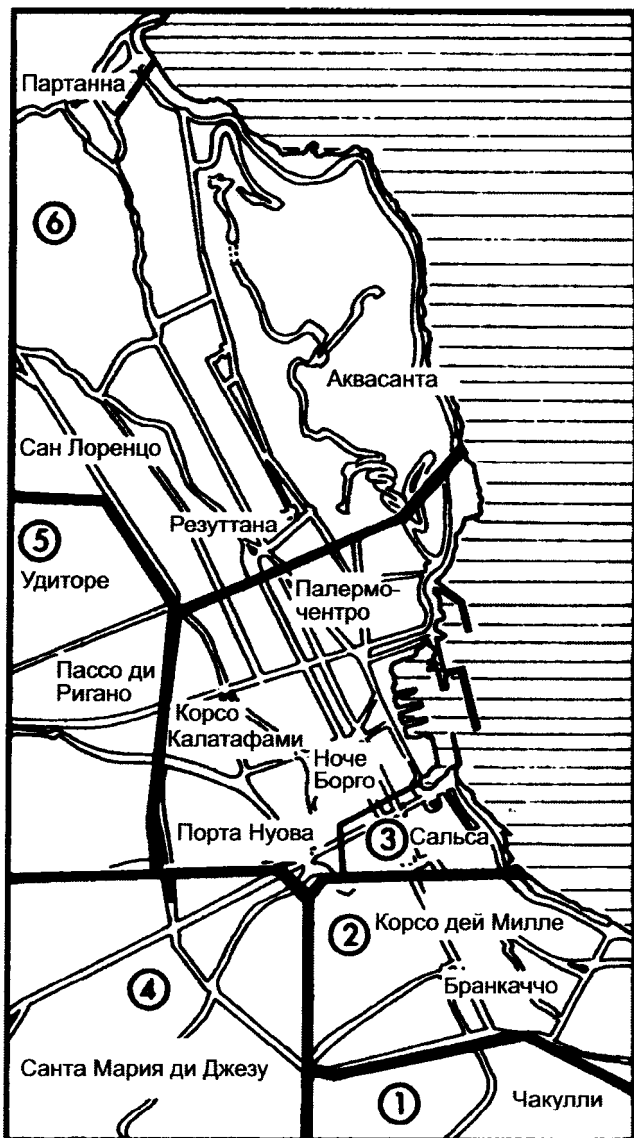
Свидетели, отказавшиеся покинуть помещение, видели, как Томмазо Бускетта сделал какой-то знак Сальваторе Конторно, словно подзывая его к себе. Томмазо Бускетта стоял. Сальваторе Конторно двинулся к нему с опущенной головой. Дойдя до расстояния вытянутой руки, Сальваторе Конторно встал на колени, взял руку Бускетты, поцеловал и разразился рыданиями.

Говорят, в этот момент Томмазо Бускетта возложил руку на голову Сальваторе Конторно и, назвав его уменьшительным именем, произнес:

— Ты можешь говорить, Тотучо.

Вот каковы бывают «люди чести».

**Геополитические карты сфер влияния
итальянской мафии на Сицилии
в начале 80-х годов**

а) Палермо. Зоны влияния различных «семей».

1. *Чакулли*. «Семья» возглавляется кланом Греко. Микеле Греко по прозвищу Папа на протяжении долгих лет выполнял полномочия главы «семьи», пока в 1978 году не был избран генеральным секретарем Капитула. Он уступил свое место одному из дальних родственников, Пино Греко по прозвищу Скарпудзедда (Башмачок), молодому кровожадному убийце. Сальваторе Греко по прозвищу Инженер, брат Микеле, является одним из самых влиятельных лиц в «семье» Чакулли.

2. *Корсо дей Милле*. Неоспоримый глава Корсо дей Милле — Филиппо Маркезе. В начале войны «семей» он осуществлял настоящий террор на своей территории, которая простирается от зоны Аква дей Корсари до Бранкаччо.

3. *Центр города*. Весь центр города Палермо контролируется «семьями» самого высокого ранжира числом около пяти. Обстоятельства сложились так, что некоторые из этих «семей» были распущены. В таких случаях их территория обычно делится между соседними «семьями». Кроме «семей» Ноче, Борго и Корсо Калатафани, самыми значительными мафиозными бандами считаются:

Палермо-центр. После убийства Игнацио Ньюффо в начале 60-х годов во главе «семьи» встал некий Джованни Коралло, в прошлом торговец.

Порта Нуова. Обязанности главы «семьи» здесь исполняет с 1963 года Джузеппе Кало по прозвищу Пиппо Кало, который занял место убитого Гаэтано Филиппоне. Самые знаменитые члены этой «семьи» — Томмазо Бускетта и Джерландо Альберти.

4. *Санта Мария ди Джезу*. Главой этой «семьи» был Стефано Бонтате по прозвищу Сокол. После его убийства на это место были назначены два регента, Пьетро Ло Джакомо и один из братьев Пуллара; эта «семья» была одной из основных в «Коза ностре».

5. *Пассо ди Ригано*. Ее главой был Сальваторе Инцерилло, верный союзник Стефано Бонтате. Он был убит через месяц после Бонтате корлеонцами. Наиболее влиятельные члены этой «семьи» — братья Ди Маджо.

Удиторе. Главой этой «семьи» был отец Сальваторе Инцерилло.

6. *Сан Лоренцо*. В 60-е годы главой этой «семьи» был Филиппо Джаколоне. Теперь, если верить Томмазо Бускетте, эту банду контролируют отец и сын Педоне. Считается, что их зять, могущественный спекулянт недвижимостью Джованни Пило, является «человеком чести».

Партанна. Главой этой «семьи» был ужасный Розарио Риккобонно. Он был союзником корлеонцев в начале войны. По слухам, отравлен вместе с семнадцатью своими людьми во время званого ужина в знак примирения после размолвки со своими недругами.

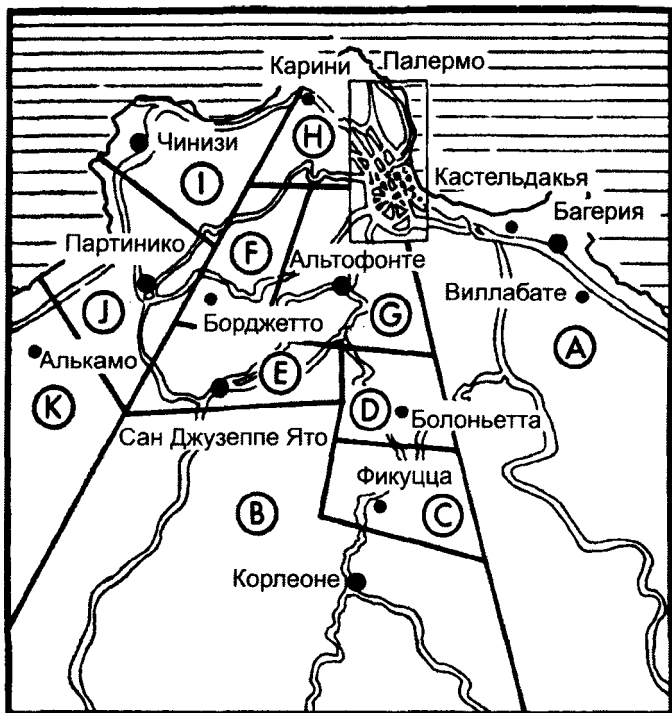
Резуттана. Главу «семьи» зовут Франческо Мадонья. В «семью» Резуттаны входят сегодня территория и «бойцы» их соседей, «семьи» Джардино Инглезе.

Аквасанта. Главу «семьи» звали Гаэтано Галатоло. Неизвестно, существует ли эта «семья» еще и сегодня или ее поглотила одна из банд центральной части города.

б) Зона влияния на Сицилии.

Зоны влияния были в целом поделены. По карте видно, что мафиозные «семьи» расположены в основном в западной части острова, что, впрочем, не мешает им иметь свои территории или опорные пункты на всей остальной части Сицилии.

в) Зоны влияния в провинции Палермо и окрестностях.

Багерия-Виллабате-Кастельдакья. «Треугольник смерти». Три «семьи», которые контролируют эту часть побережья Сицилии, возглавляют то ли родственники Микеле Греко из Чакулли, то ли кто-то из его наиболее преданных союзников. Именно здесь было обустроено значительное число лабораторий по производству героина.

Корлеоне. Неоспоримо авторитетным главой «семьи» является настоящий злодей Лучано Леджо по прозвищу Лучано Лиджо, Верный, который продолжает отдавать приказы из тюрьмы, где отбывает наказание. В его отсутствие за исполнением его приказаний должны следить Бернардо Провенцано и Сальваторе Риина. Эти двое — «люди чести», которые представляют Леджо на собраниях Капитула.

Фичуцца. Здесь распоряжается небольшая банда, целиком подчиненная корлеонцам.

Болоньетта. Глава «семьи» — Джузеппе Боно, один из самых влиятельных мафиози, который пользуется мощной поддержкой миланских финансовых кругов, а также американской мафии, совместно с которой занимается транспортировкой героина.

Сан Джузетте Ято. Глава «семьи» — Антонио Саламоне, член Капитула; он вел дела «семьи», даже находясь на жительстве в Бразилии.

Борджетто. Главой «семьи» был некий Эрасмо Валенца.

Альтофонте. Это маленькая «семья», очень близкая к корлеонцам.

Карини. Эта «семья» возглавлялась братьями Пипитоне, но не была признана официальными структурами «Коза ностры».

Чинизи. До 1978 года «семью» возглавлял Гаэтано Бадалamenti. После изгнания последнего из «Коза ностры» «семья» перешла под контроль его кузена Антонио, который ею и управляет.

Партинико. Глава «семьи» — Антонио Джерачи.

Алькамо. Глава «семьи» — некто по прозвищу Рими.

ХРОНОЛОГИЯ: 35 ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Пятидесятые годы

1950. Томмазо Бускетта уже на протяжении двух лет является членом «семьи» Порта Нуовы. В это время Палермо контролировали около двадцати «семей», каждая из которых состояла в среднем из 30 «бойцов». Никогда прежде мафия не была столь могущественной. Из-за преследований, которым она подверглась при фашистах, мафия была реабилитирована после высадки англо-американского десанта в 1943 году; в этот период «Коза ностра» контролировала практически всю западную часть острова. Она только что разделалась с бандитом Сальваторе Джулиано, уничтожая в зародыше всякие проявления сепаратизма. В это же время «крестные отцы», придерживающиеся традиционных взглядов, типа Калоджеро Виццини и Дженко Руссо, согласились передать бразды правления более молодым и менее старательным. Мафия, контролировавшая сельские территории, перешла в города.

1958. Томмазо Бускетта арестован в Палермо за участие в преступной организации и контрабанду сигарет. Спустя некоторое время его освободили. Паспорт был при этом конфискован, и ему выписали новый после вмешательства депутата итальянского парламента.

2 августа. Глава «семьи» Корлеоне, внушающий ужас доктор Микеле Наварра, убит на трассе 118 неподалеку от местечка Сан Исидоро. Его предполагаемый убийца, один из штатных убийц «семьи» Корлеоне, Лучано Лиджио, вскоре становится широко известен в связи со своими ужасающими преступлениями.

Шестидесятые годы

1962, 26 декабря. Глава «семьи» палермского квартала, Ноче Кальчедонио Ди Пиза, убит на площади Принчипе ди Кампо Реале в Палермо. Это убийство, следствием которого был период напряженных отношений в недрах самого Капитула, ознаменовало начало «большой войны» мафии. Непосредственный виновник смерти Ди Пизы — «семья» Порта Нуовы распущена; Томмазо Бускетта покидает Италию в самом начале боевых действий.

1963, 30 июня. Семерых карабинеров разнесло на куски в результате взрыва начиненного взрывчаткой автомобиля, находившегося неподалеку от Чакулли. Это преступление, за которым последовала длившаяся более года война между бандами, породило беспрецедентный кризис в «Коза ностре». Глава Капитула, Сальваторе Греко по прозвищу Пташка, слагает с себя свои полномочия, распускает правительство «Коза ностры» и покидает Италию, отрекшись, судя по всему, от всякой мафиозной деятельности. Мафия на грани полного исчезновения; палермские «семьи» сворачивают свою деятельность.

1969, 10 декабря. Отряд численностью около десяти человек, некоторые из них переодеты карабинерами, врывается в офис торговца недвижимостью Сальваторе Монкада на улице Страсбурго в Палермо и открывает огонь на поражение. При этом убиты четверо, в их числе — Микеле Каватайо, один из самых жестоких киллеров «Коза ностры». Убийство на улице Страсбурго считается финальным актом «большой войны» шестидесятых и знаменует собой возобновление деятельности «Коза ностры». Сальваторе Риина, «человек» Лучано Леджо, Стефано Бонтате и Гаэтано Бадалamenti составляют триумвират, имеющий целью вновь поставить мафию на ноги.

Семидесятые годы

1970, 16 сентября. Исчезновение журналиста Мауро де Мауро. И хотя его тело так и не было обнаружено, нет никаких сомнений в том, что это именно убийство. Правда, остались невыясненными причины убийства: в Палермо говорят, что журналист де Мауро заплатил жизнью за один нескромный вопрос одному хорошему человеку.

1971, 5 мая. Убийство прокурора Палермской республики Пьетро Скальоне и его шофера. Один из предполагаемых убийц — не кто иной, как Лучано Леджо, который якобы из-за болезни будучи не в состоянии передвигаться стрелял с заднего сиденья автомобиля.

1973, 30 марта. Леонардо Витале, «человек чести» «семьи» Альтарелло, отдается в руки полиции Палермо с намерением открыть секреты «Коза ностры». К несчастью для него, то, о чем он сообщил, не было принято всерьез, и он был помещен в психиатрическую лечебницу. И понадобилось еще более десяти лет, прежде чем служители правосудия смогли оценить важность его свидетельских показаний.

1974, 14 мая. Арест в Милане Лучано Леджо. Его спутница, кажется, узнала его настоящее имя лишь во время ареста. Прежде чем его увели карабинеры, Лучано Леджо попросил женщину не верить ни одной из тех «ужасных вещей», которые она прочтет о нем в газетах. После ареста Лучано Леджо главой Капитула был избран Гаэтано Бадаламенти, шеф «семьи» Чинизи.

1977, 20 августа. Командир карабинеров, полковник Джузеппе Руссо убит на центральной площади Фикуццы вместе с сопровождавшим его профессором. Это убийство произошло вскоре после убийства полицейского Сорино и вызвало глубокий раскол в самом Капитуле. Глава правительства «Коза ностры» Гаэтано Бадаламенти, который обычно должен давать «добро» на убийство таких важных лиц, стал после этого держаться в стороне в момент принятия подобных решений. Спустя немного времени он был отстранен от этой должности и даже вообще исключен из «Коза ностры» по неизвестным причинам. Глава «семьи» Чакулли Микеле Греко по прозвищу Папа занял его место, став генеральным секретарем Капитула.

1978, 30 мая. Глава «семьи» Риези Джузеппе Ди Кристина убит в центре Палермо в 7.45 утра. Осуждая новые методы управления «Коза нострой», введенные Микеле Греко, и предчувствуя свой скорый конец, Джузеппе Ди Кристина начал сотрудничать с карабинерами, сообщив им некоторые тайны своей организации, за что и поплатился жизнью.

1979, 26 января. Убит журналист Марио Франчезе, который собирал информацию о скандале в связи со строительством плотины Гарча. Франчезе обнаружил, что местность, на которой должна была быть возведена плотина, была куплена мафией за 2 миллиарда лир, а затем отошла в муниципальную собственность; при этом прежним владельцам была выплачена компенсация в размере 17 миллиардов лир.

9 марта. Убит Микеле Реина, секретарь христианско-демократической партии Палермо.

11 июля. Убийство в Милане адвоката Джорджио Амброзоли, которому была поручена ликвидация Частного итальянского банка Микеле Синдоны. Перед смертью адвокат пытался отказаться от своих политических обязательств, которые позволили этому банковскому тузу основать фи-

нансовую империю, вобравшую в себя большую часть капиталов мафии. После краха своих банков Микеле Синдона был арестован и осужден в Соединенных Штатах. У его преемника Роберто Кальви было еще меньше шансов, чем у него: его нашли повешенным на одной из несущих балок моста в Лондоне.

21 июля. Сраженный пулями киллеров из «Коза ностры», пал Борис Джулиано, шеф бригады по борьбе с бандитизмом Палермо. Борис Джулиано, ревностный борец с мафией, был одним из первых, кто обнаружил «сицилийский след» при транспортировке героина. Его смерть последовала за арестом одного из корлеонских киллеров, находившихся под началом Лучано Леджо.

2 августа. В Нью-Йорке исчез банкир мафии и Ватикана Микеле Синдона, который жил в роскоши, снимая несколько номеров в отеле «Пьер». Исчезновение произошло менее чем за месяц до его выхода в федеральный суд Манхэттена, перед которым он должен был предстать по обвинению в мошенничестве. Похищение было осуществлено таинственной подпольной группой левых экстремистов. На самом деле Микеле Синдона направился на Сицилию, где встретился с основными руководителями «Коза ностры», затем попытался совершить государственный переворот, перенес хирургическую операцию, с помощью которой надеялся подтвердить, что действительно был ранен из огнестрельного оружия, прежде чем появился в Нью-Йорке 16 октября 1979 года. Приговоренный более чем к десяти годам тюрьмы, Синдона был препровожден в Италию, где также должен был предстать перед судом по обвинению в мошенническом банкротстве и преднамеренном убийстве.

25 сентября. Убийство судьи Чезаре Террановы, независимого депутата от коммунистической партии, члена комиссии по борьбе с мафией. Чезаре Терранова, убитый вместе со своим шофером-охранником, готовился возглавить борьбу с мафией во Дворце правосудия в Палермо.

27 октября. Убийство Джузеппе Руссо, общественного советника христианско-демократической партии в коммуне Бельмонте Меццачано, привлекло особое внимание потому, что жертвой на этот раз стал личный секретарь президента провинции Палермо. Газеты утверждали, что он был убит из-за некоей торговой сделки.

Восьмидесятые годы

1980, 6 января. Убийство председателя Совета Сицилии Пьерсанги Матареллы, произошедшее в центре Палермо, потрясло весь город. До этого времени мафия не осмеливалась поднимать руку на политического руководителя христианско-демократической партии такого уровня. В отличие от своего отца Бернардо, председатель совета Пьерсанги Матарелла относился к тому крылу партии, которое не колеблясь разоблачало связи ее отдельных представителей с мафией, проповедуя курс на оздоровление политической жизни Сицилии.

3 мая. Капитан карабинеров Эмануэле Базиле убит во время ведения расследования, которое он продолжил вслед за покойным Борисом Джулиано. Арестованные фактически на месте преступления убийцы будут оправданы в суде, правда, после обращения в кассационный суд их приговорили, но уже заочно.

6 августа. Убит прокурор Республики в суде Палермо Гаэтано Коста. Через несколько дней глава «семьи» Пассо ди Ригано Сальваторе Инцерилло похвастался тем, что это именно он поручил убить прокурора. Член Капитула Сальваторе Инцерилло якобы не знал о досье, составленном прокурором на некоторых палермских чиновников, и решил убить прокурора Косту исключительно ради демонстрации силы.

13 августа. Убит Вито Липари, мэр Кастельветрано от христианско-демократической партии. По слухам, это было сведением счетов.

6 сентября. Да покоится в мире. Брат Джачинто (мирское имя Стефано Кастроново) пал от пули убийц-непрофессионалов. Это был францисканский монах в монастыре Санта Мария ди Джезу. Позже брат Джачинто стал известен как хранитель одного из кладбищ мафии. В его монашеской келье полицейские обнаружили 4 миллиона лир в мелкой монете и пистолет.

1981, 23 апреля. Глава «семьи» Санта Мария ди Джезу, Стефано Бонтате только что отметил свой день рождения — ему исполнилось 43 года, — как был убит недалеко от дома на одном из палермских бульваров. Стефано Бонтате был одним из двух членов Капитула, кто не скрывал своего негативного отношения к главе правительства «Коза ностры» Микеле Греко.

11 мая. Настала очередь Сальваторе Инцерилло, главы «семьи» Пассо ди Ригано, пасть от пуль своих бывших друзей после одного интимного свидания. Сальваторе Инцерилло был вторым и последним противником Микеле Греко в самом Капитуле.

25 июня. Сальваторе Конторно, один из «бойцов» Санта Мария ди Джезу, остававшийся верным памяти Стефано Бонтате, сумел уцелеть во время покушения, совершенного на него в центре квартала Бранкаччо. Обет молчания обязывает, следователи не найдут ни единого свидетеля громкой пальбы, произошедшей на одной из самых оживленных улиц города в час пик. В эту пору в Палермо происходит в среднем одно убийство в день.

10 сентября. Убийство в Палермо Вито Джевореллы, сержанта-карабинера.

1982, 30 апреля. Убит депутат от коммунистов Пио Ла Торре, только за то, что он был автором проекта закона, направленного против мафии и предусматривавшего конфискацию всего имущества у друзей, сообщников и членов «Коза ностры». Его убийство нисколько не препятствовало принятию этого закона парламентом. Вместе с Пио Ла Торре убит и Розарио Ди Сальво, его шофер.

16 июня. Пятеро карабинеров и конвоируемый ими заключенный убиты из «калашникова» на палермском бульваре. Главной мишенью убийц был заключенный Альфио Ферлито, заместитель главы «семьи» Катания, убитый по приказу его шефа Нитто Сантапаолы.

11 августа. Убит доктор Паоло Джакконе, официальный эксперт палермского суда, так как он идентифицировал отпечатки пальцев одного из убийц из клана Маркезе, которые тот оставил на месте преступления.

3 сентября. Генерал Карло Альберто Далла Кьеза, префект Палермо, борец с мафией, бывший глава комиссии по борьбе с терроризмом в Италии, только что отметил 55 дней начала усиленной борьбы с мафией, когда его убили вместе с женой и шофером. В момент покушения генерал Далла Кьеза, который открыто сетовал на то, что Рим не оказывает ему никакой поддержки, катался по городу со своей женой в маленьком автомобильчике, в то время как сзади за ними следовал его шофер и одновременно охранник в специальном бронированном автомобиле, который должен был обеспечить безопасность префекта.

14 ноября. Убийство полицейского Калоджеро Цуккетто. Несчастный полицейский был убит за то, что дал «добро» на арест нескольких «людей чести», которых давно и хорошо знал.

1983, 25 января. Убийство заместителя прокурора Республики Трапани Джакомо Чаччо Монтальто. Чтобы уничтожить следы преступления, пять человек, задействованных в операции, кажется, в свою очередь тоже были перебиты по прибытии в Соединенные Штаты, где они намеревались скрываться от итальянской полиции.

13 июня. Убит капитан карабинеров Марио Д'Алео, командир отряда Монреале.

28 июля. За получение звания главного следователя палермского суда, консильере Рокко Кинничи был взорван в автомобиле, начиненном пятьюдесятью килограммами взрывчатки. Итог: пятеро убитых, среди которых следователь, трое его охранников и сторож.

1984, 5 января. Катания. Убийство писателя и журналиста Джузеппе Фавы. Вся жизнь этого человека была крестовым походом против мафии.

26 июня. Турин. Убийство заместителя прокурора Республики Бруно Каччи, который вел расследование о деятельности «семей» Катании на севере Апеннин.

10 июля. Арестованный в Бразилии, Томмазо Бускетта переправлен в Италию. Около десяти человек из числа его приближенных убиты в Палермо. Явно для того, чтобы отомстить, Томмазо Бускетта решает рассказать итальянской полиции о тайнах своей организации. Показания «раскаявшийся» мафиози начал давать 16 июля, и так продолжалось в течение месяца, что привело «Коза ностру» в сильное замешательство.

7 августа. Арест заместителя прокурора Республики Трапани Антонио Косты по обвинению в коррупции. Журналисты полагали, что он являлся членом мафии. У него дома полиция обнаружила несколько десятков миллионов лир в мелких купюрах, шесть единиц огнестрельного оружия; один из найденных пистолетов был снабжен глушителем.

18 сентября. Багерия. Убийство сенатора Игнацио Минео, занимавшего высокий пост в Министерстве финансов. Его секретарь, Сальваторе Прецентано, служащий уп-

равы провинции Трезор, будет убит двадцатью днями позже в том же пригороде Багерия.

29 сентября. Полиция и судьи наконец находят эффективный способ борьбы с мафией: массовые облавы. В результате признаний Томмазо Бускетты три тысячи полицейских буквально перевернули вверх дном весь Палермо в надежде арестовать примерно три сотни мафиози. К концу дня результат был скорее обескураживающим: всего лишь несколько десятков «людей чести» были препровождены в тюрьмы на севере Апеннин, однако с того времени следователи располагают детальным «штатным расписанием» «Коза ностры» и могут сносно разбираться в тайнах города Палермо.

3 октября. Большинство бывших мэров Палермо предстали перед комиссией по борьбе с мафией парламента Италии.

18 октября. Массовое убийство в Палермо: полиция обнаружила в баре на площади Скаффа тела восьми молодых людей, убитых выстрелами из ружья. За таким беспрецедентным сведением счетов, безусловно, стоял глава «семьи» Катания Нитто Сантапаола. Судя по всему, эти восемь юнцов были казнены за то, что пытались что-то перепродать без разрешения главы «семейства».

3 ноября. Арест бывшего мэра Палермо Вито Чанчимино. Будучи руководителем первого ряда в христианско-демократической партии на протяжении почти четверти века, Вито Чанчимино одновременно был деловым человеком, который, помимо прочего, отвечал за недвижимость в Палермо, принадлежавшую мафии. Его владения простирались до Канады.

12 ноября. Арест в Палермо двоюродных братьев Игнацио и Нино Сальво, двух самых могущественных людей на всей Сицилии. Будучи налоговыми инспекторами, братья Сальво получали комиссионные свыше шести процентов с сумм, выплачиваемых состоятельными сицилийцами итальянскому государству. Прозванные вице-королями, они составляли часть политического истеблишмента города. По словам Томмазо Бускетты, оба брата были членами «семьи» Салеми.

18 ноября. Палермо. Убийство Розарио Николетти, бывшего секретаря христианско-демократической партии и регионального депутата. Розарио Николетти не переносил, когда его обвиняли в связях с мафией.

1985, 23 февраля. Палермо. Группой из восьми человек убит промышленник Роберто Паризи и его шофер. Президент местного клуба футболистов, вице-президент Ассоциации промышленников города Палермо, Роберто Паризи сделал себе состояние на коммунальных торгах Палермо.

28 февраля. Пьетро Патти, палермский промышленник, отказался заплатить полмиллиарда лир за свою безопасность и был убит. Его девятилетняя дочь, маленькая Гайя, которая находилась с ним в момент покушения, была тяжело ранена.

30 марта. Арест в Риме главы «семьи» Порта Нуовы Пиппо Кало. У него дома полиция обнаружила семь килограммов чистого героина и множество взрывных устройств. Пиппо Кало принадлежали 11 квартир в Риме, три в Порта Ротондо, в Сардинии, а также три виллы. Полномочный представитель «Коза ностры» в Риме, Пиппо Кало был связан с группами ультраправых террористов, с бандитами из неаполитанской каморры и большинством других итальянских аферистов. Его имя фигурировало в деле об убийстве банкира Кальвы.

2 апреля. Трапани. 50-килограммовая пластиковая бомба взорвалась на пути движения бронированного автомобиля, в котором находился заместитель прокурора Республики Карло Палермо, который чудом остался жив. Случайная прохожая и ее дети-двойняшки были убиты взрывной волной. Карло Палермо расследовал одно из наиболее крупных дел о перевозке оружия и наркотиков, когда был судьей в Тренте. Едва прибыв в Трапани, он тут же напал на след одной из последних лабораторий по производству героина, которая действовала на Сицилии. Нет сомнений, что именно поэтому мафия попыталась его устранить. Через несколько дней после покушения Карло Палермо подписал ордер на арест наиболее крупных спекулянтов недвижимостью в Катании.

28 июля. Убийство в Портичелло комиссара Джузеппе Монтаны, командира мобильного отряда, которому было поручено выявить и арестовать около восьмисот мафиози, бежавших от правосудия и живших на Сицилии нелегально.

6 августа. Двести пуль, выпущенных из «калашникова», положили конец деятельности заместителя начальника палермского мобильного отряда Антонино Кассара, а так-

же сопровождавшего его сержанта. В последующие дни больше половины полицейских из этого отряда по борьбе с организованной преступностью потребовали и добились того, чтобы их вывезли с острова.

2 октября. Сидящему в римской тюрьме главе «семьи» Порто Нуовы Пиппо Кало предъявлено обвинение в участии 23 декабря 1984 года в покушении на поезд 904, в результате которого 16 человек было убито и более двух сотен ранено. Утверждают, что Пиппо Кало действовал заодно с бандой неофашистов, каморристов и депутатом от движения крайне правых.

30 октября. Нью-Йорк. Томмазо Бускетта выступает в качестве свидетеля обвинения перед федеральным судом Манхэттена во время процесса, который получил название «След пиццы»; это было судебное разбирательство по поводу транспортировки нескольких тонн героина в Соединенные Штаты. Главный обвиняемый Гаэтано Бадаламенти сделал вид, что не знаком с бывшим другом, ставшим его главным обвинителем. Бадаламенти не смог удержаться от смеха, когда Бускетта, отвечая на вопрос прокурора, сказал: «Чтобы вновь вернуться в мафию, анкету заполнять не нужно». Это был единственный в своем роде случай, когда «человек чести» такого масштаба, как Бускетта, согласился дать на суде свидетельские показания против одного из своих бывших друзей. В обмен на это он получил американское гражданство и прощение за прошлые грехи.

8 ноября. Бригада следователей из комиссии по борьбе с мафией доводит до суда дело против 475 «людей чести». Дело это насчитывало 600 тысяч страниц, а обвинительное заключение — более восьми тысяч. Следствие опиралось на показания, данные Томмазо Бускеттой, Сальваторе Конторно и двадцатью тремя другими исключенными из «Коза ностры» мафиози. Было построено специальное здание, которое могло вместить во время процесса такое количество обвиняемых. Процесс должен был начаться в наступавшем 1986 году. Он ознаменовал конец золотого века «Коза ностры».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Татьяна Баскакова. Христос в кривом зеркале: мафия и Церковь на юге Италии</i>	6
<i>Леонардо Шаша. «Мафия — это...»</i>	23
Предисловие автора.....	37

Глава первая

«ЛЮДИ ЧЕСТИ»

«Коза ностра».....	41
Церемония посвящения.....	44
«Семья» из Porta Нуовы.....	46
Представление.....	48
Счастличик Лучано.....	49
Эпизоды «большой войны».....	51
Друзья «семьи».....	54
Плата за страх.....	57
Профессиональная этика.....	58
О мафиозной морали.....	59
О правде.....	62
Придирки полиции.....	64

Глава вторая

КАПИТУЛ

Чакулли, поселок мафии.....	66
Капитул.....	67
Папа и антипаписты.....	69
Чикитедду, или Пташка.....	70
Корлеоне.....	71
Вторая жизнь «Коза ностры».....	72
Огонь по прокурору Скальоне.....	73
Где восстанавливает свои силы Капитул.....	74
Двойная жизнь «крестного отца».....	77
О потасовках у «людей чести».....	77
Дело Руссо.....	79
Скарпудзедда, или Башмачок.....	81
Конец разговорчивого «крестного отца».....	82
Нарушение границ.....	84
«Семейные» разборки.....	86

Глава третья

НАКАНУНЕ

Палермо, Ла Порте.....	88
«Сицилийский след».....	90
Из «Коза ностры» просто так не увольняют.....	93

Кое-что о зарплате.....	94
«Крестный отец» в христианско-демократической партии	96
Кризис	98
Странный бизнес.....	99
Теплые трупы и отменно охраняемые секреты.....	100
Почему в Палермо убивают прокуроров.....	102
Безоружные секретари	102
Встреча на обочине	104
Проблема доверия.....	105
Вице-короли	106
Инженер и финансист.....	108

Глава четвертая

ЗАПАДНЯ

АК 47	111
Переговоры.....	113
Каин и Авель.....	115
Неприятные визиты.....	116
Выстрелы в ночи	117
Роковое свидание.....	119
Ловушка.....	121
Террорист.....	123
Новости с мест.....	124
Международные телефонные переговоры.....	127
Убийцы детей и дети-убийцы	128
Человек-«калашников»	130

Глава пятая

ЛЕСНОЙ КОРИОЛАН

Повседневная жизнь «бойца» в военное время	131
Яблоко от яблони... ..	133
Мафиозные пирушки.....	133
И вновь Чакулли, мафиозный рай	135
Лаборатории по производству героина	137
Пути-дороги героина.....	140
Связи с городком	142
Сцены охоты в Бранкаччо.....	144
Выжженная земля	148

Глава шестая

КОМНАТА СМЕРТИ

Новичок.....	151
Кровная связь	154
Во власти «крестного отца».....	155
Налетчики-воры.....	157

«Отцы»-палачи.....	158
О перевозке трупов.....	163
Зачем нужны врачи?.....	165
Патология.....	166
Разговоры в бистро.....	167

Глава седьмая

МОРСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Следы на песке.....	170
Случайная жертва.....	172
Как они избавляются от трупов.....	175
Эскадроны смерти.....	176
Что случается с занудами-автомобилистами.....	178
О кислоте, в которой растворяют трупы.....	179
Генерал Далла Кьеза.....	180
Надо убить генерала.....	182
«Рапорт-162».....	184
Сообщники в полиции.....	186
«Треугольник смерти».....	188
Вызов.....	190

Глава восьмая

ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ

Правосудие в осаде.....	192
Банковские расследования.....	195
Ни на кого не похожий обвиняемый.....	197
Раскаяние.....	199
Достояние «Коза nostrы».....	200
Адвокат или сообщник.....	201
«Люди чести» в Уччардоне.....	206
Тот, кто должен умереть.....	210
Великое сумасшествие.....	212
«Семейный» лабиринт.....	212
Как установить имя «человека чести».....	214
Атриды в стране мафии.....	215
Битва при Чакули.....	216

Глава девятая

ЧЕЛОВЕК ИЗ РИО

Странный пассажир.....	218
Южноамериканские сообщники.....	219
Маленькая бразильская Италия.....	221
Антикорлеонский заговор.....	222
Враг.....	223
Смерть детей.....	226
Смерть родных.....	228

Навязчивый друг	231
За решеткой	232
Самоубийство	234
Человек слова и дела	235
Признания Томмазо Бускетты	236
Облава	237
Благословение	238
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КАРТЫ СФЕР ВЛИЯНИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ МАФИИ на Сицилии в начале 80-х годов	240
Хронология: 35 ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ БЕЗ НАКАЗАНИЯ	245

Кальви Ф.

К 17 Повседневная жизнь итальянской мафии /Пер. с фр. О. Ивановой. — М.: Мол. гвардия, 2000. — 258 [14]. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества.).

ISBN 5-235-02370-6

Сегодня никому не приходит в голову представлять мафию как стихийно возникшую группу благородных разбойников, гордо бросающих вызов обществу, неспособному защитить их от ударов судьбы. Но все же слишком часто мафиози становятся героями книг, фильмов, а детям во многих странах, в том числе в России, родители покупают в магазине игрушек настольную игру «Мафия». Автор книги Фабрицио Кальви — французский журналист, много лет изучавший историю и собиравший документальный материал на родине мафии — Сицилии. Ф. Кальви пытается проникнуть в святая святых этой тайной преступной организации и рассказать о тех обычаях и законах, по которым строятся ее повседневная жизнь и деятельность ее «семей»: как посвящают в члены мафии, как делится между кланами территория, из-за чего вспыхивают войны, кто и как раздвигается с неудобными. Книга снабжена хронологией событий, связанных с деятельностью мафии на Сицилии с 1950 по 1985 год.

УДК 323(450)

ББК 66.3 (4Ит)

Кальви Фабрицио

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ИТАЛЬЯНСКОЙ МАФИИ

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редакторы **М. Н. Иванова, О. И. Ярикова**

Младший редактор **Е. А. Попова**

Художественный редактор **К. Г. Фадин**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректор **Ю. П. Баклакова**

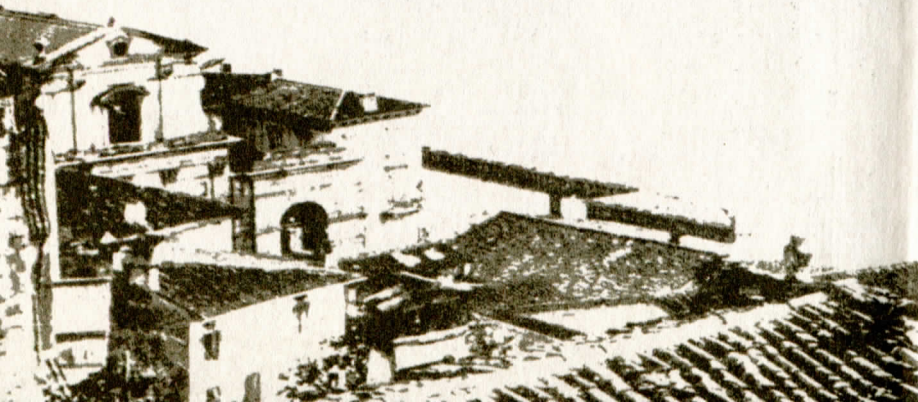
Лицензия № ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 26.09.99. Подписано в печать 09.12.99. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 14,28. Тираж 5000 экз. Заказ 97163.

Издательство ОАО «Молодая гвардия». Адрес издательства 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

Типография ОАО «Молодая гвардия». Адрес типографии 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02370-6

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Ж.-П. Креспель
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОНМАРТРА
ВО ВРЕМЕНА ПИКАССО»

П. Монтэ
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН
ВО ВРЕМЕНА
ВЕЛИКИХ ФАРОНОВ»

И. Клулас
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
В ЗАМКАХ ЛУАРЫ
ВО ВРЕМЕНА ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Ж. Эр
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПАПСКОГО ДВОРА
ВО ВРЕМЕНА
БОРДЖИА И МЕДИЧИ»

П. Фор
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ
ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ»

А. Бегунова
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО ГУСАРА»

ISBN 5-235-02370-6

9 785235 023703

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ